

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 10

Киров
2017

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор,
президент Вятского государственного университета, ORCID 0000-0002-2706-3904

Заместитель главного редактора

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор,
Вятский государственный университет, ORCID – 0000-0001-7421-0615

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент,
Вятский государственный университет, ORCID 0000-0003-2271-3995

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, Вятский государственный университет, ORCID 0000-0002-4859-8553

Состав редакционной коллегии:

- А. А. Печенкин, доктор исторических наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. И. Бакулин, доктор исторических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
Т. А. Закаурцева, доктор исторических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);
Д. А. Редин, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);
Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);
Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);
А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0001-8135-4043, ResearcherID Q-3185-2017;
В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0002-2880-8162;
Е. О. Галицких, доктор педагогических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
О. Ю. Полякова, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
О. И. Колесникова, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0002-6159-6261;
Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);
D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);
E. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия), ORCID 0000-0002-8271-4909;
Н. Л. Шубина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);
H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);
Е. Н. Лагузова, доктор филологических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);
М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);
А. М. Дорожкин, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);
Е. С. Черепанова, доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);
Е. А. Счастливецова, доктор философских наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. А. Кутырев, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);
Л. Т. Ретюнских, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в «Роскомнадзоре»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя/редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,
тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**
Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**
Редактор выпускающий **А. Н. Петрова**

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Ненашев М. И.</i> Повествование как временной феномен.....	5
<i>Маслов Е. С.</i> Критерии отбора материала в историческом повествовании: нарратологический аспект.....	13
<i>Шабалин В. В.</i> Исследование феномена визуальности экранного пространства в образной структуре телевизионного информационного материала	18

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Машковцев А. А., Машковцева В. В.</i> Старообрядцы и западные христиане Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв.: сравнительная характеристика социального статуса.....	25
<i>Гончаров Г. А.</i> Система подготовки призывников Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Кировской области).....	35
<i>Белова Н. А.</i> Добровольная ссылка жен опальных вельмож в эпоху дворцовых переворотов	43
<i>Поздеев П. В.</i> Совещательные и координационные органы в сфере охраны труда в муниципальных образованиях: проблемы статуса и деятельности.....	48
<i>Гилязов З. З., Айнутдинов Р. А.</i> Татарская периодическая печать времен Первой мировой войны.....	53
<i>Касаткина Е. Б.</i> Административная ссылка жителей Кавказа в Вятскую губернию во второй половине XIX – начале XX в. как вид принудительной миграции	57

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Юнгблуд В. Т., Збоев А. В.</i> Роль неправительственных организаций в восточноевропейской политике США в конце 1980-х – начале 1990-х гг.	66
<i>Сенников А. И.</i> Иракские курды в политике США в 1969–1976 гг.	74

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Байкова О. В.</i> Интерференционные особенности в иноязычной речи немцев-билингвов на уровне просодии и интонации (экспериментально-фонетическое исследование).....	85
<i>Кондакова И. А. В.</i> фон Гумбольдт о метафоре и метонимии	91
<i>Обухова О. Н., Оношко В. Н., Березина Ю. В.</i> Подходы к исследованию картины мира	96
<i>Сатина Д. Д.</i> Структура и содержание художественного концепта game в романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».....	105

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Емельянов Б. В., Ионайтис О. Б.</i> «Другой» Чернышевский: версия В. К. Кантора.....	112
---	-----

CONTENTS

- Nenashev M. I.* Narrative as a temporal phenomenon
- Maslov E. S.* Criteria for the selection of material in historical narrative: the narratological aspect
- Shabalin V. V.* The Research of visual screen space in the figurative structure of TV information
- Mashkovtsev A. A., Mashkovtseva V. V.* Old Believers and Western Christians of Vyatka province at the turn of the 19th and 20th centuries: comparative characteristics of social status
- Goncharov G. A.* The system of training of recruits of the red army on the eve and during the Great Patriotic War of 1941–1945 (on the materials of the Kirov region)
- Belova N. A.* Voluntary exile of wives of disgraced nobles in the era of palace revolutions
- Pozdeev P. V.* Advisory and coordination bodies in the field of labour protection in municipalities: problems of status and activities
- Gilazev Z. Z., Ainutdinov R. A.* Tatar periodical press of the times of the First World War
- Kasatkina E. B.* Administrative exile of the Caucasus natives to the Vyatka province in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century as a type of forced migration
- Yungblud V. T., Zboyev A. V.* The role of NGOs in the Eastern European policy of the USA in the late 1980s – early 1990s.
- Sennikov A. I.* Iraqi Kurds in U.S. policy in 1969–1976
- Baykova O. V.* Interference features in foreign language speech of bilingual Germans on the level of prosody and intonation (experimental-phonetic research)
- Kondakova I. A.* W. von Humboldt on Metaphor and Metonymy
- Satina D. D.* The structure and content of the art concept game in the novel by George. D. Salinger's "The catcher in the rye"
- Obukhova O. N., Onoshko V. N., Berezina V. Yu.* Approaches to Studying the Worldview
- Emelyanov B. V., Ionaitis O. B.* «Other» Chernyshevsky: version by V. K. Kantor

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК: 7.01

Повествование как временной феномен

Ненашев М. И.

доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и социологии, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: mnenashev@inbox.ru

Аннотация: Обосновывается предположение, что осмысленное повествование в виде временного процесса связано с возможностью противопоставления одной части соответствующего текста другой, – подобно тому как оппозиция переднего и заднего планов в пространственных искусствах позволяет увидеть образ, воплощающий замысел художника. В связи с этим используются идеи Лотмана относительно возможности различения в структуре повествования сюжетной и бессюжетной частей и вариантов их взаимоотношения. Обращается внимание на то, что эта возможность различения и, соответственно, неразличения привносит вариативность в процесс повествования. Показывается, в частности, что известные киноверсии чеховского рассказа «Дама с собачкой» могут быть поняты в качестве такого рода возможных вариантов его прочтения.

Ключевые слова: повествование, феноменологический сдвиг, время, феномен, восприятие, вариативность.

Narrative as a temporal phenomenon

Nenashev M. I.,

doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of cultural studies and sociology, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Abstract: Substantiates the assumption that a meaningful narrative in a temporal process is that it allows them to oppose one part of the text another, as well as displaying the foreground and background in spatial art allows you to see an image that embodies the artist's intention. In this regard, the use of the ideas of Lotman about the possibility of differences in the structure of the plot and disembodied parts and their relations. Draws attention to the fact that the possibility of such distinguishing, and therefore not distinguishing introduces variability into the process of storytelling. Shows in particular that the famous film version of the Chekhov story "The lady with the dog" can be comprehended as this kind of possible reading.

Keywords: narrative, phenomenological shift, time, phenomenon, perception, variability.

Эдмунд Гуссерль в работе «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» на примере восприятия белого листа бумаги вводит понятия переднего и заднего плана, или фона.

«Когда я в собственном смысле слова воспринимаю нечто, замечая его, я обращен к предмету, например к листу бумаги, я схватываю его как здесь и теперь сущее. Схватывать значит выхватывать, все восприятие наделено неким задним планом опытного постижения. Вокруг листа бумаги лежат книги, карандаши, стоит чернильница и т. д., и все это тоже „воспринимается“ мною, все это перцептивно есть здесь, в „поле созерцания“, однако пока я обращаюсь в сторону листа бумаги, они (книги, карандаши, чернильница. – М. И.) лишены любого, хотя бы и вторичного обращения и схватывания. Они являлись, но не были выхвачены, не были положены для себя» [1].

Очевидно, что мы имеем здесь пример так называемого феноменологического сдвига, или эпохэ, состоящего в переходе от восприятия бытия вещи вне нашего сознания к описанию акта восприятия вещи в качестве феномена [2].

Это восприятие вещи состоит в ее выхватывании из совокупности окружающих вещей, которые представляют задний план восприятия, или фон. Эти вещи тоже находятся в поле созерцания и каким-то образом воспринимаются, тем не менее в данный момент времени они находятся вне акта схватывания. Они присутствуют и, так сказать, имеются в виду, но не положены как нечто самостоятельное.

Гуссерль пишет о том, что возможны модификации в результате свободного поворота взгляда, необязательно физического, который «от листа бумаги, замеченного первым, переходит к тем предметам, какие являлись уже раньше того, следовательно, „имплицитно” уже сознавались здесь, – они-то после поворота взгляда и становятся сознаваемыми эксплицитно, воспринимаемыми „со всем вниманием” или же „отмечаемыми наряду с иным”» [3].

Таким образом, в ходе модификации внимания то, что ранее воспринималось в качестве фона, может сместиться на первый план, а то, что воспринималось в качестве вещи переднего плана, переместится в область фона. Но при всех модификациях остается в качестве некой константы факт самого различения двух планов восприятия.

Рассмотрим под этим углом зрения картину Репина «Бурлаки на Волге», которая в качестве произведения искусства, а не просто физической вещи, состоящей из рамы, холста и пятен краски определенного химического состава, тоже является феноменом. В этой картине мы можем выделить (выхватить, сказал бы Гуссерль) из всей группы бурлаков фигуру «философа» в шляпе и с трубкой, и тогда все остальные бурлаки окажутся по отношению к ней фоном. Но мы можем выхватить актом внимания трех передних бурлаков, тянущих свои лямки в полную силу, и тогда фоном окажутся остальные бурлаки вместе с нашим «философом» [4]. Можем сосредоточить свое внимание на песке под ногами бурлаков и на реке с баржой. Тогда фоном окажутся бурлаки в качестве одной слаборазличимой внутри себя массы. И снова неустранимым обстоятельством при всех модификациях нашего внимания окажется само различение переднего плана и фона в качестве неперемennого условия определенности самого акта восприятия: вижу именно это на фоне вот этого!

Но обратим внимание на важную сторону дела. Для созерцания физических вещей, лежащих на столе, вполне естественными оказываются произвольные модификации выхватывающего взгляда: белый лист бумаги, а все остальное – фон; либо книга, а все остальное, в том числе и белый лист бумаги, – фон, и т. д. При созерцании картины «Бурлаки на Волге» мы тоже можем произвольно переводить взгляд с одного на другое. Но если мы учтем, что перед нами не просто разбросанная совокупность нарисованных вещей, но произведение искусства, то есть нечто *созданное* с определенным замыслом, то произвольное превращение вот этого фрагмента в то, что находится на первом плане, а вот этих фрагментов в фон – не будет выглядеть естественным. Можно, конечно, сосредоточиться на созерцании желтого песка под ногами бурлаков или блеска реки. Но очевидно, что не эти фрагменты картины являются тем, что можно назвать *реальным* передним планом в соответствии с целью написания самой картины.

Таким образом, при переходе к созерцанию картины в качестве произведения искусства, с одной стороны, сохраняется разделение изображенного на передний план и фон, но, с другой стороны, это разделение уже не является, если так можно выразиться, переменной величиной, зависящей от нашего произвола. В противном случае перед нами окажется простая совокупность фрагментов, но исчезнет картина как изображение вот этого.

Нетрудно убедиться, что однозначное разделение на передний и задний план, или фон, – именно такое, а не иное, является характерной чертой для всех так называемых пространственных искусств, в основе которых лежит рисунок. Скульптуру Венеры Милосской мы, конечно, можем осматривать со всех сторон, причем в произвольных направлениях, но очевидно, что в качестве переднего плана выступает именно то, что мы можем созерцать, став перед скульптурой лицом к лицу.

И в архитектуре та же ситуация. При созерцании собора Нотр-Дам в Париже ничего не мешает нам сосредоточить внимание на химерах в верхней части собора, но очевидно, не ради этих химер был построен собор, и точно не они относятся к тому, что можно назвать в данном случае передним планом.

Итак, в пространственных искусствах присутствует оппозиция переднего и заднего плана, в то же время выясняется, что модификации этой оппозиции в виде произвольной перемены местами обоих планов восприятия войдут в противоречие с авторским замыслом соответствующего произведения искусства.

Теперь представим процесс повествования литературного текста, например рассказа Толстого «После бала». Непосредственно актер имеет дело с текстом, который находится перед его

глазами. И тем не менее повествуется не текст, но рассказ, записанный в виде текста. Конечно, рассказ можно исполнить, читая его просто наизусть. Но и в этом случае текст будет находиться перед мысленным взором актера. Важно то, что, с одной стороны, чтение рассказа предполагает опору на текст, но, с другой стороны, читается все-таки не текст, но рассказ в виде *временного* процесса повествования некоторого смыслового содержания. Так же как дирижер, не упуская из виду лежащую перед ним партитуру на юпитре, играет с оркестром не партитуру, а музыкальное произведение.

Впрочем, вполне можно представить зачитывание текста в виде механического воспроизведения соответствующих звуков, однако в таком случае получим мертвое, часто просто бессмысленное чтение.

Итак, речь идет о повествовании на основе текста. При этом под повествованием мы будем понимать изображение событий, следующих друг за другом или обуславливающих друг друга *во времени* [5].

Выдвинем предположение. Переход от зачитывания текста (пусть и с так называемым «выражением») к его исполнению в виде повествования связан как минимум с *различием и противопоставлением одной части текста другой*, – подобно тому как различие переднего и заднего планов на картине позволяет увидеть образ, воплощающий замысел художника. В чем же состоит различие и противопоставление в случае повествования?

Так как речь идет о повествовании в качестве *временного процесса*, то фундаментальным выступит различие «до» и «после». Очевидно, что это должно быть такое различие, которое относится не просто к последовательности фрагментов исполняемого произведения: вот начало рассказа, а *после* исполняется (читается) следующая часть, а *после* нее – следующая часть, и так далее. Ведь начало тоже в принципе можно дробить на фрагменты «до» и «после», а эти фрагменты снова дробить аналогичным образом. То же самое можно сказать и о других частях произведения.

Чтобы не попасть в ловушку дурной бесконечности разнообразных «до» и «после», повествование должно различить (выделить) некое *особое событие* в повествуемом, которое более или менее однозначно разделило бы произведение всего на *две* части. Это событие, следовательно, не просто должно стоять в ряду других событий (по принципу – вот еще одно событие), оно должно заключать в себе некое особое содержание, выделяющее его из других событий, каждое из которых ведь тоже имеет свое определенное содержание. Это особое содержание, чтобы не являться просто еще одним содержанием наряду с другими содержаниями, должно состоять в акте *переистолкования* всего того, что происходило «до», и превратить все, что произойдет «после», в цепь событий с иным отчетом времени. Речь идет об особом акте сознания со стороны хотя бы одного из действующих лиц произведения, разделяющем все повествование на две разные по смыслу части.

Но ведь и в живописи деление на передний и задний план тоже есть не что иное, как акт сознания. В чисто физическом плане, как было уже указано, мы можем свободно (произвольно) переводить взгляд с одного на другое, а это значит, что различие в картине переднего и заднего плана привносится актом сознательного противопоставления того и другого. И вот этот акт противопоставления превращает нарисованное в картину.

Так как речь идет все же о повествовании, то есть изображении следующих друг за другом во времени событий, то акт переистолкования со стороны действующего лица всего, что было «до», *может быть не выделен* в качестве особого события среди других событий. И тогда произведение выступит единой композицией, состоящей из череды следующих друг за другом событий.

Таким образом, обнаруживается возможность по крайней мере двух вариантов прочтения одного и того же текста: при одном прочтении акт переистолкования того, что было «до», выделяется в качестве особого события, при втором – не выделяется. Неизбежный выбор того или иного варианта прочтения привнесет то искомое мыслительное содержание, которое превращает чтение текста в исполнение произведения искусства.

Здесь оказывается уместным обращение к идеям Ю. М. Лотмана. В своей работе «Структура художественного текста» он вводит деление текста на бессюжетную и сюжетную части. Бессюжетная часть описывает мир с определенным порядком внутренней организации, в котором не допускается изменение элементов, нарушающее установленный порядок. Сюжетная же часть строится как отрицание бессюжетной части. Переход к сюжетной части осуществляется посредством события, которое мыслится как то, *что произошло, хотя могло и не произойти*.

Обратим внимание на то, что событие, характеризующееся таким образом, – произошло, хотя могло и не произойти, – подпадает под определение случайного. В философской литературе яв-

ление называется случайным, если оно *привносится* в некоторую область извне и не может быть понято как результат необходимого развития данной области явлений. Необходимым же считается явление, если оно однозначно детерминировано определенной областью действительности. Поэтому такое явление неустранимо в границах этой области действительности и предсказуемо на основе знания о ней [6].

Очевидно, что область необходимого можно соотнести с тем, что Лотман называет бессюжетной, а область случайного, как не вытекающего с однозначностью из области необходимого, соотносимо с сюжетной частью. Событие же, которое произошло, но могло и не произойти, является точкой перехода из бессюжетной структуры в сюжетную.

Лотман продолжает: бессюжетная система первична и может быть воплощена в самостоятельном тексте. Сюжетная же система вторична и представляет собой пласт, наложенный на основную бессюжетную структуру. При этом отношение между обоими пластами является конфликтным: именно то, невозможность чего утверждается бессюжетной структурой, составляет содержание сюжета [7].

Если мы сведем вместе определения необходимого и случайного с идеей Лотмана о событии, посредством которого осуществляется переход от одной реальности (бессюжетная часть) к другой реальности (сюжетная часть), то получим понимание того, каким образом происходит превращение текста в повествование изображаемого.

Но снова обратим внимание на следующую сторону дела. Речь идет о повествовании *событий*, следующих друг за другом или обуславливающих друг друга во времени. Среди этих событий предстоит выделить то *особое* событие, которое состоит в пересечении границы, разделяющей обе структуры. Однако в самом процессе повествования это событие не может быть выделено каким-то естественным образом. Здесь не проходит аналогия с картиной, где различие переднего и заднего плана задано однозначно. Повествование, в отличие от трехмерного пространственного произведения искусства [8], одномерно (одни фрагменты излагаются за другими), и в силу этой одномерности любое событие, в том числе и то событие, которое мы выше назвали особым, предстает как «одно из» в чередке всей совокупности событий.

А это означает, что событие, отделяющее бессюжетную часть от сюжетной, не является предзаданным, так сказать, очевидным. Оно должно быть *выделено* самим исполнителем (чтецом при чтении рассказа или стихотворения). Но может быть и *не выделено*. В последнем случае повествуемое целиком предстанет в виде того, что Лотман называет бессюжетной структурой. Тем самым снова обнаруживается *принципиально вариативный характер* повествования, а значит и восприятия повествуемого. В этом состоит его отличие от произведений искусства в виде картины, скульптуры или архитектуры, где разделение на передний план и фон задается однозначно и поэтому не может быть вариативным.

Итак, повествование в виде чтения, например рассказа, романа и т. д. в виде процесса во времени может быть построено либо как описание единой области реальности, в которой все события подчиняются определенным закономерностям, либо как описание, в котором присутствует переход из одной области реальности в другую, и тогда по крайней мере одно из событий должно быть выделено в качестве условия, которое сделало возможным этот переход.

Получается, что само бытие художественного произведения в форме повествования во времени неизбежно предполагает отличные друг от друга способы бытия этого произведения. При этом каждый способ бытия наравне с другими будет выступать самостоятельным произведением искусства.

Рассмотрим под этим углом зрения рассказ Толстого «После бала». С одной стороны, можно предположить в качестве одного из напрашивающихся прочтений рассказа интенцию на разоблачение николаевской России. Тогда на первый план выступит подчеркивание контраста между умилением героя от созерцания полковника, танцующего со своей дочерью на губернаторском балу, – и тем, что герой увидел, когда обуреваемый не остывшими впечатлениями от бала вышел под утро прогуляться: наказание шпицрутеном под руководством этого же полковника солдата-татарина за попытку сбежать от ужасов военной муштры.

А далее представить в качестве *следствия* знакомства героя с изнанкой жизни отказ от государственной службы, карьеры, от Вареньки, отец которой так ревностно выполнял свои обязанности по долгу службы. Весь рассказ целиком предстанет описанием одной определенной области действительности. В ней все события, в том числе и отказ героя от публичной деятельности, выступили бы необходимо вытекающими из особенностей описываемой области действительности – николаевской России.

Но можно представить иную версию прочтения рассказа, при которой на первый план выступило бы особое событие *сознательного* ухода в другую область реальности, в которой невоз-

можно ни государственная служба, ни карьера, ни чувство любви к Вареньке. Получится рассказ о трагедии полного сил и, возможно, незаурядных способностей человека, так и не реализовавшего свои силы и способности. Его сознательный уход в приватное существование предстал бы тем, что произошло, хотя могло бы не произойти.

Таким образом, можно предположить, что лотмановским событием, которое переводит из одной реальности в другую, является не просто некоторое случайное событие в промежутке между любыми «до» и «после» в художественном тексте. Но – именно событие *осознания* героем невозможности продолжать прежнюю жизнь. Тем самым лотмановское событие оказывается *актом переистолкования, или переосмысления*, со стороны героев того, что происходило с ними прежде.

Очевидно, что осознание (понимание) невозможности продолжения того же самого *не вытекает необходимым образом* из этого «того же самого», в этом смысле оно именно случайно. Реальное же прочтение литературного произведения в виде повествования во времени может учитывать в качестве особого события акт осознания героем невозможности продолжения «того же самого», но может и не учитывать. И вот это «учитывать либо не учитывать» порождает, снова это подчеркнем, возможность различных прочтений одного и того же произведения.

Разъяснения самого Лотмана относительно перехода из бессюжетной части текста к сюжетной говорят в пользу понимания события, переводящего в другую реальность, как связанного с актом сознания. Лотман пишет: «Сюжетный текст строится на основе бессюжетного как его отрицание... Выделяются две группы персонажей – подвижные и неподвижные. Неподвижные – подчиняются структуре основного, бессюжетного типа. Они принадлежат классификации и утверждают ее собой. Переход через границы для них запрещен. Подвижный персонаж – лицо, имеющее право на пересечение границы. Это Растиньяк, выбивающийся снизу вверх, Ромео и Джульетта, переступающие грань, отделяющую враждебные “дома”, герой, порывающий с домом отцов, чтобы постричься в монастыре и сделаться святым, или герой, порывающий со своей социальной средой и уходящий к народу, в революцию. Движение сюжета, событие – это пересечение той запрещающей границы, которую утверждает бессюжетная структура» [9].

Здесь даны примеры героев, переходящих в другую реальность, и каждый раз речь идет о переосмыслении всей прежней жизни, выступающем причиной изменения всей последующей жизни.

Вариативность прочтения литературного произведения особенно интересно показать на рассказе Чехова «Дама с собачкой». Рассказ четко делится на две части. Первая часть предстает типично бессюжетной структурой. Здесь различные стороны жизни главного героя, Гурова, – женитьба на нелюбимой женщине и его связи с другими женщинами, отказ от деятельности, к которой у него были способности, а может быть даже талант (филология, пение в опере) и материальная обеспеченность (служба в банке, наличие двух доходных домов), – можно представить как необходимым образом связанные друг с другом.

Относительно связей Гурова с женщинами Чехов уточняет: сближение с женщинами, которое Гурову вначале представлялось милым и легким приключением, каждый раз вырастало в чрезвычайно сложную задачу, и положение становилось тягостным. Но при новой встрече этот опыт ускользал из памяти, и всё казалось так просто и забавно.

В эту бессюжетную часть в качестве еще одного события среди многих вписывается ялтинская связь с Анной Сергеевной и чувство облегчения, когда Анна Сергеевна уехала. Вписывается также возобновление прежней сытой московской жизни в кругу таких же сытых и обеспеченных людей.

К бессюжетной части рассказа можно отнести и то, что ялтинские впечатления продолжали сохраняться какое-то время в качестве части его жизни. Ведь очевидно, что текучка сложившегося образа жизни могла поглотить и эти воспоминания, как это произошло в рассказе Чехова «Юныч», когда чувства к Екатерине Ивановне, дочери семейства Туркиных, потонули в сентенции «Сколько хлопот, однако!».

Но произошло неожиданное, не вытекающее с необходимостью из установившегося образа жизни, – осознание невозможности продолжения прежней жизни, в которой «ненужные дела и разговоры всё об одном отхватывают на свою долю лучшую часть времени, лучшие силы... точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах!». И Гуров едет в город С., чтобы встретиться с Анной Сергеевной.

Это осознание невозможности жить по-прежнему стало событием, которое перевело героя в другую реальность: возобновление встреч с Анной Сергеевной, резкое усложнение всей жизни, привнесение в нее двусмысленности, неопределенности и чувства безысходности.

Внешне ситуация выглядит как еще одно превращение милого и легкого приключения в сложную и тягостную задачу. Но теперь эта внешне та же самая ситуация наполнилась бесконечным смыслом и чудом любви.

И вот здесь, прямо по Лотману, сюжетная структура накладывается на основную бессюжетную структуру. Это выразилось в переплетении двух тем, не связанных между собой напрямую: любви и безнадежного поиска решения, которое позволило бы начать «новую прекрасную жизнь» без обмана и разлуки.

Важно то, что самостоятельность этих тем позволяет строить отличающиеся друг от друга версии рассказа. Тема безнадежности и безвыходности, диктуемые необходимостью «прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видеться подолгу», как нам представляется, акцентирована в фильме Иосифа Хейфица («Дама с собачкой», 1960 г.). Неслучайна душераздирающая концовка фильма: Анна как на дне колодца в единственном освещенном окне на темном фоне здания гостиницы и одинокая фигура Гурова с бесконечно длинной тенью на сером снегу.

Реализацию темы любви мы видим в фильме-балете «Дама с собачкой», поставленном Борисом Галантером на музыку Родиона Щедрина с Майей Плисецкой и Борисом Ефимовым в главных партиях (1986 г.). В своих воспоминаниях Майя Плисецкая пишет о том, что центральной в постановке балета была идея влюбленных, воспаряющих над обыденностью и мелочностью жизни. Все действие было выстроено в виде пяти больших па-де-де (танец двоих): пролог, прогулки, любовь, видение, встреча [10].

Можно отнести четыре первых дуэта к тому, что Лотман назвал бы бессюжетной частью, здесь каждый следующий фрагмент является естественным развитием предыдущего, а центральным выступает изображение любви как страсти. В последнем же дуэте, который может быть определен в качестве сюжетной части, изображается любовь как нежность.

Плисецкая пишет, что все остальное выступало лишь фоном, аккомпанементом: променады ялтинской публики на набережной, картины зимней московской жизни – разноликая, как бы вальсирующая толпа обывателей-сограждан, которых ни Анна Сергеевна, ни Гуров не замечают.

Очевидно, что оба прочтения рассказа – в виде фильма И. Хейфица и балета Б. Галантера – являются самостоятельными произведениями, которые бессмысленно сравнивать по степени приближения к некоему оригиналу.

Чисто логически можно предположить возможность такого прочтения чеховской «Дамы с собачкой», в котором бессюжетная часть включит (растворит в себе) в том числе и событие новой встречи с Анной Сергеевной. Нам представляется, что именно этот вариант реализовал в фильме «Очи черные» (1987) Никита Михалков, поставленном, как отмечает сам режиссер, с использованием мотивов произведений Чехова. Действительно, в фильме проводится важнейшая для Чехова тема бездарно прожитой жизни. Но очевидно, что композиция фильма выстроена в соответствии с сюжетом рассказа «Дама с собачкой».

В фильме основное действие происходит в Италии, где в санатории с приехавшей из России Анной знакомится и сближается Романо, который собирался быть архитектором, но женитьба на женщине со значительным состоянием отодвинула эти планы на неопределенное время. Романо не стремится обременять свою жизнь проблемами и обязательствами, в то же время он привлекателен, пользуется вниманием женщин.

После отъезда Анны Романо устраивает себе поездку в Россию, встречается с Анной, обещает развестись с женой и вернуться, чтобы навсегда соединиться с любимой женщиной. Приехав в Италию, он обнаруживает, что жена разорена. Он не находит в себе силы сообщить ей о своих планах развода с ней и уверяет жену, что никакой другой женщины у него нет. Спустя несколько лет от России у него сохраняются лишь воспоминания о цыганах, их песнях и танцах.

Фильм построен в виде рассказа стареющего Романо, служащего официантом в ресторане на пароходе, о своей жизни русскому собеседнику, путешествующему по Европе с женой. И когда его собеседник спрашивает о той русской женщине, которая его любила и, возможно, до сих пор его ждет, Романо отвечает, что уже восемь лет прошло, да и что ж такого было? А если что-то и было, то что? Кто знает? И кто сегодня о ком думает? Достаточно только об этом подумать, и жизнь становится тихой и спокойной!

Возражая ему, русский собеседник рассказывает о том, как он женился на любимой женщине, первый брак которой был неудачный. После развода она жила у тетки в жутких условиях, постоянные проблемы, денег нет, она даже хотела покончить с собой. Его она не любила, но он за семь лет восемь раз делал ей предложение. И когда она, наконец, согласилась, сказав, что его не любит, но будет ему всегда верна, он принял это условие с восторгом.

Романо признает, что прожил свою жизнь как черновик, у него не было ни настоящего дома, ни настоящей семьи, и он ничего не помнит. Помнит только песню цыган из России, под мотив которой тут же начинает машинально пританцовывать: Лю-ли, лю-ли, ай лю-ли, лю-ли.

Русский идет за своей женой, которая задремала на палубе в шезлонге, чтобы познакомиться ее со своим новым знакомым. Его женой оказывается Анна.

Фильм Михалкова является особой версией чеховской «Дамы с собачкой», в которой жизнь Романо, своеобразного двойника Гурова, можно целиком отнести к бессюжетной части, в ней были события, но не состоялось Событие, которое переводит в иной способ бытия. Лишь Анна шагнула в другую жизнь, правда, не став от этого счастливее.

В некоторых произведениях Чехова событие переосмысления прошлой жизни и осознания невозможности ее продолжения может выступить в конце рассказа, после которого вообще отсутствует изложение другой жизни (сюжетной части, по Лотману). Например, таким осознанием невозможности жить по-прежнему заканчивается рассказ «Учитель словесности».

«Начиналась весна такая же чудесная, как и в прошлом году, и обещала те же радости... Но Никитин думал о том, что хорошо бы взять теперь отпуск и уехать в Москву и остановиться там на Неглинном в знакомых номерах. В соседней комнате пили кофе и говорили о штабс-капитане Полянском, а он старался не слушать и писал в своем дневнике: "Где я, боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!"».

Но понятно, что и здесь возможны различные версии прочтения рассказа. Можно акцентировать внимание на внезапном *обнаружении* героем пошлости окружающей его жизни, но можно поставить акцент просто на *изображении* жизни героя, а изменение его сознания представить как еще одно событие в ряду других событий.

Примечания и список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 78.
2. О феноменологическом сдвиге см.: *Ненасhev М. И.* Введение в философию: учеб. пособие для магистрантов и аспирантов. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. С. 137–139.
3. Гуссерль Э. Указ. соч.
4. Тот, кого мы шутливо обозначили философом, на самом деле являлся так называемым кабалным. Это тот, кто успевал еще в начале пути промотать жалованье за весь рейс, поэтому работает за харчи и не особенно старается. См.: Бурлаки на Волге – кто все эти люди. URL: <http://maxpark.com/user/15307/content/3036326> (дата обращения: 03.05.2017).
5. См.: Курс русского языка. Русский язык и культура общения. Текст-повествование и его виды. URL: http://licey.net/free/4-russkii_yazyk (дата обращения: 20.09.2016).
6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. III. С. 53.
7. *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 226–228.
8. То, что в живописи на двухмерном холсте создается всего лишь *иллюзия* трехмерного пространства, не имеет значения. Конечно, возможны картины, в которых изображения намеренно плоски, то есть двухмерны, но и в них имеется некий фон, не сливающийся с тем, что изображается, и играющий таким образом роль третьего измерения. Ср. картины Казимира Малевича, представителя супрематизма.
9. *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 228.
10. Майя Плисецкая. Мои балеты. URL: http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/27373 (дата обращения: 04.06.2017).

Notes and References

1. Husserl E. Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy. Vol. 1. – M: House of intellectual books, 1999. P. 78.
2. About a phenomenological shift see: *Nenashev M. I.* Introduction to philosophy: textbook for undergraduates and postgraduates. – Kirov: Publishing house of Vyatshu, 2013. S. 137-139.
3. Husserl E. Ideas to pure phenomenology and phenomenological philosophy. Vol. 1. P. 78.
4. The one we jokingly designated the philosopher, in fact, was the so-called bonded. Is the one who was able in the beginning to squander the salary for the entire flight, so it works for feeding and not particularly trying. See: Volga boatmen – who are all these people // <http://maxpark.com/user/15307/content/3036326> (Date of access 03.05.2017)
5. See: Russian language course. Russian language and communication culture. Text-the narrative and its types / http://licey.net/free/4-russkii_yazyk (Date of access 20.09.2016).
6. New philosophical encyclopedia: In 4 t. – M.: Thought, 2010. T. III. P. 53.
7. Lotman Yu. M. About art. – SPb.: Art – SPB, 1998. S. 226-228.

8. What painting on a two dimensional canvas creates an illusion of three-dimensional space, does not matter. Of course, the possible paintings in which the images are intentionally flat, i.e. two-dimensional, but they have a background that does not merge with what is portrayed, and it plays thus the role of the third dimension. Compare paintings of Kazimir Malevich, a representative of Suprematism.

9. Lotman Yu. M. About art. P. 228.

10. Maya Plisetskaya. My ballets // http://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/27373 (Date of access 04.06.2017).

УДК: 167+930.1+82.0

Критерии отбора материала в историческом повествовании: нарратологический аспект

Маслов Е. С.

кандидат философских наук, доцент кафедры общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420111, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18. E-mail: eumas@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена критериям отбора материала при создании исторических нарративов. Эти критерии, наряду с типизацией как элементом повседневного познания и научными законами в естествознании, рассматриваются в качестве одного из способов преодоления множественности объектов опыта. Проводится параллель между критериями отбора исторического материала в формулировках Г. Риккерта, Б. Кроче, А. Данто и других авторов, с одной стороны, и интригой как критерием для отбора материала в художественном тексте (Аристотель, П. Рикёр) – с другой. В обоих случаях источником отбора видится проективность некоего субъекта (персонаж художественного произведения, субъект истории). Изменчивость критериев (Б. Кроче, М. Стэнфорд) связывается, во-первых, с рассмотрением истории с позиций различных субъектов (персонажей), а во-вторых – с неочевидностью того, какие факторы являются наиболее значимыми для реализации того или иного проекта.

Ключевые слова: нарратив, нарратология, множественность, интрига, персонаж, история, критерии отбора исторического материала, философия истории, Данто, Кроче, Риккерт, Лотман, Рикёр, Аристотель, Поэтика.

Criteria for the selection of material in historical narrative: the narratological aspect

Maslov E. S.

candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of general philosophy, Institute of Socio-Philosophical Sciences and mass communications, Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420111, Kazan. E-mail: eumas@rambler.ru

Abstract: The article is devoted to the criteria for the selection of material in historical narratives. These criteria, along with typing as an element of everyday knowledge and scientific laws in natural science, are considered as one of the ways to overcome the multiplicity of objects of experience. A parallel is made between the criteria for the selection of historical material in the formulations of H. Rickert, B. Croce, A. Danto and other authors, on the one hand, and intrigue as a criterion for the selection of material in fiction (Aristotle, P. Ricoeur). In both cases, the source of selection is projectivity of a certain subject (the character of the work of art, the subject of history). Variability of criteria (B. Croce, M. Stanford) is associated, first, with the consideration of history from the positions of various subjects (characters), and secondly – with the non-obviousness of what factors are most significant for the implementation of a particular project.

Keywords: narrative, narratology, plurality, intrigue, character, history, criteria for selecting historical material, philosophy of history, Danto, Croce, Rickert, Lotman, Ricoeur, Aristotle, Poetics.

Явления, с которыми сталкивается человек в ходе познания мира, неисчислимы. Взаимодействуя с миллионом объектов, человек может познать, оценить и учесть при построении своих действий десять, сто или тысячу из них, но не весь миллион. В этом случае человек всегда рискует: не окажется ли среди неучтённого что-то очень важное? И насколько ценен будет произведённый расчёт, опирающийся, по сути, на очень и очень неполный обзор фактов? Не удовлетворяясь такой ситуацией, человек всегда использовал механизмы перехода от неисчислимого и потому неохватного к немногочисленному. Его можно охватить мысленным взором – если не за один раз, то за несколько, уместив обзор в небольшой временной промежуток. Это позволяет в приемлемые сроки завершать анализ и переходить к определению оптимального образа действий.

Так, например, абстрагирование и обобщение позволяют уловить сходство в различном и таким путём превратить многое в единое: единичные вещи предстают как частные случаи, охва-

тываемые обобщающим понятием. Из множества отбирается самое важное, и далее человек имеет дело именно с ним.

Допустим, мне нужно ответить на вопрос, что находится на моём письменном столе. Я упомяну карандаш, но оставляю без внимания его точную длину, царапину на его боковой части и расстояние от него до края стола. Мне не придёт в голову интересоваться фамилиями сделавших его людей, хотя можно представить себе предмет и ситуацию, когда и такая информация будет релевантной, например в случае с висящей на стене картиной. При описании даже самых простых вещей всегда задействуется лишь незначительная часть имеющейся информации, которая к ним относится. Вместе с тем мы не испытываем сложностей с подобным описанием. У нас в сознании есть готовые механизмы, облегчающие задачу, – типизации [1].

Наука является одним из путей сведения неисчислимого к исчислимому путём выделения значимого. Успехи точных и естественных наук позволили им быть очень эффективными в данной роли. В безбрежном множестве материальных предметов и их свойств физик вычленяет некоторые свойства, настолько немногочисленные, что часто их можно пересчитать по пальцам, например массу, линейные размеры, временную продолжительность процесса, ускорение, силу и т. п. Эти характеристики позволяют исчерпать весь немислимо разнообразный мир механического движения, причём настолько успешно, что на основе такого исчерпывания строятся уверенные прогнозы и разрабатываются технологии достижения практических целей. Аналогично обстоит дело с химическими понятиями и законами: они обезоруживают неисчислимость разнообразностей веществ. Научные теории дают дополнительные, весьма изощёренные основания для типизации, недоступные обыденному сознанию.

В социально-гуманитарных дисциплинах научные понятия, выводящие на законы или хотя бы закономерности, так же, как и в естественных науках, дают критерий отделения значимого от незначимого. Исследуя социальные феномены, я могу сразу обращать внимание на соотношение спроса и предложения, или на господствующий тип легитимности, или на жанровые признаки художественного произведения и т. д. Однако социально-гуманитарные науки значительно меньше естественных преуспели в открытии объективных законов, которым подчиняются изучаемые ими объекты.

Некоторые дисциплины, в первую очередь история, принципиально делают ставку на изучение единичного (ср. разграничение номотетических и идеографических наук). Но если нет обобщающего принципа, откуда взять критерий выделения значимого из необозримого моря событий, действующих лиц, вещей и их свойств?

При построении исторических нарративов мы, прежде всего, обнаруживаем некий дорефлексивный уровень вычленения значимого. Его механизмы определяют облик древних летописей и современных новостных сводок. И те и другие отвечают на вопрос: что произошло? Откуда-то мы знаем, что война с соседним государством и смена династии будут чем-то важным, относящимся к истории, в отличие от большинства других событий. В современной исторической науке дорефлексивный уровень вычленения значимого уже не является единственным, но по-прежнему играет огромную роль.

Проблема критериев отграничения значимого от незначимого при отборе материала исторического повествования давно интересует философов истории. Г. Риккерт считает, что в основе этих критериев лежит «отнесение к ценности» – признание значимости события с точки зрения общезначимых культурных ценностей. «Отнесение к ценности» сам Риккерт призывает не путать с оценкой, которой, по его мнению, не место в историческом исследовании. Так, по его мнению, не дело историка оценивать французскую революцию положительно или отрицательно, но все историки признают, что революция затронула много объектов и характеристик, связанных с общезначимыми культурными ценностями. Это и делает её историческим событием [2].

Выдающийся представитель аналитической философии истории А. Данто тоже обращается к проблеме критериев выделения среди необозримого моря событий того, что может считаться важным, значимым и что в итоге и составляет ткань исторического повествования. Эти критерии, отмечает Данто, наличествуют и в других сферах функционирования нарратива: так, описание того, как летали и куда садились отдельные мухи в зале суда мы не воспримем как адекватную часть описания судебного заседания [3].

Данто выделяет – в качестве предположений – четыре варианта ответа на вопрос о критериях отбора материала при построении исторического нарратива.

Первый критерий: решающим оказывается прагматическое значение информации, когда «...выбор историком определённого исторического события или лица обуславливается тем, что данный предмет изучения представляет для него моральный интерес, и поэтому он не только

сообщает, что же в действительности произошло, но и даёт этому моральную оценку» [4]. Таково описание устройства другого государства с целью показать превосходство своего или, наоборот, чтобы покритиковать своих соотечественников.

Во-вторых, по мнению А. Данто, «последовательность событий может иметь значение для исследователя, поскольку он рассматривает эти события как иллюстрации или свидетельства в пользу некоторой общей теории, которую он стремится подтвердить или опровергнуть» [5]. Например, такой интерес могут представлять для К. Маркса события французской истории XVIII–XIX веков – для доказательства его тезисов о классовой борьбе.

Третий критерий Данто называет «значение в свете последствий»: «Событие Е можно назвать значимым для некоторого историка Н, когда Е имеет важные, с точки зрения Н, последствия» [6]. Например, эпидемия чумы в Европе в XIV в. привела к созданию рынка рабочей силы и возрастанию оплаты труда, что способствовало разрушению феодальной системы личной зависимости.

Четвёртый критерий Данто связывает с «раскрывающим значением», когда «...на основе некоторой совокупности свидетельств мы постулируем некое повествование и затем продолжаем поиск подтверждающих его свидетельств. Обнаружение таких свидетельств может считаться важной находкой, поскольку, наконец, получает подтверждение то, в чём мы ранее не были уверены» [7].

Б. Кроче тоже затрагивает вопрос о критериях отбора материала, достойного внимания историка. Он утверждает следующее: «...нет логического критерия, указующего нам, какие сведения или документы полезны и важны; нет именно потому, что отбор имеет практический, а не научный характер. <...> Критерий состоит в самом отборе, обусловленном, как любое экономическое предприятие, знанием ситуации, а в данном случае практическими и научными нуждами определенного момента или эпохи» [8]. Таким образом, Кроче подчёркивает ситуативность критериев отбора, их зависимость от меняющихся целей того, кто исследует историю.

А. В. Гулыга, возражая Б. Кроче, утверждает, что «...материалистическое понимание истории даёт логический критерий для отбора фактов. Это прежде всего понятие исторической закономерности. Те события, которые определяют лицо эпохи, способствуют или препятствуют определению исторической закономерности, являются историческими». Историка, по мнению Гулыги, «...редко выпадает на долю открытие новой, не известной ранее закономерности, чаще всего он опирается на известные уже законы, применяя их к осмыслению нового эмпирического материала» [9]. Можно заметить, что подход Гулыги соотносится со вторым из вышеописанных четырёх критериев отбора исторического материала по А. Данто.

Теоретик исторической науки второй половины XX в. М. Стэнфорд рассматривает вопрос о критериях отбора событий, заслуживающих внимания историка, и приходит, подобно Б. Кроче, к выводу о ситуативности критериев: «Нет никаких правил ни относительно масштабов, ни относительно важности, поскольку они варьируются в зависимости от контекста и людей, вовлечённых в восприятие и оценку» (перевод наш. – Е. М.) [10].

Как нам представляется, формулируемый Г. Риккертом критерий «отнесения к ценности» в большей степени применим к дорефлексивному, донаучному и вненаучному историческому познанию, в то время как Б. Кроче, А. Данто и М. Стэнфорд пишут скорее о критериях отбора материала в исторической науке. Ниже мы попытаемся показать, что в обоих этих случаях в критериях отбора можно выделить аспекты, связанные с природой нарратива.

Одно из оснований для отнесения события к числу значимых формулирует Ю. М. Лотман. Событие – в литературном произведении или историческом тексте – «...мыслится как то, что произошло, хотя могло и не произойти. Чем меньше вероятности в том, что данное происшествие может иметь место (то есть чем больше информации несет сообщение о нем), тем выше помещается оно на шкале сюжетности. <...> ...событие – всегда нарушение некоторого запрета, факт, который имел место, хотя не должен был его иметь» [11]. Этот принцип приводит нас к критерию необычности, масштабов изменения того, что существовало ранее. Заметим, что само по себе изменение, даже масштабное, может не быть «замеченным» в качестве события, если оно ожидаемо. Косвенно этот критерий, безусловно, связан с «отнесением к ценности» Г. Риккерта, о котором речь шла выше, так как нарушение стандартного хода вещей способно изменить ценностно значимые аспекты социальной реальности.

Автор любого нарратива, вымышленного или невымышленного, подобно историка, сталкивается с необходимостью свести неисчислимость объектов опыта к обозримому количеству элементов текста. Аристотель в «Поэтике» рассматривает эту проблему применительно к художественному нарративу и связывает критерий отбора материала с целостностью произведения.

Целостность и единство фабулы, по Аристотелю, не может быть обеспечено одним только единством главного героя, так как «...с одним может случиться бесконечное множество событий, даже часть которых не представляет единства» [12]. Даже если сузить обзор и взять не все события, происходящие с одним героем, а только все его действия, всё равно, пишет Аристотель, мы будем иметь дело с множественностью, которую не сможем положить в основу цельности повествования. Решение, которое предлагает Аристотель: единство фабулы достигается за счёт её выстраивания вокруг одного действия. В качестве блестящего примера сам Аристотель приводит Одиссею, всё разнообразие событий которой объединено соотносённостью с одним действием – возвращением Одиссея в Итаку [13].

П. Рикёр развивает эту мысль Аристотеля, характеризуя интригу как источник упорядоченности, целостности и завершенности нарратива. Рикёр связывает эту способность интриги с её происхождением из подражания человеческому действию – идея такого подражания также восходит к «Поэтике» Аристотеля. Интрига является решающим фактором в вопросе о том, какие события подлежат объединению в ту или иную историю: «...событие должно быть чем-то большим, нежели отдельный случайный факт. Оно получает определение в зависимости от своего вклада в развитие интриги» [14].

Критерии отбора материала для нарративов, в основу которых положены действия разных персонажей, естественно, будут различаться, но здесь речь ещё не идёт о критериях отбора исторического материала вообще. Например, критерии отбора материала для истории Англии и истории России не одинаковы, хотя какие-то события могут входить в оба названные нарратива. Вместе с тем история составляет собою не один нарратив, а множество, и, соответственно, то, что оказалось второстепенным для одного, будет важным в другом. Однако набор «главных героев» исторического нарратива, являющихся основой для интриги, не остаётся неизменным: с развитием исторической науки он становится всё более сложным. Так, одной из заслуг Вольтера было то, что он способствовал рассмотрению истории не только как истории царств и царей, но и как истории народов [15]. В наши дни активно утверждается написание истории с позиции женщин: как пишет Кит Дженкинс, «...хотя в прошлом жили миллионы женщин (в Греции, Риме, в Средние века, в Африке, Америке...), немногие из них фигурируют в истории, то есть в исторических текстах. Женщины, так сказать, были “скрыты от истории”, то есть систематически исключались из большинства исторических описаний. Соответственно, феминистки сейчас заняты задачей “вписать женщин обратно в историю” ...» (перевод наш. – Е. М.) [16].

Критерий «отнесения к ценности», о котором пишет Г. Риккерт, отсылает нас к интересам, ценностям и целям участников исторических событий. Основой структурирования исторического нарратива оказывается, если использовать нарратологические термины, интрига, производная от проективности этих участников. Другие критерии, разобранные нами выше, с меньшей очевидностью связаны с этим источником упорядочивания. Исследователь стремится разобраться в причинах и следствиях, закономерностях и индивидуальных особенностях исторических событий. Поэтому для него, казалось бы, представляют ценность такие детали, которые играли очень незначительную роль в жизненных проектах людей прошлого. Например, симптом изменения экономического типа или начала некоего культурного влияния будет для иного учёного более важен, чем судьба средневекового города, осаждаемого врагами. Однако за этим кажущимся равнодушием к интересам персонажей истории стоит попытка обнаружить некие глубинные, неявные связи, играющие ключевую роль в том, что облик эпохи был именно таким. Это можно сказать о втором, третьем и четвёртом критериях отбора исторического материала, выделяемых А. Данто, а также о позиции А. Гулыги. Открывая историческую закономерность, учёный, даже если подходит к ней со стороны факторов, малозначимых для людей прошлого, утверждает нечто о причинах неограниченно большого количества событий, включая даже ещё не свершившиеся, и поэтому парадоксальным образом как нельзя более соответствует критерию, который сформулировал Г. Риккерт. Ситуативность критериев, о которой пишут Б. Кроче и М. Стэнфорд, означает лишь то, что невозможно заранее утверждать, какой именно материал позволит исследователю выйти на след исторической закономерности или механизма причинности исторических событий.

Примечания и список литературы

1. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. С. 20–22, 30–33.
2. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 93–95.
3. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 128–129.
4. Там же. С. 130.

5. Там же. С. 130–131.
6. Там же. С. 131.
7. Там же. С. 131–132.
8. Кроче Б. Теория и история историографии. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 66–67.
9. Гulyга А. В. Эстетика истории. М. : Наука, 1974. С. 24.
10. Stanford M. A Companion to the Study of History. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA : Blackwell Publishing Ltd, 1994. P. 173.
11. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб. : «Искусство-СПБ», 2005. С. 226.
12. Аристотель. Риторика. Поэтика. М. : Лабиринт, 2004. С. 157.
13. Там же.
14. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. М. ; СПб. : Университет кн., 1998. С. 81.
15. Кузнецов В. Н. Вольтер и философия французского Просвещения XVIII в. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. С. 242.
16. Jenkins K. Re-thinking history / with a new preface and conversation with the author by Alun Munslow. L. ; N. Y. : Routledge Classics, 2003. P. 9.

Notes and References

1. Schutz A. Obydennaya i nauchnaya interpretatsiya chelovecheskogo deystviya [Common-sense and scientific interpretation of human action] // Schutz A. Favorites: Mir, svetyashchiysya smyslom. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. P. 20–22, 30–33.
2. Rickert H. Nauki o prirode i nauki o duhe [Kulturwissenschaft und naturwissenschaft]. Moscow: Republic, 1998. P. 93–95.
3. Danto A. Analiticheskaya filosofiya istorii [Analytical philosophy of history]. Moscow: Ideya-Press, 2002. P. 128–129.
4. Ibid. P. 130.
5. Ibid. P. 130–131.
6. Ibid. P. 131.
7. Ibid. P. 131–132.
8. Croce B. Teoriya i istoriya istoriografii [Theory and history of historiography]. School «Languages of Russian Culture», 1998. P. 66–67.
9. Gulyga A.V. Estetika istorii [Aesthetics of history]. – Moscow: Nauka, 1974. P. 24.
10. Stanford M. A Companion to the Study of History. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Blackwell Publishing Ltd, 1994. P. 173.
11. Lotman Y.M. Struktura hudozhestvennogo teksta [Structure of artistic text] // Lotman Y.M. Ob iskusstve [About art]. St. Petersburg: «Iskusstvo-SPb», 2005. P. 226.
12. Aristotle. Ritorika. Poetika [Rhetoric. Poetics]. Moscow: Labirint, 2004. P. 157.
13. Ibid.
14. Ricoeur P. Vremya i rasskaz [Time and narrative. Vol. 1]. Moscow; St. Petersburg: University Book, 1998. P. 81.
15. Kuznetsov V. N. Volter i filosofiya frantsuzskogo Prosveshcheniya XVIII veka [Voltaire and the philosophy of French Enlightenment of the XVIII century]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1965. P. 242.
16. Jenkins K. Re-thinking history / with a new preface and conversation with the author by Alun Munslow. London; New York: Routledge Classics, 2003. P. 9.

Исследование феномена визуальности экранного пространства в образной структуре телевизионного информационного материала

Шабалин В. В.,

официальный телеоператор, аппарат Правительства Российской Федерации. 103274, г. Москва, Краснопресненская наб., 2. E-mail: v-shabalin@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена феномену визуальности экранного пространства в образной структуре телевизионного информационного материала. Автор рассматривает пространство с философской и художественной точек зрения; исследует современную стилистику репрезентации события в новостном телевизионном материале, выявляет его специфику в ракурсе понятия пространства в системе гуманитарного знания, как форму внешнего выражения объектов в окружающей реципиента действительности; анализирует структурные составляющие многомерного экранного пространства, такие как конструкт телевизионного полиэкрана, дополнительная визуализированная информация, композиция телекадра с дополненной реальностью в виде симулякра. Существенное внимание уделено концептуальному внутрикадровому взаимодействию объектов композиции как внутриэкранному процессу воссоздания новой аудиовизуальной среды на активной (телеприемник/монитор) или неактивной, созерцательной (видеопроекция) поверхности; раскрыто содержание пространства-времени с хронологической координатой расположения мизансцен на авторской линии повествования в информационном телевизионном материале.

Ключевые слова: видеоряд, изображение, образ, пространство, реальность, событие, телевизионный контент, экран.

The Research of visual screen space in the figurative structure of TV information

Shabalin V. V.

official cameraman, the staff of the Russian Government.
Krasnopresnenskaya embankment, 103274, Moscow. E-mail: v-shabalin@mail.ru

Summary: The article describes the phenomenon of visual screen expanse in the figurative structure of television information. The author considers the expanse from philosophical and art points of view; explores modern style the representation of events in news, reveals its specific as the concept of space in the system of humanitarian awareness, as well as the form of external expression of objects relative to the recipient; analyzes the structural components of multidimensional display space, such as the construct of the television split screen, additional visuals, composition tele cadre with augmented reality within the simulacrum. Specific attention is paid to the conceptual intraframe interaction of objects of the composition inside the screen rebuilding the new audiovisual environment for the active (TV/monitor) or not active, contemplative (video projection) of the surface. The author reveals the content of space-time in chronological coordinate of staging within the narration line in television information.

Keywords: additional visualized information, event, image, television content, space, screen, video series.

В системе современного гуманитарного знания понятие «пространство» как философская категория, характеризующая взаимное расположение объектов [1] и «способ существования объективного мира, неразрывно связанный со временем» [2], не раз становилось предметом исследования, в том числе рассматриваясь в ракурсе событийности жизни общества. Но в отличие от времени как формы бытия, «при которой единственно возможно созерцание ее внутреннего состояния» [3], пространство олицетворяет форму его внешнего выражения. В исследовании структуры экранного пространства телевизионного информационного материала весьма важно обратить внимание на особенности пространства реального с окружающими реципиента объектами. Как отмечал Гегель, «мы не можем обнаружить никакого пространства, которое было бы самостоятельным пространством; оно есть всегда наполненное пространство и нигде оно не отличается от своего наполнения» [4].

Документальный фильм как «эстетическое отражение жизни, обязан считаться со строением реальных вещей», – подчеркивает С. В. Дробашенко [5]. Именно образы объектов реального пространства, композиционно выстроенные в плоскостной структуре мизанкадра, создают

экранное пространство образа-события. В этом контексте Н. Н. Третьяков уточняет: «Вся работа над композицией неизбежно связана с восприятием и изучением пространства» [6]. Так, в произведениях художественной литературы феномен пространства затрагивается как в привычном понимании расположения объектов на сюжетной линии: «За окном, под холодным, сырým ветром стонал ясень. Какое же огромное ночное пространство от Лондона до дому!» [7], так и в образном – говорится о ночи уже как некоем предмете на страницах того же романа Дэвида Лоуренса: «Ночь такая огромная, незнакомая, и нет ей, извечной, ни конца ни края» [8] или «Пол подошел к углу дома, обращенного к другому краю ночи. И ясень теперь показался другом» [9].

Экранное пространство не представляет собой исключительно локацию для инсталляции образов, а являет, в том числе, ландшафт переплетенных репортером сюжетных нитей в единой художественной ткани телевизионного материала. Как подчеркивает С. В. Дробашенко, «развернутое описание жизни, отражение действительности – все это ничто без авторской мысли» [10], в том числе и в репортаже, с учетом его хронологической составляющей. Экранный конструкт пространства-времени новостного материала, демонстрируемого на активной (телеприемник) или не активной (способ проекции) поверхности формируется в процессе монтажа. «Монтировать – значит организовывать кинокуски (кадры) в киновещь...» [11] сложной по строению пространственной структуры, к которой относится полиэкран. Аристотель заострял внимание на том, что «не существует целого помимо частей» [12], поэтому визуализируется общее пространство телевизионного материала с несколькими окнами (также визуальными пространствами) в композиции телекадра.

Современные медийные реалии являют наряду с общеизвестным внутрикадровым взаимодействием объектов композиции, то есть композиционным монтажом, внутриэкранный процесс воссоздания новой аудиовизуальной среды. Если в кинематографе, а позднее и на телевидении видоизменение изображения происходило в рамках одного кадра, то сегодня классическое его построение пересматривается, а экранный язык меняется. Персональные монтажные переходы внутри полиэкрана зависят как от зрительского восприятия, так и от авторской стилистики, цветового и тонального решения кадра, избирательного размещения звукозрительных потоков на телеэкране, внимания к деталям. «Бесконечная вариативность интерпретаций стабильного художественного объекта сменяется принципиально неравными себе ядрами виртуальных вариаций. Место стабильного, определенного результата творческого процесса занимает подвижный, нестабильный технообраз, являющийся таковым не по воле автора, а по определению как объект виртуального становления», – констатирует Н. Б. Маньковская [13].

Полиэкран, будучи композиционно структурирован, предполагает наличие таблицы или решетки, «в которой можно четко расположить явление, представить его в различных видах», – отмечает А. М. Буров [14]. Более того, создается определенный поэтический ритм и специфическая темпоритмическая структура из «мини-картин» полиэкрана, в том числе не разграниченных межконным фоном общей площади кадра, трактуемая как «фазизм». Нередко ведущий телевизионной рубрики [15] отображается одновременно в кадре с разных ракурсов съемки. Без разграничения окон зримой гранью в полиэкране происходит слияние фонов обоих мини-кадров в один общий (рис. 1, пример аналогичной рубрики), что направлено на создание впечатления целостного изображения.

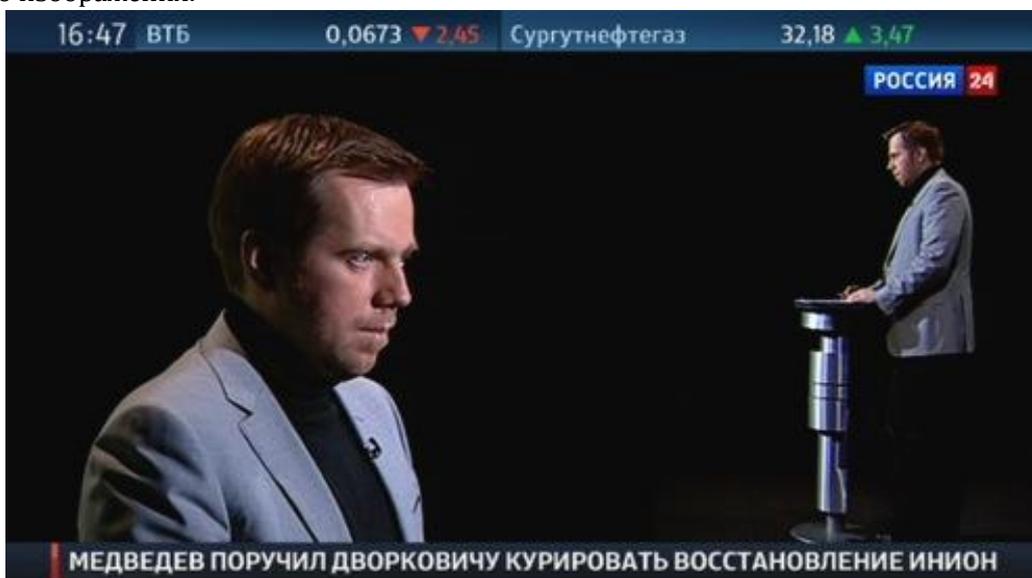

Рис. 1. Скриншот телевизионного кадра из рубрики «Реплика Алексея Бобровского», Россия 24

Композитинг изображения объединяет сегменты полиэкрана в единый визуальный образ, только отчасти воспринимаемый как диалог двух персон в оригинальной конструкции новостного материала. Благодаря этому создается впечатление псевдообъема образа на плоскости. «Одномерность нами воспринимается спокойно. Двухмерность – уже строится, а трехмерность – как бы подразумевается» [16]. Из этого заключения В. А. Фаворского вытекает следующий вариант построения визуальной пространственной структуры телекадра – полиракурсный, в котором процесс фиксации объекта реальной действительности требует двух синхронизированных съемочных аппаратов для полномасштабного раскрытия образа в «объемном» кадре.

Вопрос необходимости расширения воспринимаемого реципиентом пространства кадра, задействуя визуальный объем как в сторону зрителя от рампы экрана, так и в противоположную, стал актуален далеко не сегодня. Перманентное развитие 3D-визуализации, привнесшей качественные изменения в характер внутрикадровых построений, происходит в разных направлениях. Если в двухмерной композиции для придания ощущения объема помещенный на передний план элемент отделялся от фона при помощи «размывания» последнего, то для стереоскопического изображения важен фон с четким очертанием объектов, и дистанцируется он благодаря бинокулярным параллаксам. Вместе с тем продвигаются «безочковые» технологии, купольная проекция, а также способ видеопоза как бы изнутри зафиксированного события. Так, мобильное приложение «RT 360» [17] на платформе телеканала «RT» (Russia today) демонстрирует любую пространственную часть события в произвольном направлении в границах окружающей его условной сферы. В приведенном примере на практике иллюстрируются следующие слова Гегеля о пространстве как представляющем «собой некое внешнее определение, но <...> не только некое внешнее определение, а скорее есть внешность в нем самом» [18].

Говоря о применении объемной визуализации в целом, в том числе как об уплотнении визуального объема телевизионного кадра и увеличении информационного контента на единицу пространства, отметим активное введение в экранное поле симулякра, с теми же задачами представления дополненной реальности в новостном материале. Искусственный визуальный элемент вводится в канву основного видеоряда телевизионного репортажа как дополнительная визуализированная информация. Если первоначально ее целью была вспомогательная функция информирования в кадре, то сегодня она становится полноценной частью композиции кадра (рис. 2).

Рис. 2. Скриншот телевизионного кадра из телерепортажа «В Италии увековечили память российских моряков», Первый канал [19]

В 70-х гг. прошлого столетия американский художник Ф. Стелла так описывал ситуацию, сложившуюся в абстрактной живописи, относительно художественного воссоздания пространства: «Она начала его иллюстрировать, в то время как когда-то была способна это пространство создать» [20]. Исследуя феномен визуальности экранного пространства, необходимо сконцентрировать внимание именно на создании телевизионного информационного материала, а дефи-

ницию иллюстративности сопоставлять с пространством реальных объектов, переводимых в визуальную плоскость телеэкрана. На примере репортажа П. Дерягина [21] отметим новые свойства конструкции экранного пространства в новостном материале как «пространство в пространстве», визуальный потенциал которого выстроен следующим образом. В телекадр помещается симулякр в виде образа телевизионного приемника, на экране которого, в свою очередь, изображается видеоряд кадров зафиксированного события (рис. 3).

Рис. 3. Скриншот телевизионного полиэкранного кадра из телерепортажа «Создатель современного формата телевидения Марк Кривошеев отмечает юбилей», Первый канал

На основании изложенного возникает вопрос: «Какой фактор (при визуализации экранного пространства) влияет на добавление в мизанкадр симулякра или даже простых динамических линий?» Взять для примера, в широком плане освещения затронутой проблематики визуальности телекадра, фрагмент программы «Танцы» (ТНТ), где зритель видит разноцветные полосы, окружающие в кадре героев танцевального шоу (рис. 4).

Рис. 4. Скриншот телевизионного кадра из шоу «Танцы» с использованием дополнительной визуализированной информации, ТНТ

В информационных программах экранное пространство также насыщается элементами дополнительной визуализированной информации в виде линий (рис. 5, 6).

Рис. 5. Скриншот телевизионного кадра с использованием дополнительной визуализированной информации, Россия 24

Рис. 6. Скриншот телевизионного кадра с динамичными линиями на фоне студии, программа «Итоги недели» с Ирадой Зейналовой (телевизионный эфир от 27.08.2017), НТВ

Проводя анализ графических элементов (см. рис. 7, 8), П. Клее на страницах своего труда «Педагогические эскизы» дал следующее пояснение: «Активная линия, движущаяся свободно <...> движущая сила – перемещающаяся точка» [22]. Говоря о второстепенных линиях, он констатировал, что «главная линия существует только в воображении» [23].

Рис. 7. Активная линия. Иллюстрация (рис. 1) из книги П. Клее «Педагогические эскизы» [24]

Рис. 8. Второстепенные линии. Иллюстрация (рис. 5) из книги П. Клее «Педагогические эскизы» [25]

На первый взгляд, динамичные линии гармонично наполняют экранное пространство телекадра, как бы не давая уже имеющимся в нем объектам композиции «расшататься», при этом дополнительная визуализированная информация играет и иную роль. Следует предположить, что действительно динамичные линии, создавая некий «антураж» и «поддержку» объектов композиции в кадре, располагают к качественно иному зрительскому восприятию новостного контента – смысловому сопряжению с основным аудиовизуальным потоком в данной визуальной структуре экранного пространства телевизионного кадра, приводящему к уплотнению и информационной составляющей в одном случае, и визуального объема телекадра – в другом. Тем самым феномен визуальности пространства экрана как плоскости проекции изобразительного ряда телевизионных кадров находится в прямой зависимости от синтезированных компьютерным способом объектов и от так называемого Евклидова пространства.

Исследование феномена визуальности экранного пространства, предпринятое в сжатых рамках настоящей работы, показывает, что рассмотренные варианты его визуализации действительны, перспективны; они способны привести к конкретным результатам при создании репортажами актуальных телевизионных информационных материалов.

Примечания и список литературы

1. *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова ; редкол. : А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский, В. В. Миронов и др. ; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков, Ю. Н. Солодужин. 8-е изд., дораб. и доп. М. : Республика : Современник, 2009. С. 549.
2. *Никулин Д. В. Пространство* // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3 / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научн.-ред. совет: предс. В. С. Степин, зам. предс. А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. М. : Мысль, 2010. С. 370.
3. *Кант И. Критика чистого разума* / Иммануил Кант ; [пер. с нем. Н. Лосского]. М. : Изд-во АСТ, 2017. С. 63.
4. *Гегель Г. Энциклопедия философских наук* : в 3 т. Т. 2. Философия природы / отв. ред. Е. П. Ситковский ; редкол. : Б. М. Кедров и др. М. : «Мысль», 1975. С. 47.
5. *Дробашенко С. В. Пространство экранного документа*. М. : Искусство, 1986. С. 129.
6. *Третьяков Н. Н. Образ в искусстве: Основы композиции* / Н. Н. Третьяков ; ред. Я. Э. Зеленина, Л. И. АLEXИНА. Козельск : Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2001. С. 43.
7. *Лоуренс Д. Г. Сыновья и любовники* : роман / пер. с англ. Р. Облонской. СПб. : Изд. группа «Азбука-классика», 2010. С. 129.
8. Там же. С. 56.
9. Там же. С. 171.
10. *Дробашенко С. В. Пространство экранного документа*. С. 27.
11. *Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы*. М. : Искусство, 1966. С. 113.
12. *Аристотель. Физика* / пер. с греч. и примеч. В. П. Карпова. Изд. 3-е, испр. М. : КомКнига, 2007. С. 73.
13. *Маньковская Н. Б. Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс* / Рос. акад. Наук ; Ин-т философии; Ин-т науч. информ. по общественным наукам. 2-е изд. М. : Центр гуманист. инициатив ; СПб. : Университет. кн., 2016. С. 297.
14. *Буров А. М. Основные принципы повторения в художественном строе изобразительных и экранных искусств*. М. : Грифон, 2013. С. 36.
15. *Привалов А. Реплика Александра Привалова* : телевизионная рубрика // Россия 24 (телевизионный эфир: 16.03.2016). URL: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/673859/cid/1210/#> (дата обращения: 18.03.2016).
16. *Фаворский В. А. Литературно-теоретическое наследие*. М. : Сов. художник, 1988. С. 207.
17. *Мобильное приложение “RT 360”* : телевизионный новостной материал // Russia today (телевизионный эфир: 18.12.2015). URL: <https://russian.rt.com/article/137466> (дата обращения: 27.09.2016).
18. *Гегель Г. Указ. соч.* С. 47.
19. *Евстигнеев А. В Италии увековечили память российских моряков* : телевизионный репортаж // Первый канал. Новости (телевизионный эфир: 10.06.2012). URL: <http://www.1tv.ru/news/world/209252> (дата обращения: 17.11.2013).

20. *Стелла Ф.* О пространстве в живописи после 1970-х. URL: <http://j-volfson.livejournal.com/202792.html> (дата обращения: 20.08.2017).
21. *Дерягин П.* Создатель современного формата телевидения Марк Кривошеев отмечает юбилей : телевизионный репортаж // Первый канал. Новости (телевизионный эфир: 30.07.2017). URL: <http://www.1tv.ru/news/issue/2017-07-30/12:00#8> (дата обращения: 30.07.2017).
22. *Клее П.* Педагогические эскизы / пер. с нем. Н. Дружковой ; под ред. Л. Монаховой. М. : Изд. Д. Аронов, 2005. С. 4.
23. Там же. С. 5.
24. Там же. С. 4.
25. Там же. С. 5.

Notes and References

1. *Filosofskij slovar'* [Philosophical Dictionary] / Pod red. I. T. Frolova. Red. koll.: A. A. Gusejnov, V. A. Lektorskiy, V. V. Mironov i dr. Sost. P. P. Apry'shko, A. P. Polyakov, Yu. N. Soloduxin. 8-e izd., dorab. i dop. Moscow : Respublika; Sovremennik, 2009. P. 549.
2. *Nikulin D. V.* Prostranstvo [The space] // Novaja filosofskaja jenciklopedija [New encyclopedia of philosophy]: V 4 t. T. 3 / In-t filosofii RAN, Nac. obshh.-nauchn. fond; Nauchno-red. sovet: preds. V. S. Stepin, zamestiteli preds.: A. A. Gusejnov, G. Ju. Semigin, uch. sekr. A. P. Ogurcov. Moscow : Mysl', 2010. P. 370.
3. *Kant I.* Kritika chistogo razuma [Kritik der reinen Vernunft] / Immanuel Kant; [per. s nem. N. Losskogo]. Moscow : Publishing house AST, 2017. P. 63.
4. *Gegel'* E'nciklopediya filosofskix nauk [Encyclopedia of philosophy]. V 3 t. T. 2. Filosofiya prirody' [Philosophy of nature]. Otv. red. E. P. Sitkovskij. Red. kollegiya: B. M. Kedrov i dr. Moscow : "My'sl'", 1975. P. 47.
5. *Drobashenko S. V.* Prostranstvo e'krannogo dokumenta [The Space of screen document]. Moscow : Iskusstvo, 1986. P. 129.
6. *Tret'yakov N. N.* Obraz v iskusstve [The Image in art] : Osnovy' kompozicii / N. N. Tret'yakov. Redaktery' Ya. E'. Zelenina, L. I. Alexina. Kozel'sk : Svyato-Vvedenskaya Optina Pusty'n', 2001. P. 43.
7. *Lourens D. G.* Sy'nov'ya i lyubovniki [Sons and Lovers] : Roman / Per. s angl. R. Oblonskoj. St. Petersburg : Izdatel'skaya Gruppy "Azbuka-klassika", 2010. P. 129.
8. Ibid. P. 56.
9. Ibid. P. 171.
10. *Drobashenko S. V.* Prostranstvo e'krannogo dokumenta [The Space of screen document]. P. 27.
11. *Vertov D.* Stat'i. Dnevniky. Zamy'sly' [Articles. Diaries. Plans]. Moscow : Iskusstvo, 1966. P. 113.
12. *Aristotel'* Fizika / Per. s grech. i primech. V. P. Karpova. Izd. 3-e, ispr. Moscow : KomKniga, 2007. P. 73.
13. *Man'kovskaya N. B.* Fenomen postmodernizma [The phenomenon of postmodernism]. Xudozhestvenno-e'stetcheskij rakurs [Artistic and aesthetic perspective] / N. B. Man'kovskaya ; Ros. akad. nauk, In-t filosofii, In-t nauch. inform. po obshhestvenny'm naukam. 2-e izd. Moscow : Centr gumanitarny'x iniciativ; St. Petersburg : Universitetskaya kniga-SPB, 2016. P. 297.
14. *Burov A. M.* Osnovny'e principy' povtoreniya v xudozhestvennom stroe izobrazitel'ny'x i e'kranny'x iskusstv [The basic principles of repetition in fine and visual arts] / A. M. Burov. Moscow : Grifon, 2013. P. 36.
15. *Privalov A.* Replika Aleksandra Privalova : television headline / A. Privalov // Russia 24 (television broadcast: 16.03.2016). URL: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/673859/cid/1210/#> (data obrashheniya: 18.03.2016).
16. *Favorskiy V. A.* Literaturno-teoreticheskoe nasledie [Literary and theoretical heritage]. Moscow : Sovetskij Xudozhnik, 1988. P. 207.
17. Mobile application "RT 360" : television information // Russia Today (television broadcast: 18.12.2015). URL: <https://russian.rt.com/article/137466> (data obrashheniya: 27.09.2016).
18. *Gegel'* E'nciklopediya filosofskix nauk [Encyclopedia of philosophy]. V 3 t. T. 2. Filosofiya prirody' [Philosophy of nature]. P. 47.
19. *Evstigneev A. V.* Italii uvekovechili pamyat' rossijskix moryakov [Italy has immortalized the memory of Russian sailors] : TV report / A. Evstigneev // Pervyj kanal. Novosti (television broadcast: 10.06.2012). URL: <http://www.1tv.ru/news/world/209252> (data obrashheniya: 17.11.2013).
20. *Stella F.* O prostranstve v zhivopisi posle 1970-x / F. Stella. URL: <http://j-volfson.livejournal.com/202792.html> (data obrashheniya: 20.08.2017).
21. *Deryagin P.* Sozdatel' sovremennogo formata televideniya Mark Krivosheev otmechaet yubiley [M. Krivosheev, the creator of a modern TV format celebrates his anniversary] : TV report / P. Deryagin // Pervyj kanal. Novosti (television broadcast: 30.07.2017). URL: <http://www.1tv.ru/news/issue/2017-07-30/12:00#8> (data obrashheniya: 30.07.2017).
22. *Klee P.* Pedagogicheskie e'skizy' [Pädagogisches Skizzenbuch] / Per. s nemeckogo N. Druzhkovej pod redakciej L. Monaxovoj / Predislovie L. Monaxovoj. Moscow : Publishing house D. Aronov, 2005. P. 4.
23. Ibid. P. 5.
24. Ibid. P. 4.
25. Ibid. P. 5.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК: 94(470.342) «19»

СТАРООБРЯДЦЫ И ЗАПАДНЫЕ ХРИСТИАНЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА

Машковцев А. А.

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: wikma116@rambler.ru

Машковцева В. В.

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: wikma116@rambler.ru

Аннотация: В статье проведён сравнительный анализ социального статуса вятских старообрядцев и западных христиан (католиков и лютеран). Сравнив ряд социально-демографических характеристик представителей названных религиозных групп, авторы пришли к выводу о том, что, несмотря на существенно меньшую численность, католики и протестанты в конце XIX – начале XX в. играли более весомую роль в общественно-политической и социально-экономической жизни региона, чем староверы. Причиной этого было социальное происхождение основной массы католиков и протестантов, относившихся к привилегированным сословиям. Кроме того, западные христиане обладали значительно более высоким образовательным уровнем: большинство из них являлось грамотными людьми, а некоторые закончили высшие учебные заведения. Дворянское происхождение значительной части вятских католиков и лютеран, а также наличие хорошего образования явились важными социальными лифтами, позволившими им занять заметное место как в региональном управлении, так и в экономике края. Весомое присутствие в губернских органах власти, а также значимая роль в промышленном развитии Приуралья позволяли западным христианам достаточно комфортно чувствовать себя даже в чужой для них лингвистической и конфессиональной среде.

Ключевые слова: старообрядчество, католицизм, лютеранство, Вятская губерния, демографическая статистика, конфессиональная политика.

Old Believers and Western Christians of Vyatka province at the turn of the 19th and 20th centuries: comparative characteristics of social status

Mashkovtsev A. A.,

doctor of historical sciences, professor of the Department of Russian history, Vyatka State University.
36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: wikma116@rambler.ru

Mashkovtseva V. V.

candidate of historical sciences, associate professor, Department of Russian history, Vyatka State University.
36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: wikma116@rambler.ru

Abstract: The article compares the social status of Vyatka Old Believers and Western Christians (Catholics and Lutherans). Comparing a number of socio-demographic characteristics of representatives of these religious groups, the authors came to the conclusion that, despite a much smaller number, Catholics and Protestants in the late XIX – early XX century, played a more significant role of the socio-political and socio-economic life of the region than the Old Believers. The reason for this was the social origin of the bulk of Catholics and Protestants who belonged to the priv-

ileged classes. In addition, Western Christians had a much higher educational level: most of them were literate people, and some graduated from higher education. The noble origin of a significant part of Vyatka Catholics and Lutherans, as well as the existence of a good education, were important social elevators that enabled them to take a prominent place in both regional administration and the economy of the region. A weighty presence in the provincial authorities, as well as a significant role in the industrial development of the Urals allowed the Western Christians to feel comfortable enough even in a linguistic and confessional environment alien to them.

Keywords: Old Believers, Catholicism, Lutheranism, Vyatka Province, demographic statistics, confessional politics.

Дореволюционная Вятская губерния относилась к регионам с безусловным доминированием православного населения. Согласно материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., свыше 90% жителей региона являлись адептами Русской православной церкви. Несмотря на это, в крае имелись и многочисленные религиозные меньшинства, относящиеся как к инославным христианам (католики, лютеране), так и к нехристианским конфессиям (мусульмане, иудеи, язычники). Они сильно отличались друг от друга по социальному статусу их адептов, взаимоотношениям с местной администрацией, а также влиянию на социально-экономическое и культурное развитие региона. Проиллюстрируем это на примере живших в регионе западных христиан – католиков и лютеран, а также старообрядцев.

Формированию католической общины в Вятской губернии во второй половине XIX в. способствовало два основных фактора. Во-первых, массовая высылка имперскими властями деятелей польского национально-освободительного движения, в первую очередь, участников восстания 1863–1864 гг. По подсчётам современных исследователей (Л. Г. Подлевских, Т. А. Дворецкая и др.), в Вятскую губернию было выслано свыше 600 участников восстания. Большинство из них после отбытия наказания вернулись на родину, но многие остались в Вятском крае, составив ядро польской католической общины. Во-вторых, её рост стимулировал и приток в регион квалифицированных специалистов из Царства Польского и Северо-Западного края, столкнувшихся у себя на родине с проблемами в трудоустройстве. В результате действия данных факторов к концу XIX в. в Вятской губернии окончательно сложилась польская католическая община численностью 790 чел. [1] Это составляло всего 0,02% от общей численности (3 млн 82 тыс. чел.) населения региона.

Несмотря на свою малочисленность, католики играли важную роль в жизни региона. К примеру, их было немало среди чиновников губернской администрации. В конце XIX в. к такому, например, относились статский советник Александр Викарский, член Вятского окружного суда Станислав Гржибовский, старший ревизор Юлий Нартовский и др. Из 17 членов регионального Управления государственных имуществ польское происхождение имели три человека.

Не менее серьёзную роль поляки-католики играли в экономическом развитии региона. Так, Холуницкие заводы, являвшиеся крупнейшими металлургическими предприятиями региона, принадлежали известному российскому предпринимателю польского происхождения А. Ф. Поклевскому-Козелл. К числу самых богатых жителей Вятки относился кондитер и домовладелец Станислав Якубовский.

Столь прочное положение небольшой польской общины объясняется рядом причин. Поляки-католики выделялись среди основной массы населения Вятской губернии чрезвычайно высоким для того времени образовательным уровнем, позволявшим им добиваться значительного карьерного роста. Рассмотрим данный показатель в сравнении с представителями других конфессий.

Таблица 1

**Уровень грамотности представителей различных конфессий
Вятской губернии (на 1897 г.) [2]**

Вероисповедание	Процент грамотных		
	м. п.	ж. п.	всего
Православные	25,7	8,2	15,7
Католики	74,9	71,7	73,5
Лютеране	83,6	86,9	85,2
Иудеи	70,1	61,0	65,5
Мусульмане	23,3	23,4	23,3
Старообрядцы	25,5	6,5	15,2

Приведённые в таблице данные свидетельствуют о том, что уровень грамотности у вятских католиков был существенно выше, чем у адептов большинства других религиозных организаций. По этому показателю (74,9%) католики-мужчины почти в три раза превосходили православных верующих мужского пола (25,7%). Но наиболее разительный контраст был в уровне грамотности католичек и православных. Если среди женщин православного исповедания лишь 8,2% умели читать, то у католичек число грамотных достигало 71,7%, то есть было почти в девять раз больше. Помимо православных католики заметно опережали по уровню грамотности и другие крупные конфессии Вятской губернии, в частности старообрядцев и мусульман. Лишь вятские лютеране превосходили католиков по обозначенному показателю. Верующие данной протестантской церкви дают нам рекордные показатели, которые выглядят более чем впечатляющими для конца XIX в. – 83,6% у мужчин и 86,9% у женщин.

Высокий уровень грамотности у вятских католиков объясняется двумя основными причинами. Во-первых, достаточно развитой системой школьного образования в западных районах империи, являвшихся родиной для основной массы членов вятской общины. Во-вторых, большинство вятских католиков являлись горожанами и представителями привилегированных сословий, для которых образование всегда играло важную роль, выполняя функции одного из социальных лифтов.

Наличие хорошего образования и большого практического опыта позволяли полякам-католикам быстро занимать высокое положение в обществе, даже несмотря на наличие ряда дискриминационных ограничений, введённых после подавления Январского восстания. Значительная потребность в специалистах, ощущавшаяся в губернских властных структурах в течение всей второй половины XIX в., вынуждала губернаторов привлекать к сфере управления выходцев из западных районов империи, еще недавно охваченных польским повстанческим движением.

Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. не позволяют увязать вероисповедание людей и их социальное происхождение. Таблица XXIV переписи даёт сведения лишь о распределении населения по сословиям в соответствии с их родным языком. Тем не менее с учётом того, что примерно 90% вятских католиков были поляками, дадим хотя бы приблизительную картину социального статуса католиков. Из 668 жителей губернии, назвавших польский язык родным (хотя далеко не все поляки им владели), 293 чел. относились к потомственным дворянам, а ещё 130 чел. – к личным дворянам и чиновникам не из дворян. Таким образом, из общей массы людей, считавших польский язык родным, 423 чел. (63,3%) относились к дворянам (потомственным и личным), а также к чиновникам, хотя и недворянского происхождения [3].

369 вятских поляков принадлежали к категории «самостоятельные», то есть были трудоспособными и вовлечёнными в различные виды общественной трудовой деятельности. Остальные являлись либо домохозяйками, либо несовершеннолетними. Из 369 чел. 73 чел. работали в администрации, суде и полиции, а ещё 62 чел. являлись военнослужащими. 31 поляк трудился на железной дороге, 17 чел. – в медицинской сфере, 15 чел. – в области науки, литературы и искусства. Наконец, немало поляков было занято в коммерции и в сфере оказания услуг: 14 чел. занимались пошивом одежды, 12 – содержанием гостиниц и трактиров, 10 – строительством и ремонтом [4].

В отдельных сферах трудовой деятельности поляки играли весьма заметную роль. Это, в первую очередь, касалось тех профессий, где требовался высокий уровень квалификации и наличие соответствующего образования. Так, частной юридической практикой в конце XIX в. в губернии занимались 63 чел., из них 5 чел. – поляки (8%). Ещё больший процент поляки составляли среди деятелей науки, литературы и искусства: всего в этой сфере было занято 142 чел. (без членов семей), из них 15 чел. – поляки (10,6%) [5]. Напомним, что в общей численности населения губернии поляки в 1897 г. составляли лишь 0,02%.

Несмотря на ничтожный процент среди населения края, поляки, тем не менее, находились на втором месте после русских в некоторых видах профессиональной деятельности. Помимо частной юридической практики, науки, литературы и искусства, сюда относятся также медицина, железнодорожный транспорт, почтовое и телеграфное сообщение, военная служба. В области учебной и воспитательной деятельности поляки находились на третьем месте, уступая русским и немцам.

Помимо католиков в Вятской губернии проживали и протестанты, в частности лютеране. Если вятские католики по этнической принадлежности были, в основном, поляками, то лютеране – немцами. Сословный состав вятских немцев также позволяют проанализировать материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Таблица 2

Сословное происхождение немцев Вятской губернии (на 1897 г.)

Сословие и состояние	Немцы	
	Чел.	%
Потомственные дворяне	32	11,4
Личные дворяне и чиновники	65	23,1
Лица духовного звания	–	–
Почётные граждане	15	5,3
Купцы	5	1,8
Мещане	56	19,9
Крестьяне	40	14,2
Иностранные подданные	64	22,8
Лица иных сословий	4	1,5

По социальному происхождению немцы Вятской губернии заметно отличались как от русских, так и от поляков. Именно у них наиболее высокий процент из всех живших в регионе народов составляли иностранные подданные (22,8%). Даже у вятских поляков число иностранцев было очень низким (3 чел. из 668), у других же народов этот показатель вообще являлся ничтожным. Столь высокий удельный вес иностранных подданных объясняется приглашением из-за рубежа большого количества специалистов на промышленные предприятия губернии. По данным А. А. Шепталина, большинство живших в губернии немцев-иностранцев (63%) являлись выходцами из различных германских земель (Пруссия, Бавария, Вюртемберг и пр.), остальные прибыли с территории Австро-Венгрии и Швейцарии [6].

По количеству потомственных и личных дворян, а также чиновников не дворянского происхождения местные немцы заметно уступали полякам. У поляков к названным социальным категориям относилось 63,3%, а у немцев – 34,5% [7]. В то же время для губернии с доминированием крестьянского населения это был очень высокий показатель.

Доля представителей бывших податных сословий была относительно небольшой: 19,9% вятских немцев являлись мещанами по происхождению, 14,2% происходили из крестьян. По этим показателям вятские немцы были близки к местным полякам, у которых мещане составляли 13,7%, а крестьяне – 19,7%. Для сравнения: у русских, составляющих большинство населения губернии, доля крестьян превышала 96%.

У вятских немцев, как и у представителей других крупных диаспор, проживающих на территории края (поляки и евреи), имелась определённая профессиональная предрасположенность. Согласно данным переписи 1897 г., свыше 31% немцев Вятской губернии были заняты в обрабатывающей промышленности, в первую очередь в металлургии [8]. Немцы-лютеране сыграли чрезвычайно важную роль в развитии тяжёлой индустрии в юго-восточных уездах Вятской губернии, входящих в состав современной Удмуртии (заводы Ижевска и Воткинска). Помимо этого с конца XIX в. немцы активно вовлекались в другие отрасли промышленности, в частности пищевую. Так, в 1903 г. германским подданным Карлом Отто Шнейдером в Вятке был основан пивоваренный завод. В результате этого в губернском центре появилось первое крупное производство этого пенного напитка, вполне соответствующего европейским стандартам.

Предрасположенность немцев к работе в промышленности была характерна не только для провинциальных городов, но и для столицы. О. В. Курило отмечает, что большинство немцев Петербурга трудилось в различных отраслях индустрии: «Они сосредотачивались в 5–6 отраслях производства, будучи специалистами по металлообработке, часовщиками, изготовителями различных приборов, ювелирами, занятыми в хлебобулочном, портновском и сапожном ремесленном производствах. “Национальными” производствами немцев оставались колбасное и пивоваренное» [9].

Помимо индустрии вятские немцы работали и в других сферах, где, чаще всего, требовался высокий уровень квалификации. Из общей массы трудоспособных немцев (без учёта членов их семей) 14,1% занимались учебной и воспитательной деятельностью, 6,4% трудилось в сфере медицины, 5,1% работали в административно-полицейских органах, 3,8% находились на военной службе. Довольно большое число трудоспособных немцев (13,5%) жили за счёт доходов с капитала и недвижимого имущества, 12,8% были задействованы в сфере оказания частных услуг [10]. Число немцев, занимавшихся торговлей и земледелием, было крайне незначительным.

Отличительной особенностью вятских лютеран был очень высокий образовательный уровень. По этому показателю они занимали лидирующие позиции среди всех религиозных групп губернии (см. табл. 1). 83,6% лютеран мужского пола умели читать и писать, тогда как у право-

славных мужчин этот показатель составлял лишь 25,7% (в 3,2 раза ниже). Но ещё более заметный контраст был в образовательном уровне женщин. У лютеран грамотными были 86,9% женщин, тогда как у православных – всего 8,2% (в 10,6 раза ниже). По удельному весу грамотных лиц относительно близкие позиции к лютеранам занимали лишь местные католики и иудеи.

Лидирующие позиции вятских лютеран в области образования связаны с особенностями протестантской трудовой этики, которые так детально раскрыл выдающийся немецкий социолог Макс Вебер [11]. Протестантские религиозно-этические воззрения способствовали формированию не только трудолюбия и расчетливости, но и позитивного отношения к образованию, выступавшему в качестве важной составляющей последующих жизненных успехов.

В силу данных особенностей лютеране старались обеспечить своим детям получение хотя бы начального образования. Материалы фонда попечителя Казанского учебного округа Национального архива Республики Татарстан свидетельствуют о том, что вятские лютеране учились во всех крупных учебных заведениях Вятской губернии (за исключением православных духовных школ). К примеру, в 1881 г. в Вятской классической гимназии училось восемь детей лютеранского вероисповедания, а в женской гимназии – семь учениц-лютеранок [12].

Благодаря высокому образовательному уровню, а также прекрасным деловым качествам (исполнительность, трудолюбие, дисциплинированность и пр.) вятские лютеране были востребованы в самых различных сферах деятельности и достигали там значительного карьерного роста.

В отличие от западных христиан, среди которых преобладали представители привилегированных сословий, вятские старообрядцы относились к податным сословиям. В частности, в большинстве своем приверженцы староверия являлись местными крестьянами. Данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. позволяют проанализировать соотношение численности городского и сельского населения в составе старообрядцев Вятской губернии (табл. 3).

Таблица 3

**Численность городского и сельского населения
в составе вятских старообрядцев во второй половине XIX – начале XX в. [13]**

Годы	Численность городского населения (чел.)	Численность сельского населения (чел.)	Соотношение численности городского и сельского населения (в %)
1855	393	38 603	1 / 99
1860	439	41 378	1 / 99
1865	487	46 851	1 / 99
1869	790	50 559	1,5 / 98,5
1875	570	61 146	0,9 / 99,1
1879	654	63 139	1 / 99
1885	1258	71 451	1,7 / 98,3
1897	1482	96 573	1,5 / 98,5
1905	1546	103 712	1,5 / 98,5
1909	770	114 874	0,7 / 99,3

На протяжении рассматриваемого периода Вятская губерния оставалась преимущественно аграрным регионом. Доля сельского населения значительно превышала городское. Это касается как доминирующей конфессии – адептов Русской православной церкви, так и приверженцев староверия. Горожане среди «ревнителей древнего благочестия» были представлены незначительно: от 0,7 до 1,7% от общей численности старообрядцев. Доля сельского населения, напротив, традиционно была высокой и в разные годы составляла от 98,3 до 99,3%. Незначительность городских жителей среди староверов объясняется еще и жестким административным контролем над ними. Только в начале XX в. положение старообрядцев было легализовано; ранее же они подвергались гонениям со стороны как светских, так и духовных властей. Сохранить свои культовые и образовательные центры, обеспечить возможность религиозной деятельности служителей культа в городах в создавшихся условиях было значительно сложнее, чем в сельской местности.

Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., старообрядцы были максимально представлены в уездных городах на юге и юго-востоке Вятской губернии. В частности, в Сарапуле проживали 569 староверов, что составляло лишь 4,2% от общей численности старообрядцев Сарапульского уезда. При этом среди горожан Сарапула староверы составляли 5,7%. В Уржуме их насчитывалось 371 человек (2,9% от общей численности старообрядцев Уржумского уезда). Среди жителей Уржума староверы были представлены достаточно весомо и составляли 8,4%. В губернском центре – г. Вятке – община староверов включала в

себя 284 человека, что составляло около 21% от общей численности старообрядцев Вятского уезда. Однако при таком сопоставлении нужно учитывать, что количественно староверы Вятского уезда существенно уступали своим единоверцам Сарапульского и Уржумского уезда – примерно в 10 раз. Представительство старообрядцев среди горожан Вятки было незначительным: они составляли лишь 1,1%. Наконец, «ревнители древнего благочестия» проживали в Нолинске (92 человека), Орлове (76 человек), Малмыже (39 человек) и Глазове (37 человек). Совсем незначительным было представительство старообрядцев в Елабуге (10 человек), Слободском (2 человека), Яранске и Котельниче (по 1 человеку).

В основной своей массе, по социальному статусу вятские староверы являлись крестьянами. Кроме того, были среди них и представители купечества. В предписании вятского губернатора А. Ф. Анисина полицейским управлениям содержится требование особое внимание обратить на приверженцев федосеевского согласия, среди которых «известны выдающиеся богачи-лесопромышленники и кожевенные заводчики» [14]. Например, в селе Русский Турек Уржумского уезда проживали известные лесопромышленники Бушковы, на средства которых содержалась молельня старообрядцев-беспоповцев (даниловцев и федосеевцев) в названном населенном пункте. Отметим, что род Бушковых – древнейший в Русском Туреке. Источником благосостояния его представителей с самого начала являлась торговля: Степан Бушков с братьями продавал лес, а Корней Бушков с братьями – хлеб. После того как в 1862 г. по Вятке прошел первый пароход, возникла необходимость заготавливать дрова. Этим в Туреке стал заниматься Семен Корнеевич Бушков. Его брат – Трифон Корнеевич – осуществлял скупку зерна [15].

Миссионер, священник Федор Тихвинский назвал Русский Турек «религиозно-экономической общиной», все члены которой были тесно связаны друг с другом. Такая сплоченность достигалась и поддерживалась существованием старообрядческих молелен, благотворительной деятельностью состоятельных людей, своевременной помощью нуждавшимся, организацией питания бедных в богадельном доме. По мнению Федора Тихвинского, основу турецкой общины составляла «экономическая зависимость населения от щедрот работодателей богатых лесопромышленников – раскольников» [16].

Другая именитая династия Уржумского уезда – купцы Шамовы. Они являлись выходцами из деревни Паутово Сердежской волости Петровского (Вознесенского) прихода. Савва Дмитриевич Шамов – состоятельный лесопромышленник – жил в Уржуме. Сферой его предпринимательской деятельности был сплав вятского леса на Волгу. Вкладывая свои капиталы, Савва Дмитриевич способствовал развитию системы образования, деятельности земских учреждений. В частности, он принимал участие в финансировании строительства реального училища в Уржуме в 1907 г. Не отказывал Савва Дмитриевич и в материальной помощи отдельным горожанам.

Будучи человеком религиозным, С. Д. Шамов содержал на свои средства старообрядческую молельню, разрешенную правительством, в деревне Комарово Сердежской волости. Для старообрядцев его слово было непререкаемой истиной, он вершил «суд и правду», приглашал из других губерний наставников (Пичугина, Чернышова, Володина и др.) и с их помощью проводил старообрядческие соборы. Один из них состоялся в деревне Комарово в 1904 г. Молельня в этом населенном пункте служила местом сбора всех даниловцев по реке Байсе.

Савва Шамов занимался также и распространением среди крестьян книг и брошюр в защиту беспоповщины, устраивал религиозные собеседования в своем доме, стараясь всеми силами поддержать «древнее благочестие». О негативных последствиях подобных его действий сообщали священнослужители Русской православной церкви в своих донесениях: «Начавшееся в означенной местности движение раскольников в православие приостановилось» [17]. Старообрядцы, которые уже были готовы перейти в лоно официального православия, оставляли свое намерение.

Староверы Уржумского уезда – приверженцы даниловского согласия – посещали еще две домашние, не разрешенные правительством молельни, расположенные в Уржуме и в деревне Ганиной. Уржумская молельня находилась в отдельном здании купца Петра Шамова. Он, побуждаемый своим дядей Саввой Шамовым, выступил уполномоченным от староверов Уржума, деревни Ганиной и Кабановщины и в 1902 г. ходатайствовал перед правительством об официальном разрешении открыть в принадлежавшем ему доме общественную молельню. Однако его начинание не увенчалось успехом. Принимая во внимание факт наличия трех молелен недалеко от Уржума, а также опасаясь усиления влияния староверов на адептов Русской православной церкви, вятский губернатор не позволил устроить общественную молельню в доме Шамова [18].

В губернском центре – г. Вятке – молельня старообрядцев-поморцев была построена на средства купца Дениса Фаддеевича Зонова. Ее открытие в 1910 г. стало важным и отрадным событием в духовной жизни вятских староверов. Радость вместе с ними разделили их единомыш-

ленники из разных регионов России. Так, например, на имя Дениса Фаддеевича поступили поздравительные телеграммы от старообрядческих общин Астрахани, Ярославля, Нижнего Новгорода [19]. Д. Ф. Зонов финансировал не только строительство молельного дома, но и приобретение икон для него. В частности, в иконописной мастерской Ф. А. Бочкарева в Сызрани были заказаны Сретение Господне и Введение в церковь Пресвятой Богородицы. За первую икону, согласно сохранившейся переписке купца, им было заплачено 35 руб., за вторую – 30 руб. [20]

Как видим, представители крупных купеческих династий, приверженцы старообрядчества, пользовались большим уважением среди своих единоверцев. Бесспорно, их авторитет внутри общины был обусловлен глубиной веры, но во многом он основывался на их материальном могуществе. Ведь именно они активно занимались благотворительной деятельностью, финансировали строительство и содержание старообрядческих молельных домов, а также издание и распространение религиозной литературы, способствуя тем самым сохранению и приумножению древней, «дониконовской», культуры. Купцы-старообрядцы, обладая большими капиталами, всегда материально поддерживали своих единоверцев. В случае нужды последние всегда могли рассчитывать на их помощь. Тем самым предприниматели – последователи «древнего благочестия» – много способствовали сохранению и дальнейшему развитию староверия на Вятской земле.

При этом важно понимать, что для предпринимателей-старообрядцев имел значение только такой труд, результаты которого предназначались для общины; труд, направленный на благо других людей. «Истоки ревности старообрядческих предпринимателей к Делу лежали в представлениях о “святом долге перед Богом и людьми”», – отмечает В. В. Керов [21].

Предприниматели – приверженцы староверия финансировали издание и распространение религиозной литературы. Отношение к книге в старообрядческой среде всегда было особым: «...по средневековым понятиям, человек и книга составляли некое двуединство. При этом книга стояла выше, нежели человек». Книга традиционно воспринималась староверами как носитель святости и непререкаемой истины, «духовный руководитель и вместительница вечных идей» [22]. Именно по таким книгам старообрядцы обучали грамоте своих детей. Чтение в среде старообрядцев считалось «обязательным, так как это давало душевное здоровье» и «означало вхождение в живую духовную традицию» [23]. Рассмотрим вопрос об уровне грамотности старообрядцев на материалах Переписи 1897 г. Для этого обратимся к статистическим данным, представленным в таблице 4.

Таблица 4

Численность грамотных старообрядцев Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (на 1897 г.) [24]

Этнос	Численность грамотных старообрядцев (чел.)			% (от общей численности старообрядцев данного этноса)
	м. п.	ж. п.	всего	
Русские	11 427	3450	14 877	15,3
Белорусы	–	–	–	–
Удмурты	3	1	4	23,5
Марийцы	–	–	–	–
Пермяки	36	1	37	5,9
Татары	–	–	–	–
Башкиры	–	–	–	–

Подчеркнем, что вопрос об уровне грамотности старообрядцев по-разному рассматривался представителями духовенства официальной церкви и светскими исследователями данной темы. В частности, православные служители культа оценивали старообрядцев как невежественных, абсолютно необразованных людей, чьи убеждения держатся лишь на силе упорства в отстаивании своих взглядов, а также на сплоченности и взаимовыручке в рамках общины. Так, священник села Кузнецово Уржумского уезда указал в своем донесении: «Грамота среди раскольников распространена очень мало, они очень мало знают об учении церкви и о расколе...» [25] Развитию староверия, как отметил епископ Вятский и Слободской Аполлос, способствовало «невежество раскольников» [26], их необразованность. Православные миссионеры многократно подчеркивали это в своих отчетах: «Просветительное и религиозно-нравственное состояние раскольников просто ужасно. Так, в Слудском приходе... раскольники заявили на беседах, что иметь в руках листовку да знать молитву “Сусову”... – вот и все, что необходимо для спасения пермяку-раскольнику» [27]. Священник Александр Попов, давая характеристику «лжепопам» Глазовского уезда –

крестьянам Иустину Семеновичу Порубову и Алексею Терентьевичу Порубову, отмечает, что оба они «люди малограмотные и невежественные, по своему умственному развитию и религиозным познаниям в невежественной пастве своей ничем не выделяются» [28].

Светские же историки, особенно современные, напротив, отмечают весьма высокий уровень грамотности «ревнителее древнего благочестия». «Старообрядчество, – пишет М. О. Шахов, – характеризовалось крайне высокой грамотностью и интересом к книжности» [29]. По мысли Н. И. Костомарова, староверие обратило русского человека из народа к сфере «мысленного труда», раскол «расшевелил спавший мозг русского человека», «побудив его вырваться из мрака умственной неподвижности», он «стоял хоть за какую-нибудь, хотя очень слабую и бедную образованность» [30].

Дети старообрядцев, как правило, получали домашнее образование, поскольку закон не разрешал им открытие собственных школ. Последние функционировали, но нелегально, до момента обнаружения властями и закрытия. Посещение учебных заведений, где обучались адепты официальной церкви, родители долгое время не считали возможным для своих детей в силу серьезной религиозной конфронтации. Стремление к грамотности, неразрывно связанное с почитанием книжной культуры, всегда отличало староверов. Согласно статистическим данным, средний уровень грамотности в Европейской России в 1908 г. составлял 23%, в то время как в старообрядческой среде он равнялся 36%, а в северных областях достигал даже 43% [31]. Конечно, мнение православных пастырей является необъективным и предвзятым. В то же время нельзя идеализировать ситуацию. Сопоставим уровень грамотности в среде представителей разных вероисповеданий, проживавших на территории Вятской губернии (см. табл. 1).

Как видим, согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., уровень грамотных старообрядцев в Вятской губернии составлял 15,2%. Это сопоставимо с аналогичным показателем у православных – приверженцев официальной церкви – 15,7%, однако по уровню грамотности староверы значительно уступали лютеранам (85,2%), католикам (73,5%), иудеям (65,5%) и мусульманам (23,3%). Последнее обстоятельство может быть мотивировано рядом факторов. Во-первых, немцы, поляки, евреи в основной своей массе проживали в городах, а старообрядцы – преимущественно в сельской местности, где система образования была менее развита. Во-вторых, староверы долгое время, вплоть до 1905 г., не имели возможности открывать свои учебные заведения, в то время как дети мусульман могли обучаться в мектебе или медресе, у католиков и протестантов функционировали школы при костелах и кирхах, дети евреев учились в светских школах. В-третьих, необходимо учесть и разницу в социальном статусе. Поляки, немцы, евреи по преимуществу были чиновниками, государственными служащими, инженерами или предпринимателями, т. е. их род профессиональной деятельности был сопряжен с интеллектуальной сферой. Получение хорошего образования было для них объективной необходимостью. Старообрядцы же, в основном, как уже было сказано выше, являлись крестьянами. Прослойка предпринимателей среди них была, но не столь существенна.

Основная масса грамотных староверов приходилась на долю мужчин: среди них грамотными были 25,5%. Процент грамотных женщин в среде старообрядцев был почти в четыре раза меньше – 6,5. Вероятно, это обусловлено консерватизмом мировоззрения старообрядцев: женщина традиционно воспринималась как мать и хозяйка.

Что касается этнической принадлежности, то грамотные староверы в Вятской губернии были только среди русских, удмуртов и пермяков. Этнически преобладающая категория – русские; среди них уровень грамотных старообрядцев составлял 15,3%.

Таким образом, сопоставление социально-демографических характеристик старообрядцев и западных христиан (католиков и лютеран) Вятской губернии позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, обращают на себя внимание серьезные различия в социальном происхождении адептов названных конфессий. Среди вятских староверов вообще не было представителей дворянства и чиновников, тогда как у поляков-католиков к таковым относилось 63,3%, у немцев-лютеран – 34,5%. Во-вторых, многократно уступая старообрядцам по численности (католики – в 124 раза, лютеране – в 229 раз), западные христиане существенно превосходили их по своему влиянию на региональные органы власти. В имперский период вятские старообрядцы никак не были представлены в губернских органах управления, тогда как католики и лютеране занимали чрезвычайно важные посты. Так, одним из вятских губернаторов был М. К. Клингенберг, являвшийся лютеранином. Наконец, западные христиане играли несравненно большую роль в социально-экономическом развитии региона. Хотя среди старообрядцев было немало представителей купечества (Бушковы, Шамоны и пр.), однако их влияние на экономику Вятской земли было заметно ниже, чем предпринимателей-лютеран или католиков (А. Ф. Поклевский-Колелл,

М. К. Стандершёльд и пр.), владевших крупнейшими промышленными предприятиями региона. Относительно скромная роль староверов как в общественно-политическом, так и в социально-экономическом развитии региона в позднеимперский период объясняется не только их социальным происхождением (главным образом, крестьяне), но и особенностью их правового статуса. Светские власти и Русская православная церковь воспринимали староверов как вероотступников, поэтому до 1905 г. ограничивали их права во всех сферах.

Примечания и список литературы

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Вятка, 1904. Т. X. Вятская губерния. С. 84.
2. Там же. С. IX.
3. Там же. С. 244.
4. Там же. С. 170.
5. Там же.
6. Шепталин А. А. Немцы в Удмуртии: историко-демографические очерки. Ижевск, 1993. С. 25.
7. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Вятка, 1904. Т. X. Вятская губерния. С. 244–245.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. ... С. XIX.
9. Курило О. В. Лютеране в России (XVI–XX вв.). М., 2002. С. 88.
10. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. ... С. 172.
11. См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006.
12. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 14558. Л. 17.
13. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Лл. 7 об.–9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 85. Лл. 9 об.–11; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 737. Л. 139; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Лл. 8 об.–10; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Лл. 4 об.–6; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 879. Лл. 6 об.–8; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Лл. 137–139; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Вятка, 1904. Т. X. Вятская губерния. С. 84; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Лл. 2 об.–4; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Лл. 2 об.–4.
14. ГАКО. Ф. 716. Оп. 2. Д. 101. Л. 5.
15. Бушков Е. Русский Турек // Уржумская старина. 1992. № 1–2. С. 8–9.
16. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 669. Л. 3.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 143. Д. 215. Л. 1 об.
18. ГАКО. Ф. 582. Оп. 143. Д. 215.
19. ГАКО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 7. Лл. 69, 70, 71.
20. ГАКО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.
21. Керов В. В. Духовность российской промышленности: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства // Индустриализация России. 1997. № 3. С. 20.
22. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III. (XVII – начало XVIII века). М., 2000. С. 205–207.
23. Бахтина О. Н. Книга и слово в старообрядческой системе ценностей (о своеобразии старообрядческой литературы) // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований : материалы междунар. науч. конф. М., 1998. С. 170.
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. ... С. 90.
25. ГАКО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1009. Л. 87.
27. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 515. Л. 24 об.
28. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 672. Л. 9.
29. Шахов М. О. Старообрядчество, общество, государство. М., 1998. С. 25.
30. Костомаров Н. История раскола у раскольников // Вестник Европы. 1871. № 4. С. 469–470, 499.
31. Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 г.). М., 1910. С. 201–202.

Notes and References

1. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The first general census of the Russian Empire, 1897 / ed. N. A. Troinitskiy. Vятka. 1904. Vol. X. Vятka province. P. 84.
2. Ibid. P. IX.
3. Ibid. P. 244.
4. Ibid. P. 170.
5. Ibid.
6. *Sheptalin A. A. Nemcy v Udmurtii: istoriko-demograficheskie ocherki* [The Germans in the Udmurt Republic: history and demographic sketches]. Izhevsk. 1993. P. 25.
7. Calculated by: *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The first general census of the Russian Empire, 1897 / ed. N. A. Troinitskiy. Vятka. 1904. Vol. X. Vятka province. Pp. 244–245.

8. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The first general census of the Russian Empire, 1897 ... P. XIX.
9. Kurilo O. V. *Lyuterane v Rossii (XVI–XX vv.)* [The Lutherans in Russia (XVI–XX centuries)]. M. 2002. P. 88.
10. Calculated by: *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The first general census of the Russian Empire, 1897. P. 172.
11. See: *Veber M. Protestantskaya ehtika i duh kapitalizma* [Protestant ethic and the spirit of capitalism]. M. 2006.
12. NART. F. 92. Inv. 1. File 14558. Sh. 17.
13. State Archive of Kirov region (GAKO). F. 574. Inv. 1. File 30. Sh. 7.-9; GAKO. F. 574. Inv. 1. File 85. Sh. 9.-11; GAKO. F. 574. Inv. 1. File 737. Sh. 139; GAKO. F. 574. Inv. 1. File 274. Sh. 8.-10; GAKO. F. 574. Inv. 1. File 526. Sh. 4.-6; GAKO. F. 574. Inv. 1. File 879. Sh. 6.-8; GAKO. F. 574. Inv. 1. File 1005. Sh. 137-139; *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The first general census of the Russian Empire in 1897 / ed. N.A. Troinitskiy. Vyatka. 1904. Vol. X. Vyatka province. P. 84; GAKO. F. 574. Inv. 2. File 610. Sh. 2.-4; GAKO. F. 574. Inv. 2. File 811. Sh. 2.-4.
14. GAKO. F. 716. Inv. 2. File 101. Sh. 5.
15. *Bushkov E. Russkij Turek* [Russian Turek] // *Urzhumskaya starina* – Urzhum old. 1992, No. 1-2, pp. 8-9.
16. GAKO. F. 811. Inv. 1. File 669. Sh. 3.
17. GAKO. F. 582. Inv. 143. File 215. Sh. 1 turn.
18. GAKO. F. 582. Inv. 143. File 215.
19. GAKO. F. 510. Inv. 1. File 7. Sh. 69, 70, 71.
20. GAKO. F. 510. Inv. 1. File 1. Sh. 10.
21. *Kerov V. V. Duhovnost' rossijskoj promyshlennosti: konfessional'no-ehlicheskie faktory staroobryadcheskogo predprinimatel'stva* [Spirituality of the Russian industry: religious-ethical factors, the old believers entrepreneurship] // *Industrializaciya Rossii* – Industrialization of Russia. 1997, No. 3, p.20.
22. *Panchenko A. M. Russkaya kul'tura v kanun petrovskih reform* [Russian culture on the eve of Peter's reforms] // *Iz istorii russkoj kul'tury. T. III. (XVII – nachalo XVIII veka)* – From the history of Russian culture. Vol. III. (XVII – beginning of XVIII century). M. 2000. Pp. 205-207.
23. *Bahtina O. N. Kniga i slovo v staroobryadcheskoj sisteme cennostej (o svoeobrazii staroobryadcheskoj literatury)* [The book and the word in the old believers' value system (the uniqueness of the old believers' literature)] // *Mir staroobryadchestva. Vyp. 4. ZHivye tradicii: Rezul'taty i perspektivy kompleksnyh issledovanij : materialy mezhdunar. nauch. konf.* – World of the old believers. Vol. 4. A living tradition: Results and the prospects for integrated studies: proceedings of the international scientific conf. M. 1998. P. 170.
24. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g.* – The first general census of the Russian Empire in 1897 ... P. 90.
25. GAKO. F. 274. Inv. 1. File 4. Sh. 2.
26. GAKO. F. 582. Inv. 26. File 1009. Sh. 87.
27. GAKO. F. 811. Inv. 1. File 515. Sh. 24.
28. GAKO. F. 811. Inv. 1. File 672. Sh. 9.
29. *SHahov M. O. Staroobryadchestvo, obshchestvo, gosudarstvo* [The old believers, society and state]. M. 1998. P. 25.
30. *Kostomarov N. Istorija raskola u raskol'nikov* [The history of the split from the splitters] // *Vestnik Evropy* – Herald of Europe. 1871, No. 4, pp. 469-470, 499.
31. *Vestnik Evropy* – Agricultural and economic life of believers (according to the questionnaire, 1909). M. 1910. Pp. 201-202.

УДК 94.084.2(470.342)

Система подготовки призывников Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Кировской области)

Гончаров Г. А.

заместитель председателя Законодательного собрания Кировской области, Кировский одномандатный избирательный округ № 25. 610005, г. Киров, ул. Профсоюзная, 69. E-mail: goncharov@zsko.ru

Аннотация: данная публикация представляет собой попытку анализа системы подготовки и обучения призывников Красной Армии накануне и в годы Великой Отечественной войны на примере тылового региона Кировской области. Основными векторами развития в этом направлении можно считать развитие экономики, ее ориентацию на военно-промышленный лад, идеологическую работу. Обучение призывников носило разноплановый и разносторонний характер, включало в себя физическую подготовку, патриотическое воспитание, навыки обращения с различными видами оружия, развитие технического оснащения. Отдельно выделены специальности, бывшие преимущественно «женскими» (связисты, санитарки, снайперы). Рассматривается программа военного обучения, методы воспитания юношей и девушек, формирование настроения населения относительно службы в армии и участия в войне. Приведены данные о количестве молодежи региона, бытовых условиях жизни. Собственно военная подготовка рассматривается во взаимосвязи с общим уровнем развития культуры и среднего и высшего образования довоенного общества. Обучение молодежи являлось одним из аспектов политики государства по подготовке к войне и созданию боеготовой армии.

Ключевые слова: война, призыв, мобилизация, обучение, патриотическое воспитание.

The system of training of recruits of the red army on the eve and during the Great Patriotic War of 1941–1945 (on the materials of the Kirov region)

Goncharov G. A.

Deputy Chairman of the Legislative Assembly of the Kirov Region, Kirov single-mandate electoral district № 25. 69 Profsoyuznaya str., 610005, Kirov. E-mail: goncharov@zsko.ru

Abstract: The given publication represents attempt of the analysis of system of preparation and training of recruits of Red Army the day before and in days of the Great Patriotic War on an example of rear region of the Kirov region. In this direction it is possible to consider as the basic vectors of development economy development, its orientation to a military-industrial harmony, ideological work. Training of recruits had versatile and versatile character, included physical preparation, patriotic education, skills of the reference with various types of weapon, hardware development. The specialities which were mainly "female" (signalmen, санитарки, snipers) are separately allocated. The program of military training, methods of education of young men and girls, formation of mood of the population concerning service in armies and participations in war is considered. The data about quantity of youth of region, a life conditions of life is cited. Actually military preparation is considered in interrelation with the general level of development of culture and an average and higher education of a pre-war society. Youth training was one of aspects of a policy of the state on preparation for war and creation of efficient army.

Keywords: war, an appeal, mobilisation, training, patriotic education.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война требовала первоочередного наличия боеготовой армии, состоявшей и пополняемой за счет хорошо обученных и готовых к эффективным действиям солдат и офицеров. В отечественной и зарубежной историографии не стихают споры относительно того, насколько был готов Советский Союз к началу войны в различных отраслях. Нам представляется, что подобный вопрос может быть темой отдельного большого исследования, выходящего за рамки данной публикации. Тем не менее заметим, что при наличии споров относительно уровня готовности страны к большой войне не отрицается сам факт наличия такой подготовки, почему и необходимо определиться с ее уровнем и качеством.

К 1941 г. в стране существовала армия, наличие которой само по себе свидетельствует о работе по обеспечению обороноспособности государства. По разным оценкам, к июню 1941 г. Красная армия включала в свой состав до 5,4 млн солдат и офицеров [1]. Начиная с первых дней войны в Кировской области, представлявшей из себя тыловой регион, стали проводиться мобилизации молодежи на фронт. Всего за годы войны было проведено более 40 мобилизаций.

Проблема подготовки СССР к войне включала в себя такие составные части, как техническое оснащение, развитие экономики, уровень образования потенциальных участников боевых действий, наличие материальных ресурсов, идеологическая работа с населением, патриотическое воспитание и т. д. Таким образом, подготовка призывников может рассматриваться как одна из важнейших составляющих готовности страны к войне, с одной стороны, и уровень развития армии и обороноспособности страны – с другой.

За время войны по СССР было мобилизовано в армию 29 млн 574,9 тыс. человек [2], из Кировской области было мобилизовано почти 585 тыс. человек [3]. С каждым из них требовалось провести хотя бы минимальную военную подготовку. В партийных документах военной поры намечались основные пути подготовки молодежи для Красной армии: всеобуч и комсомольско-молодежные спецподразделения; подготовка через подразделения ОСОВИАХИМА; обучение девушек на медсестер и санитарных дружинниц; организация военно-физической подготовки молодежи; проведение профсоюзно-комсомольских кроссов и других массовых спортивных соревнований [4].

Служба в армии в довоенном обществе являлась одним из каналов миграции, в первую очередь, из села в город. По оценкам исследователей, до 70% служащих в армии в годы войны были выходцами из деревни [5]. Этому способствовала и сама структура общества, которое в рассматриваемый период оставалось преимущественно крестьянским.

Законом от 1 марта 1941 г. срок службы в армии по призыву устанавливался от 2 до 4 лет, призыву подлежали мужчины с 19 лет либо окончившие среднюю школу и приравненные к ней учебные заведения с 18 лет (ст. 14 Закона) [6].

Уровень образования большинства призывников накануне войны оставлял желать лучшего. Например, из призванных осенью 1940 г. по городу Кирову лиц с высшим образованием было 0,9%, со средним образованием – 14,7%. По районам области процент призываемых в последнем довоенном году со средним образованием был еще ниже – около 9%, основная масса (75%) имели начальное образование 4–6 классов [7].

Подготовка молодых людей военным навыкам была неотделима от подготовки по общему уровню образования. Основная масса населения Кировской области перед войной не имела законченного среднего образования. В возрастной группе 20–29 лет из 147 427 мужчин только 21 015 (или 14,5%) мужчин имели среднее образование. А из общего количества мужского населения региона 1 022 849 человек всех возрастов от младенцев до пожилых людей только 57 691 человек (или 5,5%) имели среднее образование.

Не выше процент со средним образованием был и среди женского населения региона. Из общего числа 179 823 девушек 20–29 лет только 14 998 (или 8%) закончили 10 классов. Из общего числа женского населения в 1 203 344 человека среднее образование было у 52 304 (или 4%) [8]. При этом стоит учитывать, что процент образования как молодежи, так и других возрастных групп был ниже в сельской местности и выше в городах. Процент людей с высшим образованием в городе был 0,97% и в селе – 0,01%. Больше в городе, чем в селе, был и процент людей со средним образованием: 15,67% в городе и 2,79% в селе. В городах и рабочих поселках проживали 348 тыс. человек, в сельской местности – 1 млн 986 тыс. [9]

Вследствие мер государственной политики в области образования число лиц со средним образованием было несколько выше: в 1939 г. их в области насчитывалось 4,7%, причем львиная доля из них – 75,83% – приходилась на молодых людей в возрасте от 19 до 29 лет. Поэтому можно утверждать, что именно молодежь была наиболее образованной, исходя из общего уровня образования того времени.

Поэтому собственно военная подготовка молодежи была неотделима от среднего образования. На основании закона учащимся средней школы предоставлялись отсрочки от призыва в армию до ее окончания, но не старше 20 лет. В первую очередь довоенная подготовка призывников была связана со школьными знаниями. Наличие высшего образования в довоенный период было большим исключением: по данным переписи населения 1939 г., во всем регионе проживали только 5335 человек с высшим образованием [10], или 0,23% от всего населения области в 2 млн 334 тыс. человек.

Общий уровень образования и культуры молодых людей оставлял желать лучшего. В 1944 г. в области были проведены беседы с первыми секретарями районных комитетов комсо-

мола, своеобразного авангарда молодежи. После этого последовали следующие характеристики. Анохина – секретарь Свечинского райкома, имеет среднее образование, один курс пединститута, ничего не смогла ответить по истории ВКП (б) и трудам Сталина. Шутова, Сунский комитет, на вопрос о любимом писателе ответила, что А. С. Пушкин, но не смогла ничего процитировать, не вспомнила ни одного произведения Гончарова, Тургенева, Толстого. Рассказала, что читала «Шекспиллера» – еле разобрались, что она имена Шекспира и Шиллера сложила в одно [11].

О пристальном внимании руководства страны к уровню подготовки потенциальных призывников в школе может свидетельствовать Письмо заведующего отделом школ ЦК ВКП (б) Яковлева секретарю ЦК Г. М. Маленкову от 3 февраля 1944 г.: «В настоящее время органы народного образования лишены возможности надлежащим образом конкретно руководить начальной и допризывной военной подготовкой учащихся школ. В штатах районных и городских отделов народного образования нет лица, которое бы ведало военно-физической подготовкой учащихся. Подавляющее большинство заведующих городскими и районными отделами народного образования в военном отношении совершенно не подготовлены, других же работников в этих отделах, которые бы могли руководить работой военруков в школах, нет». При этом органы образования требовали признать свой приоритет перед народным комиссариатом обороны в деле военной подготовки молодежи: «...органы народного образования должны нести полную ответственность перед государством за военное воспитание и подготовку учащихся, входящую в общую систему обучения и воспитания» [12].

С началом войны и уходом молодых людей на фронт неизбежным было уменьшение числа обучавшихся молодых людей в школе. Чем старше был класс обучения в средней школе, тем меньший процент потенциальных учеников в нем обучался. Уже к началу 1941–1942 уч. г. общий план по контингентам учащихся 1–10-х классов был выполнен только на 76,2%, в том числе по 1–4-м классам – на 85,15%, по 5–7-м классам – на 66,2%, по 8–10-м классам – на 53,3%. В первый военный учебный год вне школы остались 5 млн 272,4 тыс. учеников, в том числе 1–4-х классов – 1 894,3 тыс. человек, 5–7-х классов – 2 млн 646,1 тыс. человек, 8–10-х классов – 758,8 тыс. человек. Таким образом, основную массу обучающихся средней школы по стране (за вычетом населения, оказавшегося к 1 сентября 1941 г. в оккупации) составляли ученики 1–7-х классов.

Уменьшение числа учеников и, соответственно, увеличение молодых людей, не охваченных школьным обучением, происходило и в течение учебного года в связи с уходом из школы по различным причинам. Так, по 31 территории РСФСР из 7 млн 332,9 тыс. учеников, приступивших к занятиям на октябрь 1942 г., за шесть месяцев отчислились 1 млн 192,7 тыс. человек, из них по 1–4-м классам – 522,1 тыс., по 5–7-м – 567,9 тыс., по 8–10-м – 102,7 тыс. человек. По данным народного комиссариата просвещения РСФСР по 23 территориям республики, процент приема учеников в 8-е классы в 1941 г. был ниже предыдущего года на 30% [13].

Перед войной советское руководство проводило целенаправленные мероприятия по подготовке и воспитанию у молодых людей патриотических качеств, а также трудовых и специальных навыков, уделяя значительное внимание и физической подготовке. Подобными мерами были охвачены как подростки, начиная со школы, так и взрослые молодые люди, продолжавшие учиться или занятые на промышленном производстве или работе в колхозах.

Одним из мер правительственной политики подготовки призывных кадров стала система ГТО – «Готов к труду и обороне». Так, еще за несколько месяцев до войны Приказ № 40 от 4 февраля 1941 г. Кировского областного отдела народного образования утвердил контрольные задания по подготовке для выполнения нормативов и выдачи значков ГТО. По школам области план был 8060 человек, а для получения значка 1-й ступени – 1510 человек [14].

Обучение азам военного дела продолжалось и после призыва в армию, по дороге на фронт. В первые месяцы войны ресурсов на содержание призванных красноармейцев, находящихся по дороге из дома на фронт, путь которых лежал через пересыльные пункты, хватало не всегда. Сказывались и неразбериха, и нарушение коммуникаций первых военных месяцев. Например, в рапорте на имя председателя Городского комитета обороны Лукьянова от 29 декабря 1941 г. о состоянии кировского пересыльного пункта значилось, что здание пункта недостаточно по площадям, в нем кроме солдат проживают частные лица, согласно штатному расписанию была установлена норма размещения до 150 лиц, а фактически постоянно находилось не менее 400. Но даже при обучении непосредственно в военных подразделениях не хватало учебных пособий. На 1 декабря 1941 г. в частях 34 запасной стрелковой лыжной бригады не хватало комсостава – было только 1553 человека из 2256 по штату; в 71 полку в наличии было только 12 учебных винтовок из требующихся 109; из боевых винтовок было 40 при положенных 1702 [15].

О масштабах подготовки призывников через систему ОСОВИАХИМА по г. Кирову могут свидетельствовать следующие факты. На 1943 г. задание по такой подготовке составляло: связистов различных специальностей – 850 человек, водителей – 400 человек, бойцов-парашютистов – 1000 человек, кроме того, велась подготовка специалистов (пулеметчиков, минометчиков, снайперов) различных военных общевоинских специальностей через учебные центры [16].

По линии ОСОВИАХИМА за годы войны в регионе были обучены военному делу свыше 75 тыс. человек, в том числе 71 тыс. – по стрелковым специальностям, более 1100 чел. – по авто- и мотоделу, более 2400 чел. связистов и 192 чел. парашютистов и планеристов [17]. Всего по линии ОСОВИАХИМА за военное время подготовили 119 755 человек по военным специальностям и оборонному делу. Из них основное количество (около 40 тысяч человек в год) было подготовлено в 1943–1944 гг. [18] Занималась данная организация и пропагандой патриотического воспитания среди населения, организовывала лекции по военной и патриотической тематике, выставки литературы и документов, встречи с героями Советского Союза, участниками Великой Отечественной войны. Только за 1942 г. было проведено 16 357 встреч, в которых участвовали более 500 тысяч человек. Преимущественно в организациях ОСОВИАХИМА обучалась рабочая молодежь, деревня была охвачена слабо [19].

Сложившуюся до войны систему подготовки к службе в армии пришлось адаптировать к условиям военного времени. 19 сентября 1941 г. издается постановление Государственного комитета обороны СССР «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». В соответствии с ним «каждый гражданин Союза ССР, способный носить оружие, должен быть обучен военному делу, чтобы быть подготовленным с оружием в руках защищать свою Родину и в целях подготовки для Красной армии обученных резервов. С 1 октября 1941 г. вводилось обязательное военное обучение всех граждан СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет. Объем программы обучения составлял 110 часов, обучение должно было осуществляться вневоинским порядком без отрыва лиц, привлеченных к прохождению военного обучения, от работы на фабриках, заводах, в совхозах, колхозах, учреждениях, чтобы не нарушать нормальный ход работы предприятий и не наносить ущерба производству. Особое внимание обращалось на строевую подготовку, владение винтовкой, пулеметом, минометом и ручной гранатой, противохимическую защиту, рытье окопов и маскировку, а также на тактическую подготовку одиночного бойца и отделения. В первую очередь к военной подготовке привлекались призывники 1923 и 1924 годов рождения (18 и 17 лет соответственно) и военнообязанные запаса из числа необученных в возрасте до 45 лет. В качестве инструкторов военного обучения привлекался средний командный и политический состав и младший начальствующий состав запаса, пользующийся отсрочками от призыва по мобилизации, а также наиболее подготовленный рядовой состав старших возрастов, не призванный в армию» [20].

Постановлением Государственного комитета обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» [21] с 1 октября 1941 г. в целях подготовки для Красной армии обученных резервов, исходя из того, что каждый гражданин СССР, способный носить оружие, должен быть обучен военному делу, защищать свою Родину, вводилось обязательное военное обучение граждан СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет. Данный вид обучения устанавливался без отрыва от основных занятий и работ в объеме 110-часовой программы. На февраль 1944 г. в системе школьного образования РСФСР насчитывалось около 100 тысяч военруков и преподавателей военного дела, в том числе имеющих офицерское звание около 8 тысяч человек [22]. Немаловажное значение придавалось и материально-технической стороне военной подготовки. Если учебниками и литературой учебные заведения были в основном обеспечены, то не хватало тетрадей и бумаги, а также наглядных пособий и учебных приборов [23]. В вузах с материальной частью военного обучения молодежи ситуация была непростой. Например, в педагогических университетах и институтах (которых по стране насчитывалось больше остальных) [24] отмечались следующие проблемы военной подготовки. К началу 1942–1943 уч. г. большинство вузов системы Наркомпроса не были укомплектованы кадрами начальников военных кафедр и военных руководителей, наблюдалась их большая сменяемость в связи с уходом в армию. Около 20% руководивших военной подготовкой требовали замены по тем или иным причинам. На январь 1943 г. по всем гражданским учебным заведениям (включая техникумы, средние и неполные средние, а также начальные школы) при потребности 109 008 военруков было подобрано 91 168 человек, то есть укомплектованность составила 83,6%. На март этого же года военруков было уже по стране 99 865. Из всего состава женщин-военруков было чуть меньше половины – 42 461, или около 43%.

В начале войны из всех вузов было изъято все боевое и значительная часть военного оружия, многое было передано на учебные пункты всеобщего обучения. Часть имущества оказалась потерянной из-за эвакуации. Военные кабинеты зачастую были оборудованы плохо, испытывался недостаток

в уставах, плакатах, военной литературе, не было спортивного оборудования. Наиболее подробно студентов учили огневой подготовке, включавшей изучение материальной части оружия и стрельбу из мелкокалиберной винтовки. В программе обучения студентов были также спортивные соревнования, кроссы, военизированные походы. Вследствие малочисленности мужчин тактическая подготовка не имела широкого распространения, строевой подготовкой занимались все, включая женскую половину студенчества. Вследствие нехватки специального оборудования и преподавателей большинство девушек обучали не на связисток, а на санитарных дружинниц. По 48 вузам за 1942–1943 уч. г. обучено на сандружинниц 10 318 студенток [25].

Всего за годы войны через систему всеобуча в объеме 110-часовой программы по Кировской области прошли обучение 168 687 человек [26].

Направление обучения зависело от предполагаемого рода войск и роли молодого человека на фронте. По воспоминаниям юнги из Кирова Е. С. Жуйкова, 15–16-летние юноши были направлены на Соловецкие острова, местечко Савватьево, заготавливали лес, строили землянки, столовую, копали колодец, строили клуб. Военная учеба длилась по 10–12 часов в сутки [27]. По образному выражению В. Пикуля, «павших должны были заменить юнги» [28].

К службе в сухопутных войсках готовили практически повсеместно: на стадионах, спортплощадках, в домах культуры. Здесь будущие новобранцы под руководством офицеров бегали, ползали по-пластунски, стреляли, бросали гранаты, кололи штыком, учились выносить «раненых», рыли окопы, учились бегать на лыжах [29].

При подготовке молодежи военным специальностям интересы обучения зачастую вступали в конфликт с интересами производства – руководители предприятий без особого энтузиазма отпускали на учебу, часто требовалось вмешательство партии и комсомола.

За первый год войны с 1 июля 1941 г. по 1 июня 1942 г. по области шла военная подготовка юношей 1923–1924 г. р. (17–18 лет). Обучали на истребителей танков, проводились соревнования в виде смотра боевой готовности команд и отрядов. Примерами проводившихся военных игр были «Марш и его боевое охранение», «Борьба за знамя», «Ночная тревога», «Лыжный поход», «Оборона населенного пункта» – призывники поднимались по тревоге, получали задание и вооружение, должны были продемонстрировать навыки разведки, штыкового боя, самоокапывание. Подготовка велась под руководством командиров войсковых частей, командиров всеобуча и ОСО-ВИАХИМА. Силами самой молодежи изготовлялось необходимое для занятий оборудование – макеты танков, бутылки с горящей жидкостью, макеты гранат-связок. Также повсеместно учили обращению с боевым оружием, готовили пулеметчиков, снайперов. Преподавали азы штыкового боя. Программа соревнования по боевой подготовке Всеобуча первой очереди включала в себя разделы: физической подготовки, огневой, химической и саперной, оценивался каждый тремя видами оценок: «отлично», «хорошо» и «посредственно».

Основами спортивно-физической подготовки молодежи в годы войны были 20–30-часовая программа военно-лыжной подготовки; 25-часовое обучение бойцов-рукопашников; 20 часов по программе подготовки к плаванию и переправам; сдача норм на значки комплекса ГТО [30].

Всего за 1941–1945 гг. по Кировской области прошли подготовку по военно-прикладным видам спорта 214 150 лыжников; 102 669 бойцов рукопашного боя; 54 477 бойцов по плаванию и переправам вплавь; 56 853 человека получили значок «Готов к труду и обороне» первой степени, 569 человек – данный значок второй степени [31]. Одного и того же призывника стремились обучить по разным программам, заботясь, таким образом, о качестве будущих бойцов и боеспособности армии.

Подготовкой к фронту были охвачены и девушки. Самыми «женскими» военными специальностями могут считаться снайперы, медицинские работники и связисты. В большей степени женской военной специальностью считались связисты (включая радистов-операторов, телеграфистов, морзистов, телефонистов). Учебного оборудования подчас катастрофически не хватало. Руководство Кировского района в 1942 г. жаловалось в обком партии: «...на 3 учебных пункта, включающих подготовку 45 девушек-снайперов, имеется только одна винтовка, и люди, которые заканчивают программу, не видели в глаза снайперской винтовки» [32].

При отборе в военно-морской флот в 1942 г. по разнарядке на регион требовались девушки с профессиями электриков, киномехаников, металлистов, портных, радистов, сапожников, водителей, хлебопеков. Образование у всех требовалось от 7 до 10 классов с военной специальностью [33].

Критерии отбора девушек на фронт подчас были более жесткими, чем молодых людей. Например, при отборе в ноябре 1942 г. в женскую добровольную стрелковую бригаду критериями отбора были: возраст 19–25 лет, образование не ниже четырех классов, годные к строевой службе, политически проверенные и морально устойчивые, имеющие военную подготовку. Запрещалась мобилизация женщин, имеющих на иждивении детей, нетрудоспособных родителей,

женщин национальностей воюющих с СССР стран, уроженок Западной Украины, Западной Белоруссии, проживавших на оккупированной немцами территории [34]. Только за шесть месяцев 1941 г. после начала войны по региону было специально подготовлено для фронта 603 медсестры, 1720 санитарных дружинниц, на 1 января 1942 г. обучалось на курсах медсестер 1257 девушек и на курсах санитарных дружинниц – 2656. Практически сразу же по завершении обучения девушки отправлялись в действующую армию, многие – на фронт. Служить им приходилось на передовой линии, в полевых медпунктах.

В программе военной подготовки девушек изучались строевая подготовка и правила метания гранаты из положения стоя (норматив дальности 18 метров), обучение шитью, владению винтовкой, пулеметом [35].

За все время войны через системы всеобуча по региону было подготовлено к военным специальностям девушек: снайперов – 2551 человек; автоматчиков – 416; ручных пулеметчиков – 147; станковых пулеметчиков – 204; минометчиков – 260; бойцов местных стрелковых войск – 514; регулировщиков – 277; караульчиков – 514; телеграфистов – 382; телефонистов – 490; радиостов – 378, общее количество – 6133 человека [36].

Значительное место в подготовке молодежи к армии и фронту после начала войны занимало патриотическое воспитание. На всех учебных пунктах присутствовали политруки и заместители политруков. В первые месяцы войны (пока не было возможности систематизировать информацию о новых подвигах) примерами выступали герои Гражданской войны. Однако уже в 1941 г. война принесла имена своих героев. Молодежь воспитывали на примерах сверстников – Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Александра Чекалина, подвиге восьми комсомольцев, повешенных немцами в Волоколамске. Вот пример лозунга тех лет: «...десятки и сотни беззаветных героев, отомстивших за слезы и страдания матерей, отцов и детей, отдавших свою светлую жизнь за лучшее будущее советского народа. Их имена будут вдохновлять нашу молодежь на героические дела во славу нашей любимой Родины» [37].

В ходе проведения занятий на учебных пунктах по районам Кировской области регулярно, по 15 минут, сообщалась информация по текущим событиям, изучались все постановления партии и правительства, доклады государственных деятелей. Изучались речи И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко. Здесь же обучавшиеся давали обещания отличной учебы, хорошей дисциплины, выполнения обязательств перед государством. Регулярными были индивидуальные беседы с молодыми людьми, официальными темами которых были «военная выдержка», «военная дисциплина», «военная присяга», «революционный порядок». Старались приводить большое количество эпизодов с полей сражений, подчеркивали необходимость сплоченности и взаимовыручки бойцов. При наличии необходимых характеристик принимали в комсомол [38]. Нередкими были и случаи проявления искреннего патриотизма молодежи. Подводя итог мобилизации девушек, обком комсомола в феврале 1942 г. отмечал: «...характерный пример советского патриотизма проявился в поведении комсомолки из г. Котельнича Александры Семеновны Нагаевой 21 года, которая закончила курсы автоматчиков и выразила искреннее желание отправиться на фронт, чтобы вместе с другими беспощадно уничтожить немецко-фашистских захватчиков. Призывная комиссия не хотела зачислять ее в Красную армию, так как ее мать остается с тремя младшими сестрами, почти не обеспечена материально. Тогда девушка пришла на комиссию вместе с матерью, которая просила призвать ее дочь в армию добровольцем» [39].

Вопросы военной подготовки молодежи являлись одними из первостепенных в повседневной жизни и системе образования все время войны. Несколько уменьшается к ним внимание только в 1945 г., так как процесс был уже налажен, чувствовалось скорое окончание войны.

Таким образом, в системе подготовки молодежи к армии и фронту проводились разные мероприятия, готовившие различным специальностям. В силу невысокого уровня общей грамотности молодых людей накануне войны собственно военная подготовка была тесно взаимосвязана со школьным образованием. Помимо обучения специальным знаниям не последнее место уделялось патриотическому воспитанию и идеологической подготовке. В свете всех проходивших мероприятий можно утверждать, что подготовка и обучение молодежи к армии и фронту представляли собой целенаправленную государственную политику, внесшую вклад в повышение боеспособности Красной армии и разгром врага.

Примечания и список литературы

1. Кудров В. М. Национальная экономика России. М., 2008. С. 305.
2. Всероссийская Книга Памяти 1941–1945 гг. Обзорный том. М., 1995. С. 410.
3. Загвоздкин Г. Г. В битве за Отечество. 1941–1945 гг. // Энциклопедия земли Вятской. История. Т. 4. Киров, 1995. С. 393.

4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (далее – ГАСПИКО). Ф. 1682. Оп. 2. Д. 274. Л. 45.
5. *Вербицкая О. М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 43.
6. Закон СССР о Всеобщей воинской обязанности от 01 сентября 1939 г. URL: КонсультантПлюс (дата обращения: 27.02.2016 г.).
7. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 335. Лл. 180, 199.
8. *Чернышева Н. В.* Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Киров, 2012. С. 34; ГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2289. Л. 1.
9. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 36. Л. 1.
10. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2289. Л. 1.
11. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 216. Лл. 9-9 об.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 126. Д. 13. Л. 10.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 5. Лл. 36–37, 42.
14. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 291. Лл. 5, 41.
15. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 7. Д. 36. Лл. 46–47, 53.
16. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 35. Лл. 3, 4, 21.
17. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 36. Лл. 113–114.
18. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 274. Л. 54.
19. ГАСПИКО. Ф. 1290. Оп. 9. Д. 35. Лл. 1–3, 21.
20. КонсультантПлюс (дата обращения: 13.11.2016 г.).
21. Постановление Государственного Комитета Обороны СССР «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» // КонсультантПлюс (дата обращения 13.09.2016 г.).
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 13. Л. 11.
23. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 37. Лл. 21 об.-22.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 6. Л. 4.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 11. Лл. 2, 7, 111–112.
26. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 274. Л. 48.
27. *Е. С. Жуйков.* Фронтовик. Руководитель. Киров, 2011. С. 89.
28. *Пикуль В.* Мальчики с бантиками. Л., 1974. С. 41.
29. *Город, ковавший победу: Киров в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 кн.* Кн. 2. Киров, 2012. С. 132.
30. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 274. Л. 58.
31. Рассчитано автором по: ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 274. Л. 59.
32. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 94. Лл. 1–2, 103–104, 223–226.
33. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 67. Л. 6.
34. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 77. Лл. 1–2 об.
35. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 94. Лл. 93–94, 102.
36. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 274. Лл. 52–53.
37. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 112. Л. 264.
38. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 16. Лл. 171–172.
39. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 2. Д. 77. Л. 25.

Notes and References

1. *Kudrov V. M. Nacional'naya ehkonomika Rossii* [National economy of Russia]. М. 2008. P. 305.
2. *Vserossijskaya Kniga Pamyati 1941–1945 gg. Obzornyj tom* – The all-Russia book of Memory 1941–1945 Overview volume. М. 1995. P. 410.
3. *Zagvozdkin G. G. V bitve za Otechestvo. 1941–1945 gg.* [In the battle for the Fatherland. 1941–1945] // *EHnciklopediya zemli Vyatskoj. Istorija* – The encyclopedia of Vyatka land. History. Vol. 4. Киров. 1995. P. 393.
4. State archive of socio-political history of the Kirov region (further – GASPIKO). F. 1682. Inv. 2. File 274. Sh. 45.
5. *Verbickaya O. M. Naselenie rossijskoj derevni v 1939–1959 gg. Problemy demograficheskogo razvitiya* [Population of the Russian village in the years 1939–1959. Problems of demographic development]. М. 2002. P. 43.
6. The law of the USSR on universal military duty from September 01, 1939 // Consultant Plus (date accessed: 27.02.2016). (in Russ.)
7. GASPIKO. F. 1290. Inv. 6. File 335. Sh. 180, 199.
8. *CHernysheva N. V. Social'no-demograficheskie processy v Kirovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Socio-demographic processes in the Kirov region during the Great Patriotic War]. Киров. 2012. P. 34; ГАКО. F. Р-2344. Inv. 1. File 2289. Sh. 1.
9. GASPIKO. F. 1290. Inv. 10. File 36. Sh. 1.
10. State archive of the Kirov region (hereafter GAKO). F. P-2344. Inv. 1. File 2289. Sh. 1.
11. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 216. Sh. 9-9 about.
12. Russian state archive of socio-political history (hereinafter RGASPI). F. 17. Inv. 126. File 13. Sh. 10.
13. RGASPI. F. 17. Inv. 126. File 5. Sh. 36-37, 42.

14. GASPIKO. F. 1290. Inv. 7. File 291. Sh. 5, 41.
15. GASPIKO. F. 1290. Inv. 7. File 36. Sh. 46-47, 53.
16. GASPIKO. F. 1290. Inv. 9. File 35. Sh. 3, 4, 21.
17. GASPIKO. F. 1290. Inv.10. File 36. Sh. 113-114.
18. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2 d. 274. Sh. 54.
19. GASPIKO. F. 1290. Inv. 9. D. 35. Sh. 1-3, 21.
20. ConsultantPlus (date accessed: 13.11.2016).
21. The resolution of the State Committee of defense of the USSR "On universal compulsory military training of citizens of the USSR" // ConsultantPlus (accessed 13.09.2016). (in Russ.)
22. RGASPI. F. 17. Inv. 126. 13. Sh. 11.
23. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. D. 37. Sh. 21.-22.
24. RGASPI. F. 17. Inv. 126. 6. Sh. 4.
25. RGASPI. F. 17. Inv. 126. D. 11. Sh 2, 7, 111-112.
26. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. D. 274. Sh. 48.
27. E. S. Zhujkov. *Frontovik. Rukovoditel'* [Soldier. Headman]. Kirov. 2011. P. 89.
28. *Pikul' V. Mal'chiki s bantikami* [Boys with bows]. L. 1974. P. 41.
29. *Gorod, kovavshij pobedu: Kirov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.: v 2 kn.* – The city fought in the war: Kirov in the years of the Great Patriotic War of 1941-1945: in 2 books. Book 2. Kirov. 2012. P. 132.
30. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2 File 274. Sh. 58.
31. Calculated by the author by: GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 274. Sh. 59.
32. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 94. Sh. 1-2, 103-104, 223-226.
33. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 67. Sh. 6.
34. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 77. Sh. 1-2.
35. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 94. Sh. 93-94, 102.
36. GASPIKO. F. 1682. Inv.2 File 274. Sh. 52-53.
37. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 112. Sh. 264.
38. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 16. Sh. 171-172.
39. GASPIKO. F. 1682. Inv. 2. File 77. L. 25.

УДК: 94(47).06

Добровольная ссылка жен опальных вельмож в эпоху дворцовых переворотов

Белова Н. А.,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и истории, ВИПЭ ФСИН России.
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2. E-mail: nade-belova@yandex.ru

Аннотация: Данная статья посвящена малоизученному в отечественной историографии вопросу добровольности следования в ссылку жен опальных сановников, подвергнутых репрессиям в эпоху дворцовых переворотов. На основе мемуаров, опубликованных документов и исследований, изданных преимущественно в XIX в., предпринята попытка выявления причин, побудивших предшественниц жен декабристов разделить изгнание со своими мужьями, государственными преступниками. В статье рассмотрены обстоятельства вынужденной отправки в Сибирь знатных дам, исследованы условия их пребывания в ссылке: М. И. Остерман – в Березове, В.-Э. Миних – в Пельме, Е. И. Головкиной – в Ярманге (Среднеколымске) и др., уделено внимание дальнейшей судьбе этих добровольных изгнанниц после смерти или освобождения мужей. В заключение показано значение нравственного выбора жен опальных вельмож XVIII столетия.

Ключевые слова: история России XVIII в., русские женщины XVIII в., ссылка в Сибирь, добровольная женская ссылка.

Voluntary exile wives of disgraced nobles in the era of palace revolutions

Belova N. A.,

candidate of historical sciences, senior lecturer of the Department of philosophy and history of WIPE of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2 Shetinin str., 160002, Vologda. E-mail: nade-belova@yandex.ru

Abstract: This article is devoted to insufficiently studied in Russian historiography the issue of voluntariness go to the exile to wives of disgraced dignitaries, subjected to repression in the era of Palace coups. Based on the memoirs, published documents and studies, released, mostly in the nineteenth century, an attempt to identify the reasons prompted, predecessor the wives of the Decembrists to share the exile with their husbands, state criminals. The article considers the circumstances of the forced sending to Siberia noble women, investigated the conditions of their stay in the exile: M. I. Osterman – in Berezov, V.-E. Munnich in Pelym, E. I. Golovkina – in Yarmanga (Srednekolymsk), etc., attention is paid to the future of these voluntary exiles after the death or release of husbands. The conclusion shows the importance of moral choice wives of disgraced nobles of the XVIII century.

Keywords: The history of Russia of XVIII century, Russian women of the eighteenth century, exile to Siberia, voluntary women's exile.

Благодаря повышенному интересу в советский период к «революционному» движению декабристов в общественном сознании прочно утвердилось мнение, что жены декабристов были первыми в России знатными дамами, разделившими «прелести» сибирской ссылки своих мужей, «государственных преступников».

Вместе с тем, нисколько не умаляя подвиг декабристок, следует заметить, что более чем за восемь десятилетий до них жены опальных сановников отправились сопровождать в далекое изгнание своих мужей, арестованных и осужденных после дворцового переворота 1741 г., приведшего к власти Елизавету Петровну. К чести графинь В.-Э. Миних, Е. И. Головкиной и др., они добровольно, как истинные христианки, «сопровождали своих мужей и въ Сибирь и въ отдаленныя захолустья России» [1].

Сохранив брак с государственными преступниками, эти женщины, жившие более сердцем, чем разумом, естественно, разделили их судьбу. Проявив участие к «падшим», жены опальных сановников заботились, прежде всего, об облегчении участи своих мужей. Они сознательно порвали с прошлым, отказались от привилегий, имущества, прежнего образа жизни, руководствуясь при этом нравственными принципами, заложенными им с детских лет дворянским воспитанием, которое внушало христианские идеи любви, всепрощения, милосердия и верности супружескому долгу. Более того, перед отправкой в изгнание жены вельмож, обвиненных в государственной измене, пережили мучительные дни следствия и ожидания казни своих мужей. О

монаршей милости – замене «богомерзким преступникам» казни вечной ссылкой – они узнали лишь в день «бескровной экзекуции» 18 января 1742 г. Как вспоминал очевидец этого события князь Я. П. Шаховской, реакция на помилование Барбары (Варвары)-Элеоноры, супруги разжалованного фельдмаршала Б. Х. Миниха, была таковой: «О жене же его, при семъ случае находившейся, кроме слезъ и стенаний описывать не имею» [2].

Женам осужденных, по воле Елизаветы Петровны, «дозволено было... или следовать за мужьями, или со всеми правами состояния оставаться на прежнихъ местахъ жительства» [3]. Но ни одна из женщин не захотела «воспользоваться этою милостью» [4]. При этом времени на раздумья у них не было: уже на другой день после объявления приговора о помиловании осужденные обязывались отбыть к месту ссылки. Имущество ссыльных было конфисковано, а все их драгоценности и бриллианты отобраны в казну. Однако каждому из них, «съ женою, выданы были одежда, белье, столовые приборы... и т. п. въ количестве, которое для ссыльныхъ признавали достаточнымъ» [5].

Б. Х. Миних «вместо четвертования... повезенъ былъ на вечное житье въ Пелымъ, куда добровольно последовала за нимъ его жена» [6]. На момент ссылки графиня Миних, урожденная баронесса Мальцан, вдова обер-гофмаршала М. А. Салтыкова [7], была уже далеко немолодая женщина. Фельдмаршал вступил во второй брак с этой «богатою вдовою среднихъ летъ» 18 сентября 1827 г. [8] Тем не менее супруга опального вельможи разделила с ним все тяготы многолетней ссылки. Миних в одном из писем своему брату в 1746 г. сообщал о своем «горемычномъ житье» следующее: «Наше состояние здравия мое и любезной жены моей нарочито; и состоитъ... утренний и вечерний хлебъ въ жесткомъ сухаре» [9]. В Пелыме при бывшем фельдмаршале с женой постоянно находились: солдаты-конвоиры во главе с караульным офицером, повар Бранд с помощником, лекаръ, служитель Якоб и добровольно сопровождавший их в ссылку пастор Мартенс. Поселили супругов в квартире, расположенной «въ здешнемъ воеводскомъ доме посреди высокой деревянной крепости, которая въ квадрате отъ семидесяти до восьмидесяти шаговъ» [10]. На содержание ссыльных императрицей были выделены деньги «понеже оныхъ для насъ стариковъ на день каждому по рублю», которые они получали «исправно по все месяцы напередъ» [11]. Проживая в болотистой местности, пожилые супруги часто болели. По этой причине Минихи ежегодно тратили от 30 до 40 рублей на лекарства, которые доставлялись им из екатеринбургской аптеки. Для того чтобы чаще бывать на воздухе, а также обеспечивать себя овощами, которых «достать невозможно» у местного населения, они устроили в крепости «маленький огородъ», в котором в летнее время «саждениемъ и сеяниемъ моционъ себе делаемъ» [12].

В долгие сибирские зимы основными занятиями графа были изучение латыни и подготовка к огородному сезону, а «упражнением» его жены являлось рукоделие: «...она своими руками все то шьетъ, что намъ белья на столъ, постель и наше тело надобно, и старое вновь переделаетъ она трудится» [13]. Особо много времени супруги уделяли «спасению душ»: отправлению ежедневных вечерних и утренних служб с пастором Мартенсом и чтению святых книг [14].

По преданиям, собранным в Пелыме от старожилов, Варвара-Элеонора, несмотря на то, что «дурно» изъяснялась по-русски, была «чрезвычайно добродушна и всеми любима», любила «оказывать благодеяния крестьянскимъ девушкамъ, выходившимъ замужъ» [15]. Запомнили местные жители и прогулки Миниха по крепостной стене «съ женою, никогда от него не отступавшею» [16].

Ссыльные прожили в Пелыме 20 лет, «до самой смерти императрицы, 25 декабря 1761 г.» [17] 10 февраля (по А. Бюшингу, 1 февраля) 1762 г. курьер доставил сенатский указ, объявляющий узнику свободу и возвращавший ему все прежние права состояния. Узнав об этом, «Миних и его супруга оба пали ницъ, залившись слезами, и съ восторгомъ благодарили Бога» [18]. Спустя восемь дней после получения известия об освобождении супруги покинули Пелым. 16 марта они прибыли в Москву, а 24 марта были уже в Петербурге [19].

Новый император встретил Миниха с почестями: вернул на службу, назначив жалованье по чину фельдмаршала и подарив дом. А его жене Петр III «послал въ подарокъ двести имперяловъ... на излечение отъ болезни, на которую... графиня Миних жаловалась» [20]. Дату ее смерти установить не удалось, однако известно, что Варвара-Элеонора (в русском варианте Варвара Ивановна) пережила своего супруга, скончавшегося 16 октября 1767 г. [21]

Также в далекую Сибирь, «на край света», отправилась вместе с бывшим кабинет-министром А. И. Остерманом его жена, Марфа Ивановна, урожденная Стрешнева» [22]. Эта добрая и верная женщина 44 лет от роду «не могла разделить съ мужемъ смертной чаши, въ случае его казни, но съ радостью готовилась сопровождать его въ далекое изгнание» [23]. Графиня встретила осужденного супруга в крепостной казарме, куда тот был доставлен прямо с эшафота после объ-

явления о помиловании и отправке навечно в Березов. Для перевозки Остермана с женой, прислугой и имуществом было выделено 12 ямских подвод. Кормовых денег на время пути и на месте ссылки было определено «господамъ въ сутки по рублю на каждую персону, прислугамъ по десяти копеекъ» [24]. Во втором часу ночи с 18 на 19 января 1742 г. «печальный поезд» выехал из ворот Петропавловской крепости и отправился в Сибирь.

В г. Березов супруги Остерман прибыли в сопровождении конвоя 12 марта 1742 г. [25] Примечательно, что во время ссылки они ходили молиться в ближайший к острогу храм, построенный в 1728 г. опальным А. Д. Меншиковым. Спустя пять лет вынужденного пребывания в Березове, 21 мая 1747 г., тяжелобольной граф скончался. Марфа Ивановна похоронила супруга недалеко от церкви и острога, а в течение лета «озаботилась постановкою памятника, въ виде часовни, надъ его могилою» [26].

Лишь 21 июня 1749 г. последовал высочайший указ об освобождении из Сибири «добровольной изгнанницы» и находившейся с ней прислуги. Этот документ доставил вдове Остермана курьер, который должен был сопровождать ее до Москвы. Должностные лица, занимавшиеся возвращением графини из ссылки, «радея» о соблюдении казенного интереса, решили возложить путевые расходы на ее сыновей, у которых женщине дозволялось проживать. Донесением от 26 июня 1749 г. Иван и Федор обязывались принять эти издержки «хотя бы до пятисотъ рублей» [27]. В октябре того же года Марфа Ивановна выехала из Березова и 17 января 1750 г. прибыла в Москву, где проживала до своей кончины, последовавшей 24 февраля 1781 г. [28]

В ссылку на восток Сибири последовала после осуждения мужа, вице-канцлера графа М. Г. Головкина, его супруга Екатерина Ивановна, урожденная княжна Ромодановская, дочь сестры царицы Прасковьи. Когда от имени Елизаветы Петровны графине было объявлено о ее непричастности к государственным преступлениям мужа, сохранении звания статс-дамы, всех прав и возможности «свободно пользоваться ими где угодно и какъ угодно», она отвечала: «На что мне почести и богатства, когда не могу разделить ихъ съ другомъ моимъ? Я любила мужа въ счастии, люблю его и въ несчастии, и одной милости прошу, чтобъ съ нимъ быть неразлучно» [29].

В итоге эта знатная и богатая дама «при всехъ лишенияхъ разделила участь государственнаго преступника» [30]. Колесование опальному вельможе было заменено вечной ссылкой, местом отбытия которой назначен отдаленный острог Ярманга, именуемый также Среднеколымским зимовьем. 18 января 1742 г. супруги Головкины, сопровождаемые приставленным к ним конвойным офицером Берхом, отправились в путь [31]. Сенатом предполагалось, что ссыльные будут доставлены к месту назначения с «надлежащей скоростью». Однако из-за погодных и природных условий их продвижение осуществлялось крайне медленно, с большими трудностями и многочисленными остановками. В итоге оно продолжалось свыше 2,5 года. В Тобольске даже сменился конвойный офицер. Лишь 8 августа 1744 г. ссыльные впервые увидели место своего заточения, «дотоле неведомый имъ Ярмангъ» [32]. Доставивший их туда прапорщик Сибирского гарнизона И. Пальмштруг, осуществляя надзор за своими подопечными, ежемесячно отсылал в столицу рапорта о содержании узников в изоляции. В частности, 4 января 1747 г. он доносил в Сенат о том, что «арестантъ Головкинъ с женою содержится мною подъ карауломъ въ Ерманге такъ, какъ мне повелеваетъ... инструкция, безъ всякаго послабления, и никуда они, кроме церкви Божьей, не выпускаются, и до нихъ никто не допусканъ... И караулъ имеется въ надлежащей твердости» [33]. Опальный граф с графиней были поселены в тесной избе, «оконные стекла которой заменялись льдиной» [34]. Михаил Гаврилович постоянно болел, и Головкина «дни и ночи неустанно ухаживала за страдальцемъ-мужемъ» [35]. Женщина мужественно, «с замечательной стойкостью» переносила свое тяжелое, безысходное положение. Супруги провели в ссылке 14 лет, где их окружало «самое неумолимое» однообразие. «Не только годъ, ни одинъ из дней всего этого времени почти ничемъ не отличался от другаго такого же» [36]. 10 ноября 1775 г. графиня овдовела [37]. Добившись у Екатерины II разрешения на вывоз тела мужа, Е. И. Головкина вывезла его из Ярманги и перезахоронила в Московском Георгиевском монастыре [38]. После возвращения из Сибири «добродетельная» графиня 35 лет прожила в Москве, «посвящая все время молитве, благотворению и отчизнолюбию» [39]. Она скончалась 20 мая 1791 г. и была погребена в Спасо-Андрониковом монастыре [40].

Вместе с еще одним осужденным заговорщиком – президентом коммерц-коллегии бароном К. Л. Менгденом, – сосланным в 1742 г. в Нижнеколымский острог [41], отправились его жена, дети, сестра жены и двое слуг. Супруга ссыльного, Христина-Елизавета Вильдеман, приходилась племянницей фельдмаршалу Б. Х. Миниху. Она первой умерла в Нижнеколымске, не выдержав сурового якутского климата. Затем ушли из жизни дочь, служанка и сам барон, после смерти которого в 1755 г. возвратились из ссылки его сын, сестра жены и слуга [42].

Примечательно, что участь ссыльного постигла также и одного из организаторов дворцового переворота 1741 г., бывшего придворного лейб-хирурга графа И. Г. Лестока, впоследствии впавшего в немилость вице-канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. Ссыльного «повсюду» сопровождала его третья жена, баронесса Мария Аврора Менгден (двоюродная сестра К. Л. Менгдена) [43]. В 1750 г. она добровольно отправилась вслед за мужем в Углич, в 1753 г. – в Великий Устюг [44]. Своим возвращением в столицу супруги обязаны Петру III, который указом от 9 марта 1762 г. вернул свободу опальному Лестоку. Графиня, как и ее муж, жила «в тиши и никогда не являлась ко двору» [45]. После смерти супруга она отправилась в Лифляндию, где была жива еще в 1794 г. [46]

Все эти женщины до конца выполнили священные супружеские обязанности, оставаясь и в несчастье верными подругами своим мужьям. Судьбы жен опальных вельмож XVIII в. вызывают справедливое сочувствие, а их бескорыстные поступки заслуживают глубокого уважения потомков.

Примечания и список литературы

1. Каратыгин П. П. Семейные отношения графа А. И. Остермана // Исторический вестник. 1884. № 17. С. 614.
 2. Костомаров Н. И. Фельдмаршал Миних // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. (окончание) Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. XVIII столетие. СПб., 1893. С. 79.
 3. Там же. С. 79.
 4. [Манштейн Х. К.] Записки Манштейна о России. 1727–1744 : пер. с фр. СПб., 1875. С. 237.
 5. Каратыгин П. П. Указ. соч. С. 614–615.
 6. Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874. С. 374.
 7. По другой версии, Варвара Елеонора в девичестве была фон Вольде, фамилию Мальцман получила от своего первого мужа, вторым ее супругом был обер-гофмаршал М. А. Салтыков. См.: Фельдмаршал Миних из Сибири. 1746 // Русский архив. 1865. № 12. Стб. 1441).
 8. Записки фельдмаршала графа Миниха... С. 247.
 9. Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 81.
 10. Там же. С. 81.
 11. Там же. С. 82.
 12. Там же. С. 81.
 13. Там же. С. 82.
 14. Там же. С. 81.
 15. Там же. С. 83.
 16. Там же. С. 83.
 17. Записки фельдмаршала графа Миниха... С. 376.
 18. Костомаров Н. И. Указ. соч. С. 90.
 19. Там же. С. 91.
 20. Там же. С. 94.
 21. Там же. С. 103.
 22. Каратыгин П. П. Указ. соч. С. 615.
 23. Там же. С. 614.
 24. Там же. С. 618.
 25. Там же. С. 619.
 26. Там же. С. 621.
 27. Там же. С. 622.
 28. Там же. С. 622.
 29. Мордовцев Д. Л. Русские женщины Нового времени. Биографические очерки из русской истории: в 3 т. [Т. I] Женщины первой половины XVIII века. СПб., 1874. С. 190.
 30. Хмыров М. Д. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время (1701–1791 гг.). СПб., 1867. С. 5.
 31. Оксенов А. В. Среднеколымск и его округ // Исторический вестник. 1885. Т. 21. С. 118.
 32. Там же. С. 121.
 33. Хмыров М. Д. Указ. соч. С. 227.
 34. Оксенов А. В. Указ. соч. С. 125.
 35. Там же. С. 125.
 36. Хмыров М. Д. Указ. соч. С. 231.
 37. Там же. С. 233.
 38. Там же. С. 234.
 39. Там же. С. 241.
 40. Там же. С. 242.
 41. Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 62. СПб., 1888. С. 23.
 42. Русско-китайские отношения в XVIII веке : материалы и документы. Т. 3. 1727–1729. М., 2006.
- URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1720-1740/Russ_kit_otn_18_v_III/pril12.htm (дата обращения: 27.05.2017).

43. Гельбиг Г. Русские избранники / пер. с нем. Берлин, 1900. С. 220, 224.
44. Там же. С. 220.
45. Там же. С. 225.
46. Там же. С. 225.

Notes and References

1. Karatygin P. P. Family relations of count A. I. Osterman // Historical journal. 1884. No. 17. P. 614.
2. Kostomarov N. I. Field Marshal Munnich // N. Kostomarov N. I. Russian history in biographies of its main figures. Vol. 2. (the end) the Domination of the Romanov dynasty to the throne of Catherine II. XVIII century. SPb., 1893. P. 79.
3. Ibid. P. 79.
4. [Manstein H. C.] Note Manstein about Russia. 1727-1724: translated from French. SPb., 1875. P. 237.
5. Karatygin P. P. Op. cit. Pp. 614-615.
6. Notes of field Marshal count Munnich. SPb., 1874. P. 374.
7. Ibid. P. 247.
8. Kostomarov N. I. Op. cit. P. 81.
9. Ibid. P. 81.
10. Ibid. P. 82.
11. Ibid. P. 81.
12. Ibid. P. 82.
13. Ibid. P. 81.
14. Ibid. P. 83.
15. Ibid. P. 83.
16. Notes of field Marshal count Munnich... P. 376.
17. Kostomarov N. I. Op. cit. P. 90.
18. Ibid. P. 91.
19. Ibid. P. 94.
20. Ibid. P. 103.
21. Karatygin P. P. Op. cit. P. 615.
22. Ibid. P. 614.
23. Ibid. P. 618.
24. Ibid. P. 619.
25. Ibid. P. 621.
26. Ibid. P. 622.
27. Ibid. P. 622.
28. Morodvtsev D. L. Russian women New time. Biographical sketches from Russian history: in 3 volumes [vol. I] women are the first half of the eighteenth century. SPb., 1874. P. 190.
29. Hmyrov M. D. The Countess Ekaterina Ivanovna Golovkina and her time (1701-1791). SPb., 1867. P. 5.
30. Aksenov A. V. Srednekolymsk and district // Historical journal. 1885. Vol. 21. P. 118.
31. Ibid. P. 121.
32. Hmyrov M. D. Op. cit. P. 227.
33. Aksenov A. V. Op. cit. P. 125.
34. Ibid. P. 125.
35. Hmyrov M. D. Op. cit. P. 231.
36. Ibid. P. 233.
37. Ibid. P. 234.
38. Ibid. P. 241.
39. Ibid. P. 242.
40. The collection of the Imperial Russian historical society. Vol. 62. SPb., 1888. P. 23.
41. Russian-Chinese relations in the XVIII century. Materials and documents. Vol. 3. 1727-1729. M., 2006. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1720-1740/Russ_kit_otn_18_v_III/pril12.htm (date of access: 27.05.2017).
42. Helbig G. Russian representatives: translated from German. Berlin, 1900. P. 220, 224.
43. Ibid. P. 220.
44. Ibid. P. 225.
45. Ibid. P. 225.

УДК: 353+331.4

Совещательные и координационные органы в сфере охраны труда в муниципальных образованиях: проблемы статуса и деятельности

Поздеев П. В.,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Вятский государственный университет. 610002, г. Киров, ул. Ленина, 79.
E-mail: pavel.pozdeev1978@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются основные проблемы статуса и деятельности координационных и совещательных органов в сфере охраны труда в муниципальных образованиях. Рассмотрены общие вопросы нормативно-правовой основы их создания, деятельности, уточнены основные термины в данной области. На ряде конкретных примеров из различных типов муниципальных образований проведен анализ их статуса и основных проблем, связанных с организацией деятельности этих органов. Предложены основные направления совершенствования деятельности органов и дополнения в федеральное законодательство. Основные дополнения, предложенные автором, заключаются во внесении дополнений в закон о местном самоуправлении. В частности, в формулировки вопросов местного значения и полномочий местных органов по их решению предложено ввести пункты о создании совещательных органов в сфере охраны труда.

Ключевые слова: координационные, совещательные органы, охрана труда, вопросы местного значения.

Meeting and coordination bodies in the field of labor protection in municipal formations: problems of status and activity

Pozdeev P. V.,

PhD, Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Administration, Vyatka State University.
79 Lenin str, 610002, Kirov. E-mail: pavel.pozdeev1978@gmail.com

Annotation: the article deals with the main problems of the status and activities of coordination and advisory bodies in the field of labor protection in municipalities. The general issues of the regulatory and legal basis for their creation and activities are considered, and the main terms in this field are refined. A number of specific examples from different types of municipalities analyzed their status and the main problems associated with the organization of the activities of these bodies. The main directions of improving the activities of the bodies and supplementing the federal legislation are proposed. The main additions proposed by the author are to add to the law on local self-government. In particular, in the formulation of issues of local importance and the authority of local bodies to solve them, it is proposed to introduce clauses on the establishment of advisory bodies in the field of labor protection.

Keywords: coordination, advisory bodies, labor protection, local issues.

Проблема организации охраны труда и безопасности на производстве является одной из самых значимых и острых социальных проблем. Уровень производственного травматизма, профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве в Российской Федерации по-прежнему остается весьма высоким [1]. В связи с этим организация деятельности по охране труда представляется задачей не только работодателей, профсоюзных организаций и уполномоченных органов федеральной власти, но и иных органов публичной власти, в том числе и органов местного самоуправления.

Предметом рассмотрения в данной статье является одна из распространенных форм взаимодействия публичной власти и общества: совещательные и координационные органы в сфере охраны труда, действующие на уровне муниципальных образований. Прежде чем перейти к анализу собственно данных органов, представляется необходимым привести ряд важных терминов и их значений.

Во-первых, необходимо уяснить, что такое «охрана труда». Трудовой кодекс РФ в статье 209 дает такое определение охране труда. Это «система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилита-

ционные и иные мероприятия» [2]. Еще одно определение дает ГОСТ 12.0.002-2014 ССБТ : это «вид деятельности, неотъемлемый элемент трудовой и производственной деятельности, направленный на сохранение трудоспособности наемного работника и иных приравненных к ним лиц; и представляющий из себя систему правовых, социально-экономических, организационно-технических, санитарно-гигиенических, лечебно-профилактических, реабилитационных и иных мероприятий» [3].

Во-вторых, следует определить, что такое система управления охраной труда. Система управления охраной труда, согласно статье 209 ТК РФ, – это комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов, устанавливающих политику и цели в области охраны труда у конкретного работодателя и процедуры по достижению этих целей [4].

Наконец, нужно дать определение координационным и совещательным органам. По нашему мнению, это действующие на основе нормативно-правовых актов разного уровня коллегиальные органы, созданные на разных уровнях публичной власти, имеющие главными функциями обсуждение проектов каких-либо решений или координацию деятельности органов власти и общественных структур для решения группы сходных задач. Особенностью таких органов является то, что они не обладают, как правило, собственными полномочиями государственных или муниципальных органов, а существуют при них, для осуществления «обратной связи» с общественными структурами и группами, а также для координации деятельности ряда структур в определенных сферах. Основной формой деятельности таких органов является проведение более или менее регулярных заседаний; а итогом деятельности – выработанные проекты или предложения, адресованные органам власти или должностным лицам.

Обратимся к совещательным и координационным органам в сфере охраны труда в муниципальных образованиях. Статус данных органов обычно закреплен в соответствующих положениях об их деятельности. Такие нормативно-правовые акты издаются главами администраций (или администрациями) муниципальных образований. Например, в Приморском муниципальном районе Архангельской области положение о координационном совете по охране труда утверждено постановлением администрации района [5]. Структура таких положений в целом довольно стереотипна: в нее входят общие положения о совете, функции и задачи, порядок формирования совета, организация деятельности, права, а также иные вопросы. В разделе об общих положениях иногда указывается, что совет создан в порядке, предусмотренном региональным законом о передаче отдельных государственных полномочий на муниципальный уровень (например, в городе Северодвинске) [6]. Наименование таких органов в большинстве случаев – Координационный совет; но возможны и иные названия, например городская межведомственная комиссия по охране труда. Координационные советы создаются и действуют, прежде всего, в таких типах муниципалитетов, как городские округа и муниципальные районы.

Состав советов по охране труда обычно немногочислен, и их структура проста. Председателем совета, как правило, является один из заместителей главы местной администрации. Возможна должность заместителя председателя совета – ее занимает какой-либо муниципальный служащий достаточно высокого уровня; наконец, в советах обязательно предусматривается должность секретаря – ее замещает сотрудник местной администрации. Состав советов по охране труда отражает целевое назначение этих органов. В него входят руководители муниципальных предприятий или учреждений; сотрудники муниципальной администрации; руководители профсоюзных организаций, руководители организаций иной формы собственности либо специалисты по охране труда; наконец, представители государственных органов обеспечения занятости, надзора и прокуратуры. Такой состав советов, с одной стороны, обеспечивает достаточно широкое представительство различных государственных, муниципальных и общественных структур и групп; но с другой стороны, делает довольно затруднительным регулярное и полномасштабное проведение заседаний советов.

С составом советов тесно связан вопрос о порядке их формирования. Члены совета, представляющие муниципальные органы, назначаются в него решением главы администрации. Прочие члены советов, представляющие государственные и общественные структуры, занимают место в совете по согласованию.

Исходя из понимания координационных советов как органов коллегиальных, муниципальные нормативные акты, регламентирующие их деятельность, указывают, что решения совета принимаются большинством голосов. В случае равенства голосов решающим является голос председателя совета.

Наиболее важную часть нормативно-правового регулирования деятельности таких органов представляют собой формулировки их задач и функций. Приведем пример из положения о

координационном совете по охране труда Касторенского района Курской области: «Основными задачами Координационного совета являются анализ и прогнозирование состояния и условий труда в районе, в отдельной отрасли, на предприятии; проведение совместных консультаций в целях выработки согласованных решений и предложений по актуальным межотраслевым и районным проблемам охраны труда» [7]. Здесь необходимо отметить, что такие виды деятельности, как «анализ и прогнозирование», возможно реализовать только постоянно, а не эпизодически действующими структурами, поэтому данная формулировка не может быть признана вполне уместной. Более удачны формулировки из положения о координационном совете по охране труда Приморского района Архангельской области: это «разработка предложений», «рассмотрение проектов», «обеспечение взаимодействия структурных подразделений администрации», «оказание содействия работодателям», «организация работы по оказанию консультативной и методической помощи» [8]. В Положении о координационном совете по охране труда в г. Казани используются формулировки: «подготовка рекомендаций», «содействие проведению смотров-конкурсов по охране труда», «содействие осуществлению контроля за выполнением работодателями требований охраны труда» [9]. В целом, нужно признать, что, исходя из обычного наименования этих органов «координационными советами», оптимальными формулировками их функций были бы «координация деятельности», «выработка предложений и проектов решений и нормативных актов», «обсуждение положения в сфере охраны труда, производственного травматизма и профессиональных заболеваний и формирование муниципальной политики в этой области».

Полномочия или права таких советов обычно сводятся к праву запрашивать у различных структур информацию; заслушивать сообщения представителей государственной власти, общественных организаций, предприятий и учреждений и вырабатывать предложения по их деятельности в сфере охраны труда. Деятельность координационных советов осуществляется в соответствии с планами. Такие планы могут иметь, как правило, годовой, полугодовой или квартальный срок выполнения с указанием тематики заседаний и конкретных исполнителей, которые должны подготовить материалы для заседания. (Например, план на 2017 г. координационного совета по охране труда города Краснодара) [10].

Главной проблемой в создании и деятельности таких органов, по нашему мнению, является неопределенность их статуса. Это обусловлено тем, что в законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в списках вопросов местного значения нет упоминания о деятельности муниципальных органов в сфере охраны труда. Трудовой кодекс РФ указывает, что «основными направлениями государственной политики в области охраны труда являются: <...> содействие общественному контролю за соблюдением прав и законных интересов работников в области охраны труда; <...> координация деятельности в области охраны труда, охраны окружающей среды и других видов экономической и социальной деятельности» без особого упоминания органов местного самоуправления и их полномочий [11]. В статье 210 Трудовой кодекс РФ декларирует, что «реализация основных направлений государственной политики в области охраны труда обеспечивается согласованными действиями органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, работодателей, объединений работодателей, а также профессиональных союзов, их объединений и иных уполномоченных работниками представительных органов по вопросам охраны труда» [12]. В связи с этим возрастает роль регионального нормативно-правового регулирования данных полномочий органов местного самоуправления; поскольку субъекты федерации могут делегировать муниципальным органам определенные полномочия и в сфере охраны труда. С неопределенностью статуса связана и проблема взаимодействия этих координационных советов с подразделениями федеральных органов власти и региональными структурами. Наконец, эта же проблема не может не существовать при взаимодействии советов с негосударственными и немунципальными хозяйствующими субъектами – работодателями. Притом что решения советов имеют преимущественно рекомендательный характер, даже и решения органов местного самоуправления не могут быть достаточно авторитетны для некоторых хозяйствующих субъектов.

Для решения этих проблем представляется полезным рассмотреть вопрос о включении в статьи 15, 16, или, по крайней мере, в статьи 15.1 и 16.1 Закона № 131-ФЗ следующей формулировки вопроса местного значения для муниципальных районов и городских округов: «участие в деятельности по охране труда, профилактике производственных заболеваний и травматизма на предприятиях, учреждениях и организациях, находящихся на территории муниципального образования». Использование в формулировке ключевого слова «участие» подразумевает, что органы местного самоуправления будут не главными или единственными субъектами такой деятельно-

сти, но ее необходимыми участниками, представляющими интересы всего населения муниципалитета. (Можно сравнить с формулировкой «участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций».) Далее, в статью 17 закона № 131-ФЗ можно ввести еще одну формулировку полномочий местных органов, а именно: «создание и организация деятельности координационных, совещательных и консультативных органов при органах и должностных лицах муниципальных образований». Заметим, что такая формулировка полномочий создаст более прочную правовую основу для деятельности всевозможных совещательных и координационных органов, которые существуют не только в сфере охраны труда, но и во многих других сферах муниципального управления.

Кроме того, направлением совершенствования деятельности упомянутых советов было бы уточнение формулировок их задач, функций и полномочий. Более грамотные, с юридической и управленческой точек зрения, формулировки позволят советам заниматься своей деятельностью более продуктивно, с основным упором на координацию усилий всех субъектов в сфере охраны труда и без вмешательства в компетенцию государственных или профсоюзных структур.

Наконец, направлением оптимизации деятельности координационных советов по охране труда может стать более активное привлечение к их деятельности представителей экспертно-аналитического и научного сообщества, работников образовательных организаций, чей потенциал может быть использован при обсуждении и разработке решений в данной сфере. Определенную пользу может принести и взаимодействие с различными общественными объединениями, при наличии желания с их стороны и со стороны муниципальной власти. Для этого следует также более активно информировать население муниципальных образований о деятельности координационных советов.

Таким образом, решение проблем статуса и функций координационных и совещательных органов в сфере охраны труда на муниципальном уровне требует серьезного внимания как со стороны законодателей федерального и регионального уровней, так и со стороны исследователей системы государственного и муниципального управления.

Примечания и список литературы

1. https://www.rostrud.ru/press_center/novosti/398579/?sphrase_id=1670694;
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/working_conditions/
(дата обращения: 08.07.2017).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/78f36e7afa535cf23e1e865a0f38cd3d230eef0/ (дата обращения 08.07.2017).
3. ГОСТ 12.0.002-2014 ССБТ Термины и определения. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200125989/>
(дата обращения 08.07.2017).
4. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/78f36e7afa535cf23e1e865a0f38cd3d230eef0/ (дата обращения 08.07.2017).
5. Положение о координационном совете по охране труда при администрации муниципального образования «Приморский муниципальный район» (Утверждено Постановлением администрации от 17.03.2008 г.). URL: http://www.primadm.ru/economy/labour_protection.php/ (дата обращения 08.07.2017).
6. Постановление «О координационном совете по охране труда» администрации г. Северодвинска от 08.06.2015 г. № 291-па. URL: <http://www.severodvinsk.info/?idmenu=352/> (дата обращения 08.07.2017).
7. Постановление главы администрации «О координационном совете по охране труда» от 09.03.2010 г. № 110. URL: http://kastor.rkursk.ru/index.php?mun_obr=129&sub_menus_id=21605&num_str=1&id_mat=5161/ (дата обращения 08.07.2017).
8. Положение о координационном совете по охране труда при администрации муниципального образования «Приморский муниципальный район» (Утверждено Постановлением администрации от 17.03.2008 г.). URL: http://www.primadm.ru/economy/labour_protection.php/ (дата обращения 08.07.2017).
9. Постановление администрации г. Казани «О мерах по улучшению условий и охраны труда в г. Казани» от 25.01.2013 г. № 824. URL: <http://old.kzn.ru/page20269.htm/> (дата обращения 08.07.2017).
10. План работы Координационного совета по охране труда г. Краснодара (Утвержден решением Координационного совета по охране труда муниципального образования г. Краснодар от 30.11.2016 г.). URL: <http://krd.ru/upravlenie-po-sotsialnym-voprosam/otdel-truda-zanyatosti/komissii-k-s/ohrana-truda/plan-raboty-koordinatsionnogo-soveta-po-okhrane-truda-2016/> (дата обращения: 08.07.2017).
11. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/78f36e7afa535cf23e1e865a0f38cd3d230eef0/ (дата обращения: 08.07.2017).
12. Там же.

Notes and References

1. https://www.rostrud.ru/press_center/novosti/398579/?sphrase_id=1670694;
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/working_conditions/
(accessed: 08.07.2017).
2. The labour code of the Russian Federation. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/78f36e7afa535cf23e1e865a0f38cd3d230eecf0/ (accessed 08.07.2017). (in Russ.)
3. GOST 12.0.002-2014 Occupational safety. Terms and definitions. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/1200125989/> (accessed 08.07.2017). (in Russ.)
4. The labour code of the Russian Federation. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/78f36e7afa535cf23e1e865a0f38cd3d230eecf0/ (accessed 08.07.2017). (in Russ.)
5. The regulation on the coordination council on labour protection under the administration of the municipality "Seaside municipal district" (Approved by the Resolution of administration from 17/03/2008). Available at: http://www.primadm.ru/economy/labour_protection.php/ (accessed 08.07.2017). (in Russ.)
6. The decree "On the coordination council on labour protection" of the administration of Severodvinsk from 08.06.2015, No. 291-па. Available at: <http://www.severodvinsk.info/?idmenu=352/> (accessed 08.07.2017). (in Russ.)
7. Decree of head of administration "On the coordination council on labour protection" dated 09.03.2010, № 110. Available at: http://kator.rkursk.ru/index.php?mun_obr=129&sub_menus_id=21605&num_str=1&id_mat=5161/ (accessed 08.07.2017). (in Russ.)
8. The regulation on the coordination council on labour protection under the administration of the municipality "Seaside municipal district" (Approved by the Resolution of administration from 17/03/2008). Available at: http://www.primadm.ru/economy/labour_protection.php/ (accessed 08.07.2017). (in Russ.)
9. Resolution of the Kazan administration "About measures on improvement of conditions and labour protection in the city of Kazan" from 25.01.2013, No. 824. Available at: <http://old.kzn.ru/page20269.htm/> (accessed 08.07.2017). (in Russ.)
10. The plan of work of coordination council on labour protection, Krasnodar (Approved by the decision of Coordination council on labour protection of the municipal formation Krasnodar from 30.11.2016 g). Available at: <http://krd.ru/upravlenie-po-sotsialnym-voprosam/otdel-truda-zanyatosti/komissii-k-s/ohrana-truda/plan-raboty-koordinatsionnogo-soveta-po-okhrane-truda-2016/> (accessed: 08.07.2017). (in Russ.)
11. The labour code of the Russian Federation. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/78f36e7afa535cf23e1e865a0f38cd3d230eecf0/ (accessed: 08.07.2017). (in Russ.)
12. Ibid.

УДК: 94 (470.41)

Татарская периодическая печать времен Первой мировой войны

Гилязов З. З.,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник центра изучения татарской диаспоры, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. 420015, г. Казань, ул. Пушкина, 56. E-mail: info-ite@mail.ru

Айнутдинов Р. А.

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник центра регионоведения и социокультурных исследований, Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан. 420015, г. Казань, ул. Пушкина, 56. E-mail: info-ite@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается история развития татарской прессы времен Первой мировой войны. Кратко охарактеризовано тематическое изменение, вызванное началом боевых действий, приведены оценки председателя Казанского временного комитета по делам печати М. Н. Пинегина, связанные с татарской периодической печатью, отношение к войне татарских авторов, в частности издателя и редактора газеты «Сюз» Г. Исхаки. Представлены сведения, собранные в 1916 г. Казанским временным комитетом по делам печати по требованию Главного управления по делам печати, касающиеся татарских газет и журналов. Выявлены процессы сокращения и ухудшения качества печатной продукции, вызванные сокращением производства, увеличением потребления бумаги, спекуляцией, нехваткой и удорожанием рабочей силы. Определены наиболее значимые события рассматриваемого периода, связанные с татарской периодикой.

Ключевые слова: татарские газеты, татарские журналы, Казанский комитет по делам печати, М. Н. Пинегин, Главное управление по делам печати.

Tatar periodical press of the times of the First World War

Gilazev Z. Z.,

candidate of philology, senior researcher, Center for the Study of Tatar Diaspora Institute of Tatar encyclopedia and Area. 56 Pushkina str., 420015, Kazan. E-mail: info-ite@mail.ru

Ainutdinov R. A.,

candidate of historical sciences, leading researcher, Center of Regional and Socio-Cultural Research Institute of Tatar encyclopedia and Area. 56 Pushkina str., 420015, Kazan. E-mail: info-ite@mail.ru

Abstract: The article discusses the history of Tatar press during the First world war. Summarized thematic change caused by the outbreak of hostilities, the estimates of the Chairman of the Kazan temporary Committee of print M. N. Pinegina, related with Tatar periodicals, related to the war of the Tatar authors, in particular, the publisher and editor of the newspaper "Suze" G. ishaki. Provides information collected in 1916 the Kazan temporary Committee of print requirements of the Main Department for Affairs of the press, concerning the Tatar Newspapers and magazines. Identified the processes of reduction and deterioration of print quality caused by a reduction in production, increased consumption, speculation, shortages and the appreciation of workers. The most significant events of the reporting period associated with the Tatar periodicals.

Keywords: Tatar Newspapers, Tatar magazines, Kazan Committee for the press, M. N. Pinegin, the General Directorate for Affairs of the press.

Война, начавшаяся в 1914 г., внесла большие коррективы в судьбу татарской печати. Тема Первой мировой войны заняла существенное место на страницах периодических изданий. Из-за незнания татарского языка тематика и направления татарской прессы были недоступны для большинства контролирующих органов государственной власти. Поэтому с самого начала боевых действий Главное управление по делам печати (ГУП), казанский губернатор, военно-цензурная комиссия и другие обращались в Казанский временный комитет по делам печати (ККП) для разъяснений.

После объявления войны Османской империи власти стали больше интересоваться освещением этих событий на страницах татарских газет и журналов. Например, в ответ на секретное обращение казанского губернатора руководитель ККП М. Н. Пинегин писал следующее: «...общий тон казанской татарской печати вполне патриотичен, не только при начале войны с Германией и Австрией, но и при открытии военных действий со стороны Турции» [1]. Кроме того, цензор указывает, что благо-

даря принятым мерам другого мнения на страницах татарской печати не может существовать. Единственным известным нам исключением была газета «Сюз» («Сүз» – «Слово», от 18 июля 1916 г.), напечатавшая на своих страницах статью татарского писателя и публициста Г. Исхаки под названием «Праздник большой Байрам». В ней автор «упрекает мусульман за то, что они будто бы сражаются в великой войне не за свои интересы, не за улучшение и укрепление своего положения, а за пополнение жизненных целей и идеалов посторонних им людей» [2]. Г. Исхаки считал неправильным участие татар в войне с единоверцами, указывая на то, что за время боевых действий мусульманский мир только разрушался, а не развивался, кроме того, после войны мусульмане не получают ничего, кроме потерь. Цензор указывал на необходимость «скорее пресечь его публицистическую деятельность в этом направлении» [3]. Вскоре после этой публикации газета была закрыта.

Во многом благодаря государственным органам управления и контроля тема войны, занявшая ощутимое место на страницах татарской печати, стала освещаться «политкорректно». Введенным 20 июля 1914 г. Временным положением о военной цензуре были определены границы дозволенной информации [4], дополнительные рекомендации добавляли конкретности, в частности указывалось, «что недостатки оружия и боевых припасов противника должны составлять особый секрет» [5]. В целом, председатель ККП считал, что «...татары не обладают ясным представлением о причинах и целях настоящей войны; она для них малопонятна и потому тягостна усиленным призывам для пополнения армии и по затруднениям в промышленной жизни» [6].

С момента разрешения татарам печатать периодические издания последние внимательно проверялись заинтересованными лицами, что сказывалось на содержании текстов. К началу Первой мировой войны уже была выработана система контроля, хотя законодательно предварительная цензура была отменена еще в 1905 г. Поэтому тема войны на страницах татарской печати в подавляющем большинстве случаев находилась в рамках, определенных контролирующими органами, а не отражала весь спектр взглядов татарского общества.

Война приводит к мобилизации всех ресурсов страны. Первая мировая война не была исключением, одним из основных ресурсов являлся людской. После объявления Николаем II мобилизации татарские редакторы и издатели обратились в ККП с просьбой выдачи удостоверения о том, что издание является органом, служащим государственной обороне для предоставления отсрочек военнообязанным. С этого начинается борьба за сохранение татарской печати от негативных факторов мировой войны. К 1916 г. положение осложняется настолько, что начальник ГУП В. А. Удинцев направил во все комитеты и инспекторам по делам печати циркуляр с распоряжением дать оценку влияния войны на печать и сообщить: «1) количество выходящих в свет изданий повременных и неповременных; 2) внешний вид: а) повременных изд. (качество бумаги, формат и проч.), б) неповременных (объем, качество бумаги, обложки, иллюстрации и т. п.); 3) направление повременных изданий; 4) характер выходящих в свет неповременных изданий (увеличилось ли или уменьшилось количество беллетристических, научных и т. п. произведений печати); 5) расценки выпускаемых в свет произведений повременной и неповременной печати; 6) состояние книжного и бумажного рынка и т. п.» [7]. В свою очередь председатель ККП М. Н. Пинегин направил свой запрос в редакции и типографии, пропустив 3-й пункт циркуляра ГУП [8]. Собранные материалы можно свести к следующей таблице:

Название издания	1915 г.		1916 г.	
	Тираж	Периодичность	Тираж	Периодичность
«Ак юл» («Светлый путь»)	1000-1500	2 раза в месяц	1400	в январе 2 номера – и больше не было
«Анг» («Сознание»)	1000-1200	до 4 раз в месяц	1000-1200	по 2 раза и 1 разу в месяц
«ад-Дин ва аль-адаб» («Религия и нравственность»)	600-700	2 раза в месяц, иногда и 3 раза	700-800	с апреля 1916 г. выходит по 1 разу в месяц
«Кояш» («Солнце»)	3000-3600	ежедневно	3600-3000	с апреля 1916 г. 4 раза в неделю
«Русия сәүдәсе» («Русия сәүдәсе» – «Российская торговля»)	960-2100	ежемесячно	2000-1510	последний номер в марте
«Сююмбике» («Сөембикэ»)	960-1000	2 раза в месяц	1000-1400	2 раза в месяц
«Юлдуз» («Йолдыз» – «Звезда»)	4700-4300	5 раз в неделю	4300-4700	с февраля 1916 г. 3 раза в неделю
«Ялт-йолт» («Сверкание»)	1200-800	2 раза в месяц	800-650	2 раза в месяц
«Баянелъхак» («Глошатый истины»), «Мектеб» («Школа») и «Хокук ва хаят» («Хокук вә хәят» – «Право и жизнь») прекратили выход в 1914 г.				

Информация, полученная от издателей и типографий, была проанализирована. В подготовленном ответе от 7 сентября 1916 г. за № 1342/141 указывалось, что «перестали выходить “Ак юл” (с января 1916 г.), “Русия сәудәсы” (с марта 1916 г.), “Мектеб”, “Хукук ва хаят”, “Баянүльхак” (с 1914 г.). Некоторые из существующих повременных изданий уменьшили количество выпускаемых номеров. Так, татарские газеты “Кояш” и “Юлдуз”, выходявшие прежде одна – пять, а другая – шесть раз в неделю, теперь стали выходить поочередно – один день одна, а другой – другая, и только по пятницам выходят номера, журнал “ад-Дин ва аль-адаб”, выходявший прежде два и три раза, теперь выходит один раз в месяц, “Анг” прежде выходил четыре раза в месяц, а теперь один раз в месяц» [9].

Справедливости ради следует указать, что данные ККП неполные, кроме вышеуказанных газет и журналов в 1914 г. закрылась первая татарская газета «Нур» («Луч»), журнал «Мугаллим» («Мөгаллим» – «Учитель»), в 1915 г. – газеты «Миллят» («Нация») и «Халык» («Народ»). Некоторые газеты были вынуждены уменьшить формат, повысить цену подписки или стать непостоянными, а также использовать дешевую бумагу, в частности газета «Кояш» начала издаваться на оберточной бумаге. Основной причиной вышеперечисленных изменений являлось повышение цены на бумагу, начавшееся летом 1915 г. Это было вызвано сокращением производства, увеличением потребления, спекуляцией, нехваткой и удорожанием рабочих рук.

Сложная ситуация с татарской периодической печатью приводит к тому, что Отдел иностранной и инородческой печати ГУП был вынужден обратиться в ККП (письма от 21 июня 1916 г. № 180, 30 апреля 1916 г. № 116 [10]) с просьбой немедленной отправки изданий в Отдел для подготовки ежедневных обзоров для министра внутренних дел. КВК сообщало, что все печатные издания в тот же день отправляются в ГУП одновременно и в особых пакетах в отдел инородческой печати, о чем каждый раз и сообщается в препроводительном представлении. «Если некоторые журналы или газеты на татарском языке неаккуратно доставляются в Отдел иностранной и инородческой печати, то это зависит уже не от Комитета, от издателей, которые по случаю дороговизны бумаги задерживают выпуск своих изданий» [11].

Война оказала существенное влияние на татарскую печать, вызвав в ней деструктивные процессы. Активное развитие татарской периодической печати было прервано, во время Первой мировой войны она начала деградировать. В этой достаточно мрачной картине несколько изданий выделяются из общей картины периодики на татарском языке. В феврале 1915 г. появляется первая военная газета на татарском языке на кириллице «Сугыш хабарляре» («Сугыш хәбәрләре» – «Военные известия»), созданная по распоряжению губернатора Вятской губернии А. Г. Чернявского с целью ознакомления крещеных татар с ходом военных действий и пропаганды миссионерских идей [12]. Также для кряшен в 1916 г. открывается газета «Дус» («Друг») – орган Восточно-русского миссионерского общества. Подобные издания были несвойственны для татарской печати того периода, издававшейся в абсолютном большинстве на арабской графике и имевшей мусульманскую направленность.

Таким образом, тема войны заняла существенное место на страницах периодических изданий, но была заметно ограничена. Вследствие внешнеполитических, экономических и других факторов произошло сокращение издаваемой печатной продукции в 1914–1916 гг., гонения со стороны властей легли серьезным бременем на плечи издателей и редакторов. С появлением возможности открытия новых периодических изданий в результате революционных изменений 1917 г. татарские издатели открыли десятки новых газет и журналов, значительно расширив географию издания татарской периодики. Кроме традиционных центров татарской периодической печати, таких как Казань, Оренбург, Уфа, Астрахань, Санкт-Петербург и Москва, появились новые издания в Симбирске, Саратове, Верном (Алма-Ата), Ташкенте, Семипалатинске, Троицке, Томске и др.

Примечания и список литературы

1. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). Ф. 420. Оп. 1. Д. 258 л. 60б.
2. Там же. Д. 297. Л. 15.
3. Там же. Д. 297. Л. 17.
4. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 196.
5. НАРТ Ф. 420. Оп. 1. Д. 251. Л. 15об.
6. Там же. Д. 297. Л. 12.
7. Там же. Л. 25.
8. Там же. ЛЛ. 18–19.
9. Там же. Л. 54об.
10. Там же. Л. 17.
11. Там же. Л. 20.
12. Насыров Т. М. Беренче татар газетасы // Гасырлар авазы=Эхо веков. 2009. № 1. С. 234–237.

Notes and References

1. The national archives of the Republic of Tatarstan (hereinafter – NART). F. 420. On. 1. 258 D. L. 6 turn.
2. Ibid. D. 297. L. 15.
3. Ibid. D. 297. L. 17.
4. Zhirkov G. V. the History of censorship in Russia XIX–XX centuries, Moscow, 2001. P. 196.
5. NART, F. 420. On. 1. D. 251. L. 15 turn.
6. Ibid. D. 297. L. 12.
7. Ibid. L. 25.
8. Ibid. LL. 18–19.
9. Ibid. L. 54 turn.
10. Ibid. L. 17.
11. Ibid. L. 20.
12. Nasyrov T. M., the First Tatar newspaper // centuries Avaza=the Echo of centuries. 2009. No. 1. P. 234–237.

Административная ссылка жителей Кавказа в Вятскую губернию во второй половине XIX – начале XX в. как вид принудительной миграции*

Касаткина Е. Б.,

аспирант кафедры отечественной истории, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров,
ул. Московская, 36. E-mail: rosabianca@lenta.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются основные этапы административной высылки жителей Кавказа в Вятскую губернию во второй половине XIX – начале XX в. Автор выделяет три периода применения к горцам данной меры наказания: 1860-е гг., период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и период Думской монархии. Автор проанализирована общественно-политическая ситуация на Кавказе и тесно связанные с ней причины удаления горцев из данного региона на каждом из трёх обозначенных этапов. Кроме того, исследуется этноконфессиональный состав ссыльных с Кавказа и, в связи с этим, предпринимается попытка проследить тенденцию их размещения по уездам Вятской губернии. Наконец, выявлен примерный количественный состав горцев в месте водворения на протяжении исследуемых периодов.

Ключевые слова: административная ссылка, миграция, горцы, Кавказ, Вятская губерния.

Administrative exile of the Caucasus natives to the Vyatka province in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century as a type of forced migration

Kasatkina E. B.,

post-graduate student of the Department of Russian history, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str.,
610000, Kirov. E-mail: rosabianca@lenta.ru

Abstract: This article considers the main stages of administrative exile of the Caucasus natives to the Vyatka province in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century. The author identifies three periods of application to the mountaineers of this punishment: the 1860s, the Russo-Turkish war of 1877–1878 and the period of the Duma monarchy. The author analyzes the socio-political situation in the Caucasus and closely related reasons for the removal of the mountaineers from the region in each of the three designated periods. In addition, the author investigates the ethno-religious composition of the exiles from the Caucasus, and in this connection, attempts to follow the trend of their placement in the districts of the Vyatka province. Finally, the approximate number of the mountaineers was identified in the place of settlement during the studied periods.

Keywords: administrative exile, migration, mountaineers, the Caucasus, the Vyatka province.

В Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. применялись различные виды наказания. Одним из них являлась административная ссылка, которая широко использовалась с целью поддержания социальной стабильности, в том числе на Кавказе. Калужский исследователь В. М. Красин справедливо подчёркивает, что именно социальная стабильность во многом определяла эффективность административных, судебно-правовых, экономических, культурных реформ, проводимых с целью интеграции национальной окраины в общеимперскую систему, а также сохранения присоединённых территорий в составе государства [1]. Кроме того, вполне можно согласиться с Д. А. Калининой, отмечавшей, что активное использование ссылки в качестве меры наказания объяснялось её высокой эффективностью (с точки зрения властей): человек, подвергшийся высылке, в течение нескольких лет находился под жёстким полицейским надзором и был вынужден адаптироваться к новым, зачастую чрезвычайно суровым условиям. В таких условиях ссыльный думал, в первую очередь, о пропитании, квартире и трудоустройстве, а не о распространении революционных идей [2]. Более того, помимо перечисленных выше трудностей жители Кавказа оказывались в совершенно другой культурно-языковой среде, что осложняло

* Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (№ проекта МК-6607.2016.6).

© Касаткина Е. Б., 2017

отбывание ссылки. Для многих горцев ссылка стала тяжелейшим испытанием в связи с тоской по исторической родине.

Вместе с тем в правовом отношении это была относительно лёгкая форма наказания. Ссылные с Кавказа, как и другие поднадзорные, могли устраиваться на работу, имели возможность в случае разрешения начальства отлучаться из места водворения на некоторое время и даже просить изменить место ссылки ввиду определённых причин. Кроме того, они не привлекались к принудительному труду и не подвергались телесным наказаниям [3].

В истории административной ссылки горцев в Вятскую губернию во второй половине XIX – начале XX в. можно условно выделить три основных этапа. Первый связан с окончанием Кавказской войны 1817–1864 гг. и последующим десятилетием после её завершения, когда российская администрация укрепляла своё влияние на Кавказе. Что касается второго этапа, то он относится к событиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая сопровождалась обострением отношений между имперской властью и мусульманским населением Российской империи, особенно на Кавказе. Сотрудничество с турецкой агентурой, укрывательство абреков, участие в мощном антироссийском восстании в Чечне и Дагестане (отдельные вспышки наблюдались и в Закавказье), дезертирство из воинских частей – всё это служило причинами высылки горцев в губернии Волго-Уральского региона и Сибири. Третий этап высылки уроженцев Кавказа связан с поражением Первой русской революции 1905–1907 гг. и активной высылкой её участников, а также лиц, нарушавших, по мнению властей, общественное спокойствие.

Итак, применение административной ссылки по отношению к горцам стало распространённым явлением после окончания Кавказской войны 1817–1864 гг. В 60-х гг. XIX в. на территории Кавказа действовали военные уголовные законы, которые могли применяться за антиправительственные действия, явное неповиновение начальству, а также разбой, хищение государственного имущества, умышленное убийство или ранение с увечьем [4]. Высылка с Кавказа являлась одним из видов наказания и применялась главнокомандующим Кавказским корпусом по представлению начальника области на основании «Свода военных постановлений». 8 марта 1868 г. кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич сделал распоряжение, согласно которому при назначении жителям Кавказа видов и сроков ссылки следовало обращаться к «Уложению о наказаниях», что фактически означало прекращение действия указанного выше свода [5]. При этом административная ссылка применялась к признанным виновными в таких преступлениях, за которые по «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» полагались каторжные работы или ссылка на поселение. Вместо каторжных работ осуждённые отправлялись в пожизненную ссылку в Сибирь, а ссылка на поселение заменялась водворением во внутренние губернии России на определённый срок [6]. Для размещения ссылных горцев использовалась и Вятская губерния, которая являлась местом ссылки, начиная с 1830-х гг. вплоть до 1917 г. [7]

60-е гг. XIX в. можно считать первой волной миграции горцев в Вятскую губернию. В ведомости на лиц, состоящих в крае под надзором полиции, в 1864 г. насчитывается 46 человек, из них 14 – кавказские ссылные [8]. Мотивами ссылки являлись контакты с непокорными горцами, имущественные преступления, убийства, нападение на квартиру действительного тайного советника, подозрение в организации преступной группы и пр. Стоит отметить, что большинство из них было размещено в губернском центре. Один из ссылных – Кариб Ага-Гаджи-Ага-Бек-оглы после окончания срока ссылки изъявил желание навсегда остаться в г. Вятке [9]. За совершение «разных предосудительных дел» по приговору сельского общества в марте 1869 г. в Вятскую губернию были высланы жители с. Бум Нухинского уезда Елизаветпольской губернии: Шамхал-Бек-Рустам-Бек-оглы, Рагим-Бек-Масум-Бек-оглы и Сулейман-Бек-Абдурахман-Бек-оглы [10]. Двое последних находились в Вятской губернии 10 лет.

Чуть ранее в 1866 г. была произведена единственная за весь рассматриваемый хронологический период групповая высылка в Вятскую губернию с территории Кавказа. Ей подверглись жители с. Шияги Кайтаго-Табасаранского округа Дагестанской области, участвовавшие в восстании за независимость 1866 г. Их селение было разрушено, а 38 семейств (более ста человек) были водворены в сёла и деревни Глазовского уезда Вятской губернии [11]. Позже горцы были переведены в Самарскую, а затем в Херсонскую губернию.

Следующая волна принудительной миграции горцев с территории Кавказа в Вятскую губернию была связана с событиями русско-турецкой войны 1877–1878 гг., а также крупнейшим антиправительственным восстанием в Дагестане и Чечне 1877 г. Авторы книги «Северный Кавказ в составе Российской империи» отмечают, что за участие в восстании уже летом 1877 г. через г. Астрахань было выслано около 700 мужчин, женщин и детей из селений Северо-Западного Дагестана. В конце 1877 г. и в начале 1878 г. сухопутным путем в Центральную Россию проследова-

ло 756 семей и 514 ссыльных из Гунибского, Даргинского и других округов Дагестана. Весной и летом 1878 г. во внутренние губернии России были высланы 660 семей жителей Терской области и около 300 горцев без семей [12]. Что касается Вятской губернии, то, по подсчётам П. Н. Луппова, в 1878–1879 гг. в Вятку было выслано 42 жителя Терской области [13].

Восстание распространилось не только на территорию Северного Кавказа, но и затронуло Закавказье. Так, в августе 1878 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев информировал вятского губернатора Н. А. Тройницкого о высылке в наш край 19 уроженцев Закатальского округа, принимавших участие в мятеже 1877 г. [14] Срок ссылки варьировался от шести до восьми лет. Пятеро были оставлены на родине, а один умер в закатальском батальонном лазарете. Таким образом, до Вятки добрались 13 горцев.

Помимо участников восстания за независимость, горцы высылались в Вятскую губернию и по другим причинам. Например, в августе 1878 г. 53 всадника Чеченского конно-иррегулярного полка, находящегося в составе Кавказского корпуса на российско-турецкой границе, совершили побег из своей части. Вскоре их задержали местные правоохранительные органы. По решению руководства МВД 35 дезертиров, совершивших побег под давлением старших сослуживцев, были возвращены на родину – в Терскую область. Оставшиеся 18 человек, признанные организаторами побега, подлежали административной высылке в Вятскую губернию, куда прибыли в начале 1879 г. [15] За контакты с турецкими эмиссарами, а также распространение провокационных антирусских слухов в Вятскую губернию были высланы уроженцы Закатальского округа: Джар Молла-Магомед-Эфенди-Доуд-оглы, Шабан Сулейман-оглы, Ибрагим-Сулейман-оглы, Геров Осман-оглы, Вача-Али-оглы, Шабан Ибрагим-оглы и Магомед Халиль-оглы [16].

Административная высылка применялась в этот период и по отношению к горцам, совершившим разбои и убийства из кровной мести, которые являлись составной частью абречества. Кровная месть могла применяться по отношению к обидчику в случае оскорбления женщины, захвата земли, ранения или убийства [17]. В. М. Красин в своём диссертационном исследовании, ссылаясь на Х. Г. Магомедсалихова и А. Ш. Абдурахманова, указывает, что во избежание осуществления обидчиком ответных действий принимались определённые меры. Например, для предотвращения возможного кровопролития «удалялись куда-либо ближайшие родственники убийцы, организовывалась охрана его дома, назначались люди для негласного наблюдения за поведением ближайших родственников убитого и т. д.» [18]. Применялась в таком случае и административная высылка с территории Кавказа. Так, прибывший в Вятку в 1879 г. сроком на два года Молла-Иса-Молла-Магомед-оглы был признан по решению Закатальского окружного словесного суда виновным в убийстве из кровной мести своего односельчанина [19]. По решению Даргинского окружного словесного суда в 1878 г. черкес Магомад-Субай-оглы был обвинён в «умышленном убийстве своего односельца в запальчивости и раздражении» [20]. Житель Темир Хан-Шурина округа черкес Ахмед Канабур-оглы обвинялся Дагестанским народным судом «в преднамеренном поранении односельцев своих» [21].

Что касается применения наказания по отношению к разбойникам, то, например, на жительство в Вятскую губернию сроком на три года были высланы уроженцы Елизаветпольской губернии Адигюзал-Мамед-оглы и Али-Джангир-оглы, обвиняемые в скотокрадстве, конокрадстве, укрывательстве преступников, а также сбыте похищенных вещей и грабежах [22].

Таким образом, Вятская губерния активно использовалась властями в качестве водворения ссыльных, в том числе горцев, со второй половины XIX в., однако после 1882 г. она перестала быть таковой. Это было связано с усилением борьбы правительства с революционным движением. Для политической ссылки были оставлены лишь четыре губернии, три из которых отличались весьма суровым климатом: Вологодская, Архангельская и Новгородская (последняя лишь в своей северной части). Кроме того, более активно политически неблагонадёжных лиц стали ссылать административным порядком в Сибирь [23].

Однако вскоре вышеуказанные районы, предназначенные для поднадзорных, стали недостаточны для растущего числа лиц, по отношению к которым власти планировали применять ссылку. В связи с этим императорским указом от 9 января 1897 г. Вятская губерния снова стала местом ссылки [24]. Так, в декабре 1897 г. на три года под гласный надзор полиции были высланы участники тайного армянского революционного движения: главные руководители агитации среди кавказских армян – Саркис Агамирзянц и Казор Казарьянц, а также основатель кружка «Армянской рабочей революционной ассоциации» Александр Хумарьянц [25]. Трое ссыльных были водворены в уездные города Вятской губернии – Орлов, Малмыж и Слободской. Ровно через три года, в декабре 1900 г., ссылка для троих армян закончилась, и вскоре они покинули пределы Вятской губернии с запретом жительства в обеих столицах и в Петербургской губернии.

Вместе с тем были случаи высылки уроженцев Кавказа и до 1897 г. Так, за руководство и участие в армянском движении в мае 1891 г. был водворён на жительство в г. Глазов уроженец города Александрополя Эриванской губернии Акоп Варт-Патриков [26]. В конце 1895 г. по решению министра внутренних дел в г. Яранске под гласный надзор полиции сроком на три года был выслан «за порочное поведение» бывший диакон Михаил Хунашвили [27].

Анализируя алфавитные списки лиц, состоящих под надзором полиции в 1900 г., 1903 г., 1904 г., можно говорить о том, что в этот временной промежуток жители Кавказа практически не подвергались административной высылке в Вятскую губернию, несмотря на начавшееся в стране революционное брожение [28]. Кроме того, именным высочайшим указом 21 октября 1905 г. все политические ссыльные, высланные на определённый срок, были освобождены от ссылки без всяких дальнейших ограничений. Однако в указе подчёркивалось, что «в отношении лиц, подвергнутых административным взысканиям в пределах Кавказского края, милости, в сем пункте указанные, применяются наместником на Кавказе по мере умиротворения сего края» [29]. Вероятно, именно поэтому к началу 1906 г. в Вятской губернии остался лишь один административно ссыльный – Машров Саян, который был удалён с территории Кавказа в 1904 г. за участие в армянском революционном движении [30].

Вместе с тем в 1906 г. Вятская губерния снова стала местом водворения ссыльных, хоть и в небольшом количестве. Так, согласно данным Государственного архива Российской Федерации, в 1906 г. на основании ст. 34 Положения об охране в Вятскую губернию было выслано 90 человек. Для сравнения, в 1907 г. по этой статье высылке в край подверглись уже 1115 человек из разных регионов Российской империи [31].

После поражения Первой русской революции 1905–1907 гг. начинается третий этап высылки горцев в Вятскую губернию. Данная репрессивная мера приняла такие размеры, которых она не имела ни в 1860-х гг., когда российское правительство жёстко подавило Январское восстание в Польше, ни в конце XIX в., когда оно начало усиленную борьбу с развитием революционного движения в фабрично-заводских центрах [32]. Резкое увеличение числа политических ссыльных в Вятской губернии объясняется крайне жёсткими репрессиями в отношении участников революционных событий 1905–1907 гг. Анализ материалов Государственного архива Кировской области показывает, что многие жители Кавказа подверглись высылке в Вятский край на основании «Положения о местностях, состоящих на военном положении», которое было впервые издано в 1892 г. По этому документу местный генерал-губернатор или Главноначальствующий согласно п. 17 ст. 19 могли высылать отдельных лиц во внутренние губернии империи для учреждения за ними полицейского надзора на всё время военного положения [33]. В 1906 г. военное положение было объявлено и сохранялось в течение нескольких лет в Кутаисской, Эриванской, Елизаветпольской, Тифлисской, Бакинской губерниях, а также в Сухумском округе, Батумской и Терской областях [34].

В меньшей степени жители Кавказа высылались в Вятскую губернию на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Вопрос о высылке того или иного лица рассматривался Особым совещанием в порядке ст. 34. Последнее состояло из пяти человек (два члена назначались от МВД и два – от министерства юстиции). Председателем совещания являлся товарищ министра внутренних дел. При этом постановления, принятые на этом Совещании, обязательно представлялись на утверждение самому главе министерства. Административная высылка могла составлять от одного года до пяти лет [35].

Если первые два этапа кавказской ссылки характеризуются водворением в Вятскую губернию преимущественно горцев-мусульман Северного Кавказа и Закавказья, то в период после подавления Первой русской революции в Вятскую губернию активно водворялись представители народов, исповедовавших, в основном, христианство (грузины, армяне). Это было связано с тем, что на Северном Кавказе в годы Первой революции общественно-политическая ситуация была немногим стабильнее, чем в Закавказье. Территории с мусульманским населением не поддержали довольно радикальные требования русских политических партий. Меньший размер революционного движения на Северном Кавказе можно объяснить комплексом причин. Главной из них было отсутствие в крае крупных промышленных центров (за исключением Грозного), соответственно, отсутствовал многочисленный рабочий класс, наиболее подверженный влиянию социалистических идей. Несмотря на то что с 1863 по 1897 г. наблюдался значительный рост городского населения на Кавказе, урбанизация происходила, главным образом, в Закавказье – Грузии и Азербайджане, где ситуация в годы Первой русской революции оказалась иной, чем на Северном Кавказе. В конце XIX в. в Дагестанской области городское население составляло всего 7,8% (44,6 тыс. чел.). В Кубань

ской области горожан было 11,5%, в Терской – 12,8%. Лишь Черноморская губерния отличалась высокой долей городского населения: 34,2%.

Таким образом, в начале XX в. население региона в подавляющем большинстве продолжало заниматься сельским хозяйством. Кроме того, росту революционного движения на Северном Кавказе препятствовали этноконфессиональные барьеры. Горцы-мусульмане и казачество лишь в небольшом количестве проживали в быстро революционизировавшихся городах. Городское население в них во многом составляли переселенцы из внутренних губерний России. Так, в 1897 г. во Владикавказском округе Терской области русские составляли более 70% горожан [36]. Тем не менее, хоть и в небольшом количестве, но жители Чечни и Дагестана подвергались данной мере наказания по политическим мотивам. Так, временный генерал-губернатор Терской области сообщал в департамент полиции 12 июня 1907 г. о высылке в Вятскую губернию на всё время военного положения некоего Майли-Хаджи Актемирова, жителя села Экажево Назрановского округа. Он писал, что «являясь лицом порочным в высшей степени, дерзким и непочтительным к законным властям, Актемиров возмущает своих односельцев против начальства и существующего в государстве общественного строя, уговаривает сельчан не платить податей и не исполнять никаких распоряжений властей. Вследствие этого со стороны некоторых жителей означенного селения были уже попытки к неповиновению сельским властям и отказу, по требованию последних, платить государственные повинности и другие казённые и общественные сборы» [37].

Что касается Азербайджана, то там в это время обстановка была более накалённая. Это было связано с тем, что Баку являлся крупным промышленным центром, в котором прочные позиции имели левые партии и движения [38]. Несмотря на большой размах революции в Азербайджане, чем в Дагестане и Чечне, мусульмане Закавказья по причине политической неблагонадёжности высылались в Вятскую губернию в масштабе, несравнимом с размахом высылки представителей христианских конфессий. Так, из 40 кавказских ссыльных, водворённых под гласный надзор полиции в Малмыжский уезд в 1907 г., только двое оказались мусульманами Закавказья: мещанин г. Тифлиса Аскар-оглы Али Машади и двадцатилетний крестьянин Казахского уезда Елизаветпольской губернии Карим-оглы Баба Киши [39].

Основная же масса ссыльных горцев-мусульман в начале XX в. высылалась в Вятскую губернию за уголовные дела. В годы Первой русской революции происходит заметная активизация абречества. Основанием высылки с территории Северного Кавказа, как и прежде, являлись кражи и грабежи, кровная месть, принадлежность к криминальным группировкам, укрывательство абреков и др. Так, временный генерал-губернатор Терской области 13 июня 1907 г. сообщал вятскому губернатору о высылке «Хусейна и Идриса Матвиевых, как неисправимо порочных лиц, занимающихся кражами» на всё время существования области на военном положении [40]. В августе этого же года из Терской же области в Уржумский уезд Вятской губернии было выслано десять человек за укрывательство абреков и пособничество при совершении краж и грабежей [41]. За подозрение в укрывательстве шайки разбойников в Вятскую губернию был выслан и уроженец Казахского уезда Елизаветпольской губернии, сторож Карсской железнодорожной линии Мадат Осман-оглы [42].

Высылка асоциальных лиц зачастую являлась для кавказской администрации единственной эффективной мерой наказания, так как горцы, совершавшие преступления, избегали суда. Так, в Вятскую губернию весной 1907 г. был выслан Эскерхан Асланбеков, совершивший массу уголовных преступлений, но не подвергшийся судебному наказанию. Например, житель Терской области участвовал в ограблении чабанов, однако, несмотря на наличие вещественных доказательств, правоохранные органы не смогли доказать его вину [43].

Несмотря на предпринятые властями меры абреческое движение продолжалось и в 1910-е гг. Так, одним из самых знаменитых абреков в Терской области был Зелимхан Гушмазукаев, державший в страхе местное население вплоть до своей гибели в 1913 г. Сам император Николай II в 1910 г. назначил вознаграждение в размере 10 тыс. руб. за поимку или ликвидацию Зелимхана [44]. Схваченных членов банды неуловимого абрека также ждала незавидная участь. Так, министр внутренних дел А. А. Макаров в январе 1912 г. постановил «выслать жителя сел. Цацан-Юрт Ягья-Пети Хаджи-Оглы, избличённого в принадлежности к разбойнической шайке Зелимхана Гушмазукаева, в Вятскую губернию под гласный надзор полиции сроком на 5 лет» [45]. Впрочем, горец не слишком долго находился в вятской ссылке: вскоре из-за болезни его перевели в Астраханскую губернию [46].

Основной поток кавказских ссыльных в Вятскую губернию в начале XX в. шёл из Грузии и Армении. Жители этих территорий массово высылались в Вятскую губернию летом–осенью 1907 г. Так, только указом 11 сентября 1907 г. согласно п. 17 ст. 19 правил о местностях, объявленных на

военном положении, из Кутаисской губернии в Вятскую было выслано 254 человека [47], за лето 1907 г. – 80 человек [48]. Основания высылки горцев-христиан Закавказья были самыми разными: участие к экспроприаторской деятельности (вооружённые грабежи, вымогательство), антиправительственная агитация (например, призыв к забастовкам, распространение среди крестьян прокламаций), принадлежность к революционным (эсерам, социал-демократам) и националистическим организациям (например, к партии «Дашнакцутюн»), ношение оружия без разрешения, подстрекательство чинов полиции к продаже казённого оружия, убийство полицейских чинов. Кроме того, разбоями промышляли не только горцы Северного Кавказа, но и грузины с армянами. Так, в декабре 1912 г. жители Тифлисской губернии М. Гониев, С. Бериашвили, З. Бердзешавили и А. Наочев были обвинены в преступных связях с разбойником Зелико Свимонишвили и высланы в Вятскую губернию под гласный надзор полиции на три года [49].

Что касается размещения кавказских ссыльных по уездам губернии, то чаще всего для этой цели местные власти использовали Малмыжский, Уржумский и Нолинский уезды. В губернский центр местные власти могли водворить лишь в исключительных случаях. Так, Николаю Абайшвили после перенесённой операции было разрешено остаться в г. Вятке, где вскоре он устроился на работу официантом [50].

После 1909 г. количество уроженцев Кавказа, высланных в Вятскую губернию, начало стремительно сокращаться. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, Высочайшим указом 17 июня 1909 г. военное положение на Кавказе было снято, за исключением города Тифлиса и его уезда, и многие горцы смогли покинуть место ссылки и вернуться на родину [51]. Во-вторых, в феврале 1913 г. был опубликован Всемилодивейший манифест, по которому лицам, высланным по ст. 34 за политическую неблагонадёжность, срок ссылки был сокращён на один год [52]. В-третьих, по этому же документу «туземцам Кавказского, Туркестанского и Степного края, высланным по сей день по распоряжению начальства за совершение общеуголовных преступлений и порочное поведение и водворённых в губерниях Европейской и Азиатской России, к коим не были применены предшествующие Манифесты, при условии одобрительного поведения их в ссылке» провозглашалось смягчение наказания, вплоть до освобождения [53]. В-четвёртых, после 1911 г. высылка уроженцев Дагестана в Сибирь и внутренние губернии Российской империи, виновных в убийстве из кровной мести, прекратилась. Данное решение было принято начальством области после многочисленных просьб дагестанцев. Горцев, совершивших такое преступление, стали ссылать в глухие места Дагестанской области. При этом срок наказания увеличился и стал составлять 20 лет [54]. В-пятых, полиция не справлялась с обязанностями контроля за административно-ссылными, и горцы в массовом порядке бежали с места водворения.

Таким образом, в истории высылки жителей кавказского региона в Вятскую губернию условно можно выделить три этапа: 1860-е гг., период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и период Думской монархии. Кроме того, можно выделить индивидуальную, групповую и массовую высылку, последняя из которых характерна только для третьего этапа. Принудительное выселение жителей Кавказа под надзор полиции могло производиться как по политическим, так и по уголовным причинам. Если в XIX в. в Вятскую губернию высылались мусульмане Северного Кавказа и Закавказья, то в начале XX в. ситуация изменилась: данному виду наказания подвергались преимущественно армяне и грузины. Тем не менее высылка горцев-мусульман за уголовные преступления производилась во все рассматриваемые выше периоды. К сожалению, точную численность ссыльных горцев в каждом из выделенных нами этапов кавказской ссылки установить не удаётся, однако вполне можно говорить о том, что во второй половине XIX в. в Вятскую губернию было выслано не больше двухсот жителей с территории Кавказа (считая групповую высылку жителей с Шилаги), а в начале XX в. – несколько сотен человек.

Что касается размещения ссыльных горцев по уездам губернии, то во второй половине XIX в. местная администрация делала это с учётом конфессиональной принадлежности ссыльных. Горцев Северного Кавказа и мусульман Закавказья размещали в местностях с исламским населением. Так, для отбывания ссылки наиболее часто использовались дер. Кестым Бalezинской волости Глазовского уезда и дер. Карино Слободского уезда, где проживали чепецкие (нукратские) татары. Однако в начале XX в. религиозный фактор перестал учитываться при водворении горцев-мусульман в Вятской губернии, что, вероятно, было связано с желанием губернской администрации не допустить радикализации общественно-политических взглядов вятских татар-мусульман в результате общения со ссыльными горцами.

Судьба удалённых с территории Кавказа горцев сложилась по-разному. Некоторые из них благополучно отбыли наказание и вернулись на родину, другие после окончания срока административной ссылки выразили желание остаться в Вятской губернии.

Примечания и список литературы

1. Красин В. М. Человек в иной культуре: ссылка с Кавказа в губернии центрально-европейской части России во второй половине XIX – начале XX в. Калуга, 2012. С. 4.
2. Калинина Д. А. Хоть в Вятку // Родина. 2010. № 1. С. 67.
3. Красин В. М. Указ. соч. С. 44–45.
4. Федоров К. Г., Кокурхаев К. А. Правовая система чеченцев и ингушей во второй половине XIX – начале XX веков // Правоведение. 1979. № 3. URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=187189>
5. Ибрагимова З. Х. Царское прошлое чеченцев. Политика и экономика. М., 2009. С. 135.
6. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 304. 5 делопроизводство. Д. 191. Л. 1 об. – Л. 2.
7. Луппов П. Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933. С. 5.
8. Ф. 721. Оп. 2. Д. 2. Л. 2 об. – Л. 21 об.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 10. Л. 57 об.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 60. Д. 306. Л. 1.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 130а. Д. 40. Л. 1.
12. Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М., 2007. С. 151–152.
13. Луппов П. Н. Указ. соч. С. 25.
14. ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 509. Л. 3.
15. ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 550. Л. 1–1 об.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 507. Л. 1.
17. Бобровников В. О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1(8). С. 27.
18. Красин В. М. Указ. соч. С. 27.
19. ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 514. Л. 7.
20. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 112. Л. 1
21. ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 551. Л. 1.
22. ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 557. Л. 1.
23. Луппов П. Н. Указ. соч. С. 26.
24. ГАКО. Ф. 582. Оп. 155. Д. 81. Л. 10.
25. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 133. 5 делопроизводство. Д. 367. Ч. 1. Л. 190.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 170. Д. 4. Л. 31 об.
27. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 224. Л. 1.
28. ГАКО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 30 оц.; ГАКО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 34 оц.
29. Об облегчении участи лиц, ввавших до воследования Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. в преступные деяния государственные // ПСЗРИ-3. Т. XXV. Отделение 1. № 26835. С. 767.
30. Луппов П. Н. Указ. соч. С. 76.
31. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 304. 5 делопроизводство. Д. 100. Л. 2.
32. Луппов П. Н. Указ. соч. С. 132.
33. О местностях, объявляемых состоящими на военном положении. 18 июня 1892 г. // ПСЗРИ-3. Т. XII. № 8757. С. 481.
34. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 4. Л. 14 – Л. 14 об.
35. Высочайше утверждённое Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. 14 августа 1881 г. // ПСЗРИ-3. Т. I. № 350. С. 266.
36. Северный Кавказ в составе Российской империи... С. 286.
37. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 143. 5-е делопроизводство. 1907 г. Д. 19 ч. 14 т. 2. Л. 156.
38. Северный Кавказ в составе Российской империи... С. 285.
39. ГАКО. Ф. 582. Оп. 170. Д. 1110. Л. 245.
40. ГАКО. Ф. 582. Оп. 170. Д. 872. Л. 3.
41. ГАКО. Ф. 582. Оп. 170. Д. 981. Л. 2.
42. ГАКО. Ф. 582. Оп. 170. Д. 897. Л. 2.
43. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 143. 5-е делопроизводство. 1907 г. Д. 19 ч. 14 т. 2. Л. 156. Л. 38.
44. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 33. 1 делопроизводство. Д. 724. Л. 2.
45. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1313. Л. 31.
46. ГАКО. Ф. 582. Оп. 175. Д. 50. Л. 12.
47. ГАКО. Ф. 582. Оп. 170. Д. 1045. Л. 181–182.
48. ГАКО. Ф. 582. Оп. 170. Д. 1015. Л. 6–10 об.
49. ГАКО. Ф. 582. Оп. 176. Д. 15. Л. 1.
50. ГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 7116. Л. 30 об.
51. ГАКО. Ф. 716. Оп. 4. Д. 225. Л. 8.
52. О монарших милостях населению по случаю трёхсотлетия царствования Дома Романовых // ПСЗРИ-3. Т. XXXIII. Отд-ние 1. № 38851. С. 180.
53. Там же. С. 179.
54. Бобровников В. О. Указ. соч. С. 31.

Notes and References

1. Krasin V. M. *CHelovek v inoj kul'ture: ssylka s Kavkaza v gubernii central'no-evropejskoj chasti Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Man in another culture: exile from the Caucasus to the provinces of the Central European part of Russia in second half XIX – the beginning XX century]. Kaluga. 2012. P.4.
2. Kalinina D. A. *Hot' v Vyatku* [Even to Vyatka] // *Rodina – Homeland*. 2010, No. 1, p. 67.
3. Krasin V. M. Op. cit. Pp. 44-45.
4. Fedorov K. G., Kokurhaev K. A. *Pravovaya sistema chechencev i ingushej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov* [Legal system of the Chechens and Ingush in the second half of XIX – early XX centuries] // *Pravovedenie – Law*. 1979, No. 3. Available at: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=187189>
5. Ibragimova Z. H. *Carskoe proshloe chechencev. Politika i ehkonomika* [Imperial past time of Chechens. Politics and Economics]. M. 2009. P. 135.
6. State Archive of Russian Federation (hereinafter SARF). F. 102. Inv. 304. 5 records management. File 191. Sh. 1 turn – Sh. 2.
7. Luppov P. N. *Politicheskaya ssylka v Vyatskij kraj* [Political exile to Vyatka region]. M. 1933. P.5.
8. F. 721. Inv. 2. File 2. Sh. 2 – Sh. 21.
9. State Archive of Kirov region (hereinafter SAKR). F. 582. Inv. 60. File 10. Sh. 57 on.
10. SAKR. F. 582. Inv. 60. File 306. Sh. 1.
11. SAKR. F. 582. Inv. 130A. File 40. Sh. 1.
12. *Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii – The North Caucasus in the Russian Empire* / edited by V. O. Bobrovnikov, I. L. Babich. M. 2007. Pp. 151-152.
13. Luppov P. N. Op. cit. P.25.
14. SAKR. F. 582. Inv. 58. File 509. Sh. 3.
15. SAKR. F. 582. Inv. 58. File 550. Sh. 1-1 turn.
16. SAKR. F. 582. Inv. 58. File 507. Sh. 1.
17. Bobrovnikov V. O. *Abreki i gosudarstvo: kul'tura nasiliya na Kavkaze* [The Abreks and the state: the culture of violence in the Caucasus] // *Vestnik Evrazii – Herald of Eurasia*. 2000, No. 1(8), p.27.
18. Krasin V. M. Op. cit. p.27.
19. SAKR. F. 582. Inv. 58. File 514. Sh. 7.
20. SAKR. F. 582. Inv. 139. File 112. Sh. 1
21. SAKR. F. 582. Inv. 58. File 551. Sh. 1.
22. SAKR. F. 582. Inv. 58. File 557. Sh. 1.
23. Luppov P. N. Op. cit. p. 26.
24. SAKR. F. 582. Inv. 155. File 81. L 10.
25. GARF. F. 102. Inv. 133. 5 records management. File 367. Part 1. Sh. 190.
26. SAKR. F. 582. Inv. 170. File 4. Sh. 31.
27. SAKR. F. 721. Inv. 1. File 224. Sh. 1.
28. SAKR. F. 714. Inv. 2. File 30 OTS.; SAKR. F. 714. Inv. 2. File 34.
29. *Ob oblegchenii uchasti lic, vpavshih do vosposledovaniya Vysochajshego manifesta 17 oktyabrya 1905 g. v prestupnye deyaniya gosudarstvennye – On easing the plight of individuals, who have fallen to following the Imperial Manifesto of 17 October 1905 in criminal acts of state* // Completed Collection of Laws of Russian Empire (CCLRE)-3. Vol. XXV. Office 1. No. 26835. P. 767.
30. Luppov P. N. Op. cit. P. 76.
31. GARF. F. 102. Inv. 304. 5 records management. File 100. Sh. 2.
32. Luppov P. N. Op. cit. M. 1933. P. 132.
33. *O mestnostyah, ob"yavlyayemyh sostoyashchimi na voennom polozhenii. 18 iyunya 1892 g.* – About places declared in martial law. 18 Jun 1892 // CCLRE-3. Vol. XII. No. 8757. P. 481.
34. SARF. F. 102 Inv. 302 File 4. Sh. 14 – Sh. 14 turn.
35. *Vysochajshe utverzhdyonnoe Polozhenie o merah k ohraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obshchestvennogo spokoystviya. 14 avgusta 1881 g* – Imperially approved Regulation on the measures for the protection of public order and public peace. 14 Aug 1881 // CCLRE-3. Vol. I. No. 350. P. 266.
36. *Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii...* – The North Caucasus in the Russian Empire... P. 286.
37. SARF. F. 102 Inv. 143. 5 records management. 1907, File 19 Pt. 14 Vol 2. Sh. 156.
38. *Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii...* – The North Caucasus in the Russian Empire... P. 285.
39. SAKR. F. 582. Inv. 170. File 1110. Sh. 245.
40. SAKR. F. 582. Inv. 170. File 872. Sh. 3.
41. SAKR. F. 582. Inv. 170. File 981. Sh. 2.
42. SAKR. F. 582. Inv. 170. File 897. Sh. 2.
43. GARF. F. 102 Inv. 143. 5 records management. 1907, File 19 Pt. 14 Vol 2. Sh. 156. Sh. 38.
44. GARF. F. 102. Inv. 33. 1 records management. File 724. Sh. 2.
45. SAKR. F. 714. Inv. 1. File 1313. Sh. 31.
46. SAKR. F. 582. Inv. 175. File 50. Sh. 12.
47. SAKR. F. 582. Inv. 170. File 1045. Sh. 181-182.
48. SAKR. F. 582. Inv. 170. File 1015. Sh. 6-10.
49. SAKR. F. 582. Inv. 176. File 15. Sh. 1.

50. SAKR. F. 721. Inv. 1. File 7116. Sh. 30.

51. SAKR. F. 716. Inv. 4. File 225. Sh. 8.

52. *O monarshih milostyah naseleniyu po sluchayu tryohsotletiya carstvovaniya Doma Romanovyh* – The Royal favors to the population on the occasion of the tercentenary of the reign of the Romanov dynasty // CCLRE-3. Volume XXXIII. Section 1. No. 38851. P. 180.

53. Ibid. P. 179.

54. *Bobrovnikov V. O.* Op. cit. P. 31.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК: 94(73)+327

Роль неправительственных организаций в восточноевропейской политике США в конце 1980-х – начале 1990-х гг.*

Юнгблюд В. Т.,

доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета.
610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Збоев А. В.,

кандидат исторических наук, ассистент, Вятский государственный университет.
610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: zboev.art@mail.ru

Аннотация: Одной из главных целей США в холодной войне стало «освобождение» стран Восточной Европы от коммунизма и от советского влияния. Угроза глобального военного столкновения с СССР вынуждала американских политиков уделять большое внимание различным несиловым инструментам влияния и идеологической экспансии. Важным проводником этой политики для американского руководства стали неправительственные организации (НПО), в частности Национальный фонд демократии, созданный в 1983 г. В статье на основе ежегодных финансовых отчётов данного фонда за 10-летний период с момента образования рассматриваются различные аспекты деятельности американских НПО в Восточной Европе, выделяются основные получатели американской помощи, делается вывод о роли НПО во внешней политике США.

Ключевые слова: неправительственные организации, Восточная Европа, политика США, холодная война.

The role of NGOs in the Eastern European policy of the USA in the late 1980s – early 1990s.

Yungblud V. T.,

Doctor of Historical Sciences, Professor, President of the Vyatka State University.
36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Zbojev A. V.,

Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Vyatka State University.
36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: zboev.art@mail.ru

Abstract: One of the main goals of the USA in the Cold War was the "liberation" of Eastern European countries from communism and from Soviet influence. The threat of a global military clash with the USSR forced American politicians to pay much attention to various non-military instruments of influence and ideological expansion. An important conductor of this policy for the American leadership became non-governmental organizations (NGOs), in particular, the National Endowment for Democracy, established in 1983. Based on the annual financial reports of this fund for a 10-year period from the moment of formation, this article represents various aspects of the activities of American NGOs in Eastern Europe, the main recipients of US aid are singled out, and a conclusion is made about the role of NGOs in US foreign policy.

Keywords: non-governmental organizations (NGO), Eastern Europe, US policy, cold war.

Современная международная политика характеризуется активным участием различных частных фондов и разного рода неправительственных, или некоммерческих, организаций (НПО/НКО). Следы их деятельности обнаруживаются во многих значимых событиях последних десятилетий, в том числе в «бархатных» и «цветных» революциях в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Вопрос о легальности целей и методов подобных организаций остро стоит в современной России, в связи с чем представляется актуальным обращение к истории этой проблемы, уходящей корнями в эпоху холодной войны.

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6
© Юнгблюд В. Т., Збоев А. В., 2017

Одним из главных итогов Второй мировой войны стало включение стран Восточной Европы в советскую сферу влияния с последующим развертыванием в них социалистических преобразований. Признавая особые интересы Москвы в этом регионе, правительство Соединённых Штатов, тем не менее, негативно воспринимало перспективу его полной советизации.

Политика США в отношении восточноевропейских стран после войны выстраивалась в русле стратегий «сдерживания», а затем и «отбрасывания» коммунизма. Программные документы Совета Национальной Безопасности, принятые в период президентства Г. Трумэна (в частности, NSC-4/a, NSC-10/a, NSC-58/2, NSC-68), недвусмысленно говорили о намерении Вашингтона добиваться освобождения Восточной Европы от коммунизма и от власти Кремля посредством организации в этом регионе диверсионных операций, подготовки антикоммунистического сопротивления, стимулирования центробежных тенденций в советском блоке (в том числе посредством поддержки «титоизма» как «еретической формы» коммунизма [1]). Эмигранты из Восточной Европы консолидировались под эгидой Госдепартамента и ЦРУ в рамках Национального комитета «Свободная Европа», пополняли собой военизированные формирования в структуре НАТО [2]. В 1959 г. в США приобрела статус федерального закона резолюция Конгресса о ежегодном проведении «Недели поработённых народов», направленной на привлечение внимания мировой общественности к судьбе стран, ставших жертвами «империалистической политики коммунистической России», к которым были отнесены все восточноевропейские страны (за исключением Югославии), Восточная Германия, а также ряд других стран и территорий [3].

Несмотря на выраженную «освободительную» риторику, американское руководство воздержалось от предоставления полномасштабной помощи венгерскому восстанию 1956 г. и «Пражской весне» 1968 г., избегая прямого военного столкновения с СССР. Градус советско-американской конфронтации несколько снизился в годы «разрядки», однако с начала 1980-х гг. администрация президента Р. Рейгана вновь активизировала меры по сокращению советского влияния в Восточной Европе и реинтеграции стран региона в общеевропейское сообщество [4]. С этой целью в директиве NSDD-54 от 2 сентября 1982 г. предписывалось поощрять либеральные тенденции в советском блоке, поддерживать либеральное и правозащитное движение. Важную роль в реализации данной программы стали играть так называемые неправительственные организации, которые благодаря своему «независимому» статусу могли пользоваться большей свободой рук, нежели официальное руководство [5].

Неправительственные организации в США ещё в первой половине XX в. стали важным компонентом американского внешнеполитического истеблишмента. Их роль особенно усилилась в связи с превращением США в одну из великих держав после Первой мировой войны и возросшими потребностями правительства в квалифицированном анализе международных отношений и практических рекомендациях для действий [6]. Уже в начале 1930-х гг. в США действовало около 40 фондов, выделявших средства на научные и пропагандистские программы, имевшие отношение к внешней политике [7].

Фонды, основанные крупнейшими американскими бизнесменами, такие как Фонд Карнеги за международный мир (1903), Фонд Форда (1936), Фонд Макартуров (1970), Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) (1993), декларировали глобальные гуманитарные цели – повышение уровня жизни для широких народных масс, развитие образования и медицины. Но вместе с тем американская благотворительная деятельность имела и политические мотивы. Опыт двух мировых войн показал, что неблагоприятная экономическая обстановка зачастую способствует обострению социальной напряжённости и создаёт предпосылки к установлению крайне правых и крайне левых авторитарных режимов. Учитывая этот опыт, Конгресс США в 1946 г. поддержал программу широкой финансовой помощи европейским странам по «плану Маршалла» в качестве профилактической меры против усиления в этих странах позиций коммунистических партий. В условиях балансирования сверхдержав на грани новой мировой войны подобные финансовые вливания становились для Вашингтона одним из наиболее действенных и безопасных средств в борьбе за влияние и продвижение своих ценностей.

Система организации помощи иностранным государствам была реорганизована в США после принятия в 1961 г. Акта о зарубежной поддержке и создания централизованного Агентства США по международному развитию (АМР США) (United States Agency for International Development, USAID). Через этот орган американское правительство помимо прочего выделяло средства на финансирование номинально независимых НПО (по отношению к ним иногда применяется определение QUANGO – «квази-НПО», – а также GONGO – «образованные государством НПО»). Одной из таких организаций стал НФД – Национальный фонд в поддержку демократии (National Endowment for Democracy, NED), созданный в 1983 г. Позиционируя себя как независимая непра-

вительственная организация, чьё руководство не назначается напрямую американским руководством, фонд вместе с тем был подотчётен широкому кругу контролёров от исполнительной и законодательной власти и финансировался преимущественно за их счёт [8]. Директором фонда стал Карл Гершман, бывший представитель США в комитете по правам человека в ООН.

Средства НФД, получаемые от Конгресса, АМР США и частных фондов, перенаправлялись, в свою очередь, в пользу других фондов и организаций, среди которых крупнейшими были следующие:

- Международный комитет спасения (International Rescue Committee, IRC) и Институт свободных профсоюзов (Free Trade Union Institute, FTUI) – по поддержке профсоюзного движения;
- Центр международного частного предпринимательства (Center for International Private Enterprise, CIPE) – по развитию рыночных реформ и частного бизнеса;
- НПО «Фридом хаус» (Freedom House) – по поддержке независимой прессы;
- Национальный демократический институт (National Democratic Institute, NDI) и Международный республиканский институт (International Republican Institute, IRI) – по проведению исследований в области демократии и поддержке оппозиционных деятелей.

С первых лет существования деятельность НФД охватила более 75 стран в Южной Америке, Африке, Азии и Европе [9]. В зависимости от уровня демократического развития они подразделялись на четыре группы: 1) страны в состоянии демократического перехода (Филиппины, Гватемала, Гаити, Чили, Парагвай, Гайана); 2) «Новые демократии» (Аргентина, Перу, Доминика); 3) Страны в состоянии кризиса (ЮАР, Афганистан, Северная Ирландия, Никарагуа) и 4) «Закрытые общества», подлежащие «открытию» (Польша, Чехословакия, СССР, Китай, Куба) [10]. Восточной Европе как наиболее закрытому для внешнего влияния и стратегически важному региону уделялось особое внимание.

Финансирование через «Национальный фонд демократии» (при поддержке АМР США и других организаций) проектов в отношении восточноевропейских стран (не считая общерегиональных программ) в 1984–1993 гг., в тыс. долл. США [11]

	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	Итого по странам
Албания	-	-	-	-	-	-	-	128,1	100,5	-	228,6
Болгария	-	-	-	-	-	-	2084,6	538,7	325,7	334,7	3283,8
Венгрия	-	-	55	16,5	71,5	468,1	1117,4	671,5	569,5	791,1	3760,7
Польша	187,8	606	934,7	1920,7	1955	3329,8	4645,1	870	591,5	417,4	15458,2
Румыния	-	-	-	35	50	50,5	2091,5	519,7	399,9	117,4	3264
Чехословакия (в т.ч. Чехия и Словакия)	-	30	147,7	163,3	361	217,5	1185,3	444,8	381,9	765,8	3697,4
Югославия (в т.ч. союзные республики)	-	-	-	-	20	35	256,9	82,4	105,7	556,4	1056,5
Итого по годам	187,8	636	1137,5	2135,5	2457,5	4100,9	11381	3255,5	2474,7	2982,8	30743,5

Наиболее приоритетным объектом среди государств советского блока для американских фондов была Польша (см. таблицу), которая с начала 1980-х гг. демонстрировала очевидные признаки кризиса власти [12]. Рост забастовочного движения под руководством вновь созданного профсоюза «Солидарность» вынудил коммунистическое руководство В. Ярузельского объявить в декабре 1981 г. военное положение в стране. Американское руководство поспешило направить усилия на поддержку забастовщиков, в частности путём информационной кампании в поддержку польской оппозиции и посредством введения экономических санкций против Польской Народной Республики. В июле 1983 г. военное положение было отменено, однако финансовая поддержка антикоммунистической оппозиции со стороны Запада продолжала усиливаться.

Согласно отчётам НФД, за 10 лет существования фонд при посредничестве FTUI, CIPE, IRC, NDI, NRI, агентства «Фридом хаус», Международного комитета свободы печати и Ассоциации американских издателей, фонда «Аврора», Института в поддержку демократии в Восточной Ев-

ропе (ИДЕЕ), Мершон-центра университета Огайо, Ратгерского и Колумбийского университетов направил на «продвижение демократических принципов» в Польше более 15 млн долл. Получателями американской помощи стали польские демократические организации за рубежом («Польский институт искусств и наук» (PIASA) и Комитет поддержки «Солидарности» в Нью-Йорке, Благотворительный фонд польско-американского конгресса в Чикаго, заграничный офис «Солидарности» в Брюсселе, Независимое польское агентство в шведском Лунде) и в самой Польше (Польский фонд правовой защиты; Комитет по образованию, науке и культуре; Польский Хельсинкский комитет, Гданьский видеоцентр, Краковское промышленное общество, Варшавский центр стратегических и международных исследований; Варшавский фонд в поддержку местной демократии; Фонд Стефана Батория).

Главными целями НФД в Польше провозглашались борьба с тоталитаризмом, восстановление демократических институтов и гражданского общества [13]. Для их достижения Фонд оказывал поддержку мероприятиям в различных областях общественной жизни. «Солидарность» и прочие оппозиционные организации получали оргтехнику и расходные материалы для расширения пропагандистской деятельности. С целью подрыва государственной монополии в информационной сфере НФД выделял средства на развитие независимой прессы – парижского периодического издания «Zeszyty Literackie» («Литературные заметки»), лондонских изданий «Анекс» и «Неподцензурный польский информационный бюллетень», а с 1989 г. – первой в Восточной Европе независимой ежедневной газеты «Gazeta Wyborcza». Стимулировалось и поощрялось возрождение независимого искусства, аутентичной польской культуры и национального духа, финансировалось издание и распространение книг по истории демократического движения в Польше 1939–1969 гг. и её борьбы за независимость (например, книги Януша Заводного «Смерть в лесу: история катынской резни»).

Финансовая помощь оказывалась также политическим заключённым, членам профсоюзов и правозащитных организаций и их семьям. Крупные средства, прежде всего, через FTUI и IRC, выделялись на закупку медикаментов и медицинского оборудования, приобретение одежды и пропитания.

С окончательным выходом Польши из-под советского контроля усилилось финансирование программ, направленных на поддержку демократических институтов и парламентаризма, рыночной экономики и частного предпринимательства. С этой целью проводились конференции, семинары и тренинги с участием польских, американских и европейских бизнесменов и политиков [14]. Тогда же усилилось участие американских фондов в образовательной сфере через спонсирование учительских профсоюзов, стимулирование перестройки образовательных программ для учебных заведений в соответствии с новыми демократическими реалиями [15].

Схожим образом развивались взаимоотношения НФД с прочими странами Восточной Европы. С 1985 г. началось финансирование демократических программ в Чехословакии – страны с давними демократическими традициями и опытом борьбы против влияния Кремля. В этой стране основным адресатом американской помощи стало диссидентское движение «Хартия 77» и её фонд, базировавшийся в Стокгольме. Через Чехословацкое общество искусств и наук НФД выделял деньги для эмигрантских организаций, среди которых были Документационный центр продвижения независимой чехословацкой литературы в Шайнфельде (в Западной Германии), Образовательный Фонд Яна Гуса и Информационный исследовательский центр Яна Палаха в Лондоне, группа из 68 чешских и словацких публицистов в Торонто. Западной поддержкой пользовались самиздатовские издания и независимая периодика (журнал «Pravo Lidu» и западногерманский POL-Verlag, нью-йоркское издание словацкой эмиграции «Nasy Snahy», политико-культурные издания «Rozmluvy», «Paternoster»; с 1989 г. – ежедневная газета «Lidove Noviny»). С конца 1980-х гг., как и в Польше, в Чехословакии на первый план стали выходить программы поддержки предпринимательства и парламентаризма. Помимо этого акцент был сделан и на продвижении принципов толерантности и плюрализма в связи с обострившейся проблемой межнациональных противоречий, приведших в конечном итоге к распаду государства на самостоятельные Чехию и Словакию с начала 1993 г. [16]

В Венгрии НФД направлял средства на поддержку Венгерского культурного центра (базировавшегося в Лондоне), Ассоциации венгерских издателей и журнала «Beszelo». Через CIPE и FTUI получали финансовую помощь Ассоциация венгерских предпринимателей, Демократическая лига независимых профсоюзов, Демократическая молодёжная лига, Венгерский демократический форум. Среди прочих стран ЦЮВЕ к началу 1992 г. Венгрия признавалась экспертами фонда наименее проблемной и наиболее процветающей и стабильной страной [17]. Наряду с Польшей она была включена с 1989 г. в программу SEED (Support for East European Democracy), по

которой правительство США официально выделяло 300 млн долл. для содействия переходному процессу от плановой экономики к рыночной.

Позднее, чем в других странах, развернулась деятельность НФД в странах Балканского полуострова. В Румынии она была направлена на финансирование публикации независимого ежеквартального издания «Агога» (а после 1989 г. – также газеты «Romania Libera»), поддержку независимых деятелей культуры, распространение книг и фильмов через базировавшийся в Лондоне Фонд имени Михая Эминеску и т. д. Итоги февральских выборов в местные органы власти 1992 г., по мнению аналитиков НФД, показали относительно неплохие результаты, хотя и не полностью оправдали ожидания демократических сил. Кроме того, констатировалось, что экономические реформы в Румынии протекали медленнее, чем в остальных странах региона, демократические преобразования столкнулись с рядом проблем, среди которых наиболее существенными были обострение межнациональных отношений и подъём активности неонацистских групп [18].

В отличие от других стран Восточной Европы, по которым в конце 1989 г. прокатилась волна «бархатных революций», в Болгарии наряду с Албанией у власти оставались коммунистические партии. Обновление режима здесь прошло в мирном русле – в ноябре 1989 г. партийный съезд отстранил от власти генерального секретаря Т. Живкова, заменив его П. Младеновым, занимавшим до этого пост министра иностранных дел; а компартия после определённой трансформации была преобразована в Болгарскую социалистическую партию (БСП). Сохранилась преемственность курса и во внешней политике – Болгария, в отличие от своих соседей, не демонстрировала столь явного стремления к выходу из орбиты советского влияния.

В 1990 г. НФД и АМР США резко усилили финансовую поддержку оппозиционным политическим силам в Болгарии – партии СДС («Союз демократических сил»), независимому профсоюзу «Подкрепа», Федерации независимых студенческих ассоциаций Болгарии [19]. Средства были выделены на техническую подготовку к предстоящим выборам (приобретение оргтехники и расходных материалов), увеличение тиража оппозиционной газеты «Демокрация», подготовку групп агитаторов и наблюдателей для выборов. Отдельной статьёй расходов была послевыборная поддержка СДС, и его лидеры активно использовали обещания помощи Запада в своей предвыборной кампании. Тем не менее первые демократические выборы в парламент, прошедшие в июне 1990 г., принесли победу БСП (47% голосов против 36% у СДС). Оппозиция отказалась признать результаты выборов, и под её руководством в Софии начались антиправительственные уличные протесты и студенческие демонстрации. На волне разразившегося кризиса П. Младенов вынужден был уйти в отставку (непосредственным поводом для этого стало распространение членами СДС видеозаписи, на которой Младенов поднимал вопрос о возможности введения танков в столицу для подавления волнений в 1989 г.), а 1 августа на пост президента был избран лидер СДС Ж. Желев [20]. После этого Болгария уже вполне стала устраивать американцев, и в отчёте НФД за 1992 г. она приводилась в качестве примера «относительно гладкого перехода к демократии» [21].

Схожей была ситуация в Албании, где коммунисты удержались у власти до начала 1990-х гг. и попытались самостоятельно возглавить процесс реформации прежнего режима. Однако в стране на волне «бархатных революций» в остальной Восточной Европе усиливалось протестное движение под руководством оппозиционной Демократической партии. В поддержку оппозиции выступили американские дипломаты и госсекретарь Дж. Бейкер, а НФД в конце 1990–1992 гг. выделил около 230 тыс. долл. на финансирование программ развития правозащитного движения, гражданского образования, адвокатских программ по освобождению политзаключённых (через Албанский центр прав человека), поддержку независимых профсоюзов (через Конфедерации независимых профсоюзов Албании). После непрекращавшихся забастовок коммунистическое руководство вынуждено было принять требования оппозиции о проведении досрочных парламентских выборов в марте 1992 г. Одержавшая победу Демократическая партия смогла приступить к формированию нового правительства, а в апреле её лидер Сали Бериша был избран на пост нового президента.

Среди стран Восточной Европы Югославия всегда стояла у американцев на особом счету, поскольку после раскола между Тито и Сталиным страна вышла из-под советского влияния, не входила в состав Организации Варшавского договора и проводила самостоятельную внешнюю политику при сохранении социалистического строя. Целью Вашингтона долгое время было поддержание сильной, единой и процветающей Югославии как примера успешной альтернативы советскому варианту социализма [22]. Югославские народы не причислялись американцами к «порабощённым нациям» и «жертвам коммунизма». Падение советского влияния в Восточной

Европе и распад СССР привели и к падению значения Югославии в американской стратегии. С этим можно связать начало финансирования американскими фондами правозащитного движения в Югославии и отдельных её республиках, усиление внимания к фактам нарушения прав человека, поддержку «демократических диссидентов» и «независимых» СМИ (в частности, англоязычного информационного бюллетеня и радиостанции «В 92»).

Помимо НФД в странах Восточной Европы с конца 1980-х гг. действовали и другие американские организации, наиболее значимые из которых принадлежали американскому бизнесмену венгерского происхождения Джорджу Соросу. Свой первый фонд для поддержки диссидентов он открыл в Венгрии в 1984 г., также вкладывал средства в деятельность «Солидарности», Фонда Батория и «Хартии 77», демократических групп в Китае и СССР [23]. «Идея была проста, – писал Сорос. – Государственная догма, продвигаемая правящими коммунистами, была лживой, и через распространение альтернативы мы могли разоблачить эту ложь. Поэтому мы поддерживали каждую культурную инициативу, которая выходила за пределы этой догмы» [24].

Роль и значение американских неправительственных организаций в падении коммунистических режимов в Восточной Европе сложно определить однозначно. К концу 1980-х гг. страны советского блока охватил системный экономический и социально-политический кризис, чреватый неизбежным крахом существовавшей системы [25]. Также в значительной степени судьба коммунистических режимов была предопределена «новым политическим мышлением», отказом Горбачёва от удерживания соседних стран в советской сфере влияния и предоставлением им возможности «идти своим путём». В связи с этим деятельность НПО нельзя назвать главным фактором распада социалистической системы.

С другой стороны, западные неправительственные организации способствовали ускорению протекавших процессов – дискредитации коммунистических правительств и усилению демократической оппозиции правящим режимам в восточноевропейских странах. Целенаправленную поддержку оппозиционных деятелей можно оценить как прямое вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Руками НПО администрации Р. Рейгана и Дж. Буша-ст. могли безопасно прощупывать почву в странах, находившихся ещё в советской сфере влияния, на предмет их готовности к выходу из-под контроля Кремля и готовности Кремля допустить внешнее вмешательство.

По мнению некоторых западных авторов, роль НПО в политических и экономических процессах в Восточной Европе не стоит переоценивать, так как лишь незначительная часть подобных организаций (около 100 из 7000) осуществляла свою деятельность в этом регионе [26]. Вместе с тем С. Флаэрти отмечает, что финансирование восточноевропейских программ американскими фондами резко возросло с 5–8 млн долл. в конце 1980-х гг. до 50 млн в 1990 г. и до 60 млн в 1992 г. [27] По мнению Р. Пайпса, западная поддержка сыграла критическую роль в истории Польши, дав «Солидарности» возможность «выжить и, в конечном счёте, заставить коммунистов уступить власть» [28].

Неправительственные организации зарекомендовали себя в качестве важного компонента американской внешней политики, подспоря официальной дипломатии. Этот же факт, однако, привёл к тому, что независимость и политическая неангажированность подобных организаций в настоящее время всё больше ставится под сомнение и вызывает ответные ограничительные меры со стороны правящих органов. В Российской Федерации в мае 2015 г. были утверждены поправки в существующее законодательство о некоммерческих организациях, и впоследствии сформирован Перечень нежелательных НПО, куда были внесены и продолжают вноситься организации, признанные угрожающими основам конституционного строя, обороноспособности и безопасности страны [29]. Среди них оказались «Национальный фонд демократии», Фонд Сороса, Национальный Демократический Институт, Международный республиканский институт – одни из главных «фигурантов» событий 80–90-х гг. в Восточной Европе.

Примечания и список литературы

1. Foreign relations of the United States. 1949. Vol. V. Eastern Europe; the Soviet Union. Wash. : US GPO, 1976. P. 51, 54.
2. См.: *Мирошников С. Н.* «Корпус волонтеров свободы» – нереализованный американский проект холдной войны // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 65–71.
3. См.: *Печатнов В. О.* Закон № 86–90: от Эйзенхауэра до Обамы. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document177931.phtml>
4. National Security Decision Directive 54 (September 2, 1982). URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-54.pdf> P. 1.

5. Democracy Promotion Programs Funded by the U.S. Government. A Report to the Senate Foreign Relations Committee and the House Foreign Affairs Committee of the U.S. Congress. Wash. : US Congress, 1994. P. 14.
6. Юнзблюд В. Т. Вклад неправительственных исследовательских организаций США в изучение международных отношений (1933–1941 гг.) // Вестник ВятГУ. 2006. № 14. С. 56.
7. Там же. С. 49.
8. Lowe D. Idea to Reality: A Brief History of the National Endowment for Democracy. URL: <http://web.archive.org/web/20080426072447/http://www.ned.org/about/nedhistory.html>
9. National Endowment for Democracy. 1991 Annual Report. October 1, 1990 – September 30, 1991. Wash., 1991. P. 13.
10. National Endowment for Democracy. 1987 Annual Report. October 1, 1986 – September 30, 1987. Wash., 1987. P. 12.
11. Данные взяты из официальных годовых финансовых отчётов с сайта НФПД. National Endowment for Democracy. Annual Reports (1984–1993). URL: <http://www.ned.org/publications/annual-reports-1984-2004/>
12. National Endowment for Democracy. 1987 Annual Report. October 1, 1986 – September 30, 1987. Wash., 1987. P. 32.
13. National Endowment for Democracy. 1985 Annual Report. October 1, 1984 – September 30, 1985. Wash., 1985. P. 19.
14. National Endowment for Democracy. 1989 Annual Report. October 1, 1988 – September 30, 1989. Wash., 1989. P. 21.
15. Ibid. P. 27; National Endowment for Democracy. 1992 Annual Report. October 1, 1991 – September 30, 1992. Wash., 1992. P. 22.
16. National Endowment for Democracy. 1992 Annual Report. October 1, 1991 – September 30, 1992. Wash., 1992. P. 50.
17. Ibidem.
18. Ibid. P. 50–51.
19. National Endowment for Democracy. 1990 Annual Report. October 1, 1989 – September 30, 1990. Wash., 1990. P. 23.
20. Blum W. Killing Hope: US Military and CIA Interventions Since World War II. N. Y., 2003. P. 314–320.
21. National Endowment for Democracy. 1992 Annual Report. October 1, 1991 – September 30, 1992. Wash., 1992. P. 51.
22. U.S. Policy Toward Yugoslavia (NSC-NSDD-133) (March 19, 1984). URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-133.htm>
23. Quandt R. E. The Changing Landscape in Eastern Europe: A Personal Perspective on Philanthropy and Technology Transfer. N. Y. : Oxford University Press, 2002. P. 27.
24. Open Society News. 2009. Fall. URL: https://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/open-societynews_11052009.pdf P. 3–4.
25. Зубок В. М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва. М., 2011. С. 437.
26. Flaherty S. L. Q. Philanthropy without borders: US private foundation activity in Eastern Europe // *Voluntas : International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 1992. Vol. 3. № 3. P. 338ю
27. Ibidem.
28. Цит. по: Kengor P. The Crusader: Ronald Reagan and the Fall of Communism. N. Y. : HarperCollins e-books, 2006. P. 289.
29. Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. URL: <http://minjust.ru/ru/activity/nko/unwanted>

Notes and References

1. Foreign relations of the United States. 1949. Vol. V. Eastern Europe; the Soviet Union. Wash. : US GPO, 1976. P. 51, 54.
2. See: Miroshnikov S. N. «Korpus volontyrov svobody» – nerealizovannyj amerikanskij projekt holodnoj vojny [“The corps of volunteers of freedom” – an unrealized project of the American cold war] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* - Herald of the Tomsk State University. 2013, No. 366, pp. 65-71.
3. See: Pechatnov V. O. Zakon № 86–90: ot EHzenhauehra do Obamy [Law No. 86-90: from Eisenhower to Obama]. Available at: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document177931.phtml>
4. National Security Decision Directive 54 (September 2, 1982). Available at: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-54.pdf> P. 1.
5. Democracy Promotion Programs Funded by the U.S. Government. A Report to the Senate Foreign Relations Committee and the House Foreign Affairs Committee of the U.S. Congress. Wash. : US Congress, 1994. P. 14.
6. YUngblyud V. T. Vklad nepravitel'stvennyh issledovatel'skih organizacij SSHA v izuchenie mezhdunarodnyh otnoshenij (1933–1941 gg.) [Contribution of non-governmental research organizations in the United States to the study of international relations (1933-1941 gg.)] // *Vestnik VyatGGU* - Herald of VyatSHU. 2006, No. 14, p. 56.
7. Ibid. P. 49.
8. Lowe D. Idea to Reality: A Brief History of the National Endowment for Democracy. Available at:

<http://web.archive.org/web/20080426072447/http://www.ned.org/about/nedhistory.html>

9. National Endowment for Democracy. 1991 Annual Report. October 1, 1990 – September 30, 1991. Wash. 1991. P. 13.

10. National Endowment for Democracy. 1987 Annual Report. October 1, 1986 – September 30, 1987. Wash. 1987. P. 12.

11. Data are taken from the official annual financial report of the site NFPD. National Endowment for Democracy. Annual Reports (1984–1993). Available at: <http://www.ned.org/publications/annual-reports-1984-2004/>

12. National Endowment for Democracy. 1987 Annual Report. October 1, 1986 – September 30, 1987. Wash. 1987. P. 32.

13. National Endowment for Democracy. 1985 Annual Report. October 1, 1984 – September 30, 1985. Wash. 1985. P. 19.

14. National Endowment for Democracy. 1989 Annual Report. October 1, 1988 – September 30, 1989. Wash. 1989. P. 21.

15. Ibid. P. 27; National Endowment for Democracy. 1992 Annual Report. October 1, 1991 – September 30, 1992. Wash., 1992. P. 22.

16. National Endowment for Democracy. 1992 Annual Report. October 1, 1991 – September 30, 1992. Wash. 1992. P. 50.

17. Ibidem.

18. Ibid. P. 50–51.

19. National Endowment for Democracy. 1990 Annual Report. October 1, 1989 – September 30, 1990. Wash. 1990. P. 23.

20. *Blum W.* Killing Hope: US Military and CIA Interventions Since World War II. N. Y. 2003. Pp. 314–320.

21. National Endowment for Democracy. 1992 Annual Report. October 1, 1991 – September 30, 1992. Wash. 1992. P. 51.

22. U.S. Policy Toward Yugoslavia (NSC-NSDD-133) (March 19, 1984). Available at: <http://fas.org/irp/offdocs/nsdd/nsdd-133.htm>

23. *Quandt R. E.* The Changing Landscape in Eastern Europe: A Personal Perspective on Philanthropy and Technology Transfer. N. Y.: Oxford University Press. 2002. P. 27.

24. Open Society News. 2009. Fall. Available at: https://www.opensocietyfoundations.org/sites/default/files/opensocietynews_11052009.pdf Pp. 3–4.

25. *Zubok V. M.* *Neudavshayasya imperiya. Sovetskij Soyuz v holodnoj vojne ot Stalina do Gorbachyova* [Failed Empire. The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev]. M. 2011. P. 437.

26. *Flaherty S. L. Q.* Philanthropy without borders: US private foundation activity in Eastern Europe // *Voluntas : International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 1992. Vol. 3. № 3. P. 338.

27. Ibidem.

28. Cit. by: *Kengor P.* The Crusader: Ronald Reagan and the Fall of Communism. N. Y. : HarperCollins e-books. 2006. P. 289.

29. The list of foreign and international non-governmental organizations whose activities are deemed undesirable on the territory of the Russian Federation. Available at: <http://minjust.ru/ru/activity/nko/unwanted>

УДК: 94(73)"1969/1976":94(567)"1969/1976"

Иракские курды в политике США в 1969–1976 гг.

Сенников А. И.,

аспирант кафедры всеобщей истории и политических наук, Вятский государственный университет.
610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Аннотация: В статье исследуется американская политика в отношении движения иракских курдов при президентах Р. Никсоне и Дж. Форде. Рассматриваются проблемы взаимодействия Вашингтона с правительствами Ирана и Израиля. Оценивается степень важности для США курдского национального движения в Ираке в связи с подписанием советско-иракского договора о дружбе и сотрудничестве 1972 г. и арабо-израильским конфликтом 1973 г., а также в контексте американо-иранских отношений. Исследуется участие ЦРУ (при содействии САВАК и Моссад) в финансировании и снабжении оружием движения Барзани в период военной операции Багдада в Иракском Курдистане в 1974–1975 гг. Охарактеризованы причины сначала поддержки курдов Вашингтоном, а затем её свертывания. Показаны последствия тайных операций американских спецслужб как для иракских курдов, так и для руководства США в связи с докладом комиссии Пайка в 1976 г.

Ключевые слова: США, Ирак, Иран, Израиль, Иракский Курдистан, курды, Р. Никсон, Г. Киссинджер, Дж. Форд, М. Барзани, Ближний Восток, ЦРУ.

Iraqi Kurds in U.S. policy in 1969–1976

Sennikov A. I.

postgraduate student of the Department of general history and political science, Vyatka State University.
36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Abstract: The article explores the U.S. policy on the Kurdish issue under Presidential Board of R. Nixon and G. Ford. The author studies problems of Washington's interaction with the governments of Iran and Israel. The importance of the Kurdish national movement in Iraq for the United States is assessed in connection with the Soviet-Iraqi Treaty of Friendship and Cooperation of 1972 and the Arab-Israeli conflict of 1973, and also in the context of US-Iranian relations. The Author review participation of the USA participation of the CIA (with the assistance of SAVAK and the Mossad) in the financing and supply of arms to the Barzani movement during the military operation of Baghdad in Iraqi Kurdistan in 1974–1975. The author shows the reasons for the U.S. support of the Kurds, and then cut down of it. The consequences of the secret operations of American special services for both the Iraqi Kurds and the US lead-ersh are shown in connection with the report of the Pike commission in 1976.

Keywords: USA, Iraq, Iran, Israel, Iraqi Kurdistan, Kurds, R. Nixon, H. Kissinger, G. Ford, M. Barzani, Middle East, CIA.

Тема американо-советского противостояния в годы холодной войны привлекает внимание многих историков, региональные проявления этого противостояния широко представлены в современной историографии. Вместе с тем существует ряд вопросов, не раскрытых в отечественной исторической науке, например о месте иракских курдов в политике США при президентах Ричарде Никсоне и Джеральде Форде. Этот аспект был одним из краеугольных камней американской политики в зоне Персидского залива в 1970-е гг.

В советской историографии судьба иракских курдов в 1970-е гг. не рассматривалась ввиду политической конъюнктуры, поднимать вопрос о борьбе курдов в Ираке считалось неуместным. В то же время очерки истории курдов находили своё отражение в общих трудах по истории Ирака, Ирана и Турции. Внимание к борьбе иракских курдов за самоопределение в отечественной историографии концентрируется на политических процессах 1990-х гг. [1]

В американской историографии курдская проблематика стала занимать заметное место с начала 2000-х гг. В исследованиях, хронологически захватывающих 1970-е гг., она исследуется преимущественно в контексте американо-советской конфронтации периода холодной войны [2]. Л. Мехо и М. Нехме делают упор на то, что американская политика в отношении движения иракских курдов стала следствием желания ослабить «просоветский Ирак» и не дать распространиться советскому влиянию в зоне Персидского залива [3]. Р. Алванди, рассматривая американо-иранские отношения изучаемого периода, обратил внимание на место в них курдского вопроса. Также

роль Ирана как посредника в проведении американская политика в отношении движения иракских курдов была изучена Б. Гибсоном [4].

Интерес к курдскому вопросу в политике Соединённых Штатов Америки возник после антимонархической революции 14 июля 1958 г. в Ираке, когда у власти встали националистические силы во главе с премьер-министром Абдель Керим Касемом, ориентированные на сотрудничество с Советским Союзом. После начала Сентябрьского восстания курдов в 1961 г. разведывательные службы США стали уделять внимание курдскому национальному движению, а вскоре по поручению президента США Дж. Ф. Кеннеди начали налаживать тесные контакты с лидерами курдов [5]. Политика США в отношении Ирака и иракских курдов в 1964–1969 гг. преимущественно сводилась к наблюдению за внутрииракской ситуацией и поддержке Ирана в противовес баасистам [6].

Важным этапом в выстраивании американо-курдских отношений стало президентство Ричарда Никсона, после прихода к власти которого в 1969 г. американская ближневосточная политика стала претерпевать постепенные изменения. Движущих факторов для этого было два. Во-первых, решение Великобритании покинуть Ближний Восток к 1971 г., что делало США главным актором в этом регионе, противостоящим советскому влиянию. Во-вторых, наметившаяся радикализация обстановки в арабских государствах, в том числе в Ираке, что беспокоило главных союзников США – Израиль и Иран [7]. Они, в свою очередь, стали налаживать отношения с оппозиционными Багдаду силами – иракскими курдами Муллы Мустафы Барзани.

В 1969–1971 гг. Ирак и курды не были приоритетны в политике Вашингтона. Эта позиция была зафиксирована на заседании Совета национальной безопасности 1 февраля 1969 г. [8] Курдская проблематика обсуждалась в контексте турецко-иракских отношений, которые строились на базе совместного противостояния курдским восстаниям.

25 июля 1969 г. Никсон преподнёс общественности «Гуамскую доктрину» [9], в которой поднимался вопрос о том, что Америка не может нести ответственность за безопасность всех свободных государств в одиночку, и этим государствам необходимо самим позаботиться о своей защите при поддержке и дружеской помощи США. Так была представлена идея регионализации мировой политики, в том числе на Ближнем Востоке, уточнённая в обращении президента 3 ноября 1969 г. [10] Этой ситуацией воспользовался иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви, желавший стать региональным полицейским [11].

Шах Пехлеви активно сотрудничал с курдским национальным движением с 1960-х гг. [12], имел хорошие отношения с Барзани, лидером Демократической партии Курдистана (ДПК) [13]. В 1970–1971 гг., пока сохранялся относительный мир между иракским правительством и курдами, вследствие заключённого ещё в 1970 г. соглашения, подписанного Саддамом Хуссейном и Барзани, о предоставлении в четырёхлетний срок автономии Иракскому Курдистану, Иран занимался снабжением и тренировкой курдских вооружённых формирований пешмерга [14]. Вашингтон знал о действиях шаха и одобрял их. Продолжала работать программа Центрального Разведывательного Управления США (ЦРУ), принятая ещё при Л. Джонсоне, предусматривавшая отслеживание ситуации в баасистском Ираке [15]. Так, в марте 1970 г. ЦРУ предоставило президенту и советнику по национальной безопасности Г. Киссинджеру доклад о том, что Советский Союз контролирует ситуацию в регионе, с одной стороны удерживая Ирак от развязывания конфликта с Израилем (на что у Ирака имелись возможности ввиду присутствия их войск в Иордании), с другой – от притеснений курдов [16].

Помимо Ирана, движение Барзани продолжал поддерживать Израиль, для которого существовала реальная угроза очередного витка конфликта с арабами. Во время встречи 17 марта 1970 г. Киссинджера с израильским послом Ицхаком Рабином последний пытался донести до помощника президента США по национальной безопасности мысль о том, что на Ближнем Востоке нарастает опасность нового арабо-израильского конфликта, в котором может принять участие Ирак [17]. В свою очередь Киссинджер заверил, что Соединённые Штаты внимательно следят за ситуацией вокруг Израиля и готовы его поддержать, но оказать давление на Египет или Ирак в данном случае не могут [18]. Израильтянам приходилось действовать собственными силами, в том числе подготавливая вооружённую оппозицию в лице курдских национальных сил путем поставок вооружения и снабжения. Моссад использовал территорию, подконтрольную ДПК, для разведывательной деятельности в Ираке и Иране [19]. Барзани и его ближайшее окружение рассматривали отношения с Ираном и Израилем как возможность установить связи с США [20].

Однако у администрации Никсона не было повода подозревать, что советское влияние в Ираке существенно усиливается. В июле–августе 1970 г. в Ираке началось преследование оппозиционных партии Баас сил, в том числе коммунистов. С американской точки зрения, репрессии

против иракских коммунистов (ИКП) были позитивным событием, но отсутствие дипломатических отношений, разорванных ещё в 1967 г., не позволило администрации Никсона что-либо предпринять [21]. В свою очередь в советско-иракских отношениях, по заявлениям американских дипломатов в Москве, наметилось «охлаждение». Это, как представляли в госдепартаменте, было связано, в том числе, и с курдским вопросом, так как СССР старался сдерживать иракское правительство от жестких акций, дабы сохранить стабильность вблизи советских границ [22]. Доклады ЦРУ также подтверждали ухудшение советско-иракских отношений [23]. Для курдов осложнения с багдадским режимом начались в декабре 1970 г., когда было предпринято покушение на старшего сына Барзани Идриса. Лидеры ДПК поспешили связать эти события с желанием иракцев отказаться от плана мирного урегулирования и предоставления автономии. Барзани попытался наладить контакты с американцами через посредничество Ирана по линии САВАК-ЦРУ и по дипломатическим каналам. Так, 8 июля 1971 г. дипломатический представитель Барзани Зайид Отман посетил американского посла в Бейруте, где попытался договориться о поддержке и материальной помощи для курдского движения, сообщив, что их уже поддержали Израиль и Саудовская Аравия [24]. Американский представитель заверил Отмана, что передаст его обращение в Вашингтон, однако сообщил, что США не намерены отходить от практики невмешательства в дела арабских стран.

Ситуация в регионе для США стала меняться после вывода британских сил из зоны Персидского залива. В декабре 1971 г. начался дипломатический конфликт между Ираном и Ираком из-за захвата иранскими силами спорных островов в заливе, оставленных британцами. Ирак, также претендовавший на острова, поспешил ответить путем развертывания в районе пограничной реки Шатт-эль-Араб своих сил [25]. На фоне этих событий наибольшей неожиданностью для американцев оказалось потепление в советско-иракских отношениях. Правительство Ирака согласилось прекратить преследования коммунистов и сформировать с их участием Народный фронт, куда также были приглашены курды. Конфликт удалось погасить путём переговоров в январе 1972 г., однако в целом он повлиял на американскую позицию по Ираку.

Поскольку многие лидеры ДПК отказались от иракского предложения войти в Народный фронт, СССР, по мнению Б. Гибсона, дал разрешение Багдадскому режиму разобраться с Барзани [26]. Финальным событием, побудившим США начать активно помогать курдам, как отмечает британский историк И. Феллер, послужило подписание в апреле 1972 г. договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Ираком. Для Никсона этот договор означал создание плацдарма для укрепления советского влияния на Ближнем Востоке. От официальных заявлений Вашингтон, однако, воздержался, поскольку в это время важнее было проводить политику разрядки [27]. В книге «Годы обновления» Г. Киссинджер отметил, что визит советского премьера А. Н. Косыгина в Багдад в апреле 1972 г. заставил руководство США пересмотреть политику невмешательства [28]. Советско-иракский договор о дружбе превращал Ирак в союзника СССР в регионе и главную геополитическую угрозу.

Политика США пришла в действие после визита президента Никсона и Киссинджера в Тегеран 30–31 мая 1972 г., где они встретились с шахом Пехлеви [29]. Эта встреча до сих пор остаётся до конца не оценённой в исторической науке, хотя она привела к далеко идущим последствиям. Именно после этого Вашингтон сделал ставку на полную поддержку Ирана в регионе (отход от политики «двух подушек» Джонсона – одновременную опору на Иран и Саудовскую Аравию) [30]. Шах согласился с доводами Киссинджера о необходимости начать массовую закупку товаров военного производства для усиления своей страны, и, в то же время, смог убедить президента США дать согласие на повышение цен на нефть в обход решений ОПЕК. Как отметил Р. Альванди, принятые решения привели к развитию у шаха мании величия: он начал считать Иран региональным гегемоном, постепенно терял контроль за внутрииранской ситуацией, что, в конце концов, привело к исламской революции 1979 г. [31] К концу 1972 г. общая сумма американской помощи Ирану составила 1,8 млрд долл., а к концу 1975 г. – порядка 4 млрд долл. [32] На эти деньги производилась активная закупка американского вооружения: к 1974 г. Иран затратил 6 млрд долл. на приобретение у США военной техники, что составило порядка 70% всех американских военных продаж [33]. В связи с этим курды, поддерживаемые и частично контролируемые Ираном, рассматривались Белым домом как инструмент в противостоянии с «баасистским просоветским Багдадом» [34]. Осмыслив усиление влияния СССР в непосредственной близости от Персидского залива – зоны, которую США считали жизненно важной для своих национальных интересов, – Вашингтон стал более активно интересоваться проблемой иракских курдов. Курды оценивались американскими военными стратегами как эффективное средство сдерживания иракских вооруженных сил: до двух третей иракских дивизий находились на границе с Иракским

Курдистаном на случай возобновления военных действий и для поддержания порядка в нефтеносном районе Киркук [35].

Начиная с марта 1972 г. по каналам ЦРУ в Иран стали поступать средства для Барзани в виде денежной помощи и немаркированного вооружения (югославского, китайского и американского производства) [36]. Как отмечает британский историк Л. Мехо, США с августа 1972 по март 1975 г. потратили на поддержку иракских курдов порядка 20 млн долл. [37] Киссинджер в своих мемуарах пишет о том, что США и их союзники тратили порядка 5 млн долл. в год, и по меркам холодной войны это «были небольшие затраты» [38]. Вместе с тем в меморандуме от 28 июля 1972 г. директор ЦРУ Р. Хэлмс сообщал Киссинджеру о том, что курдам понадобится 18 млн долл. ежегодно, чтобы сохранять обороноспособность; половину этой суммы готов был обеспечивать Иран, остальную можно было собрать из «внешних источников» (Израиль, Саудовская Аравия и сами США), причем американская доля не должна была превышать 3 млн, чтобы «не вызывать подозрений у Советов» [39]. Кроме того, по просьбе шаха американские дипломаты связались с турецким правительством, чтобы в нужном свете выставить ирано-курдские отношения [40]. С этого момента государственный департамент официально стал разграничивать турецких и иракских курдов.

В 1972–1973 гг. Белый дом вёл с Багдадом двойную игру: в то время как ЦРУ занималось снабжением курдских сил, госдепартамент направлял своих представителей в Багдад, чтобы, с одной стороны, завуалировать американское участие, а с другой – способствовать налаживанию американо-иракских отношений. В июле 1972 г. в Багдаде была открыта миссия по представительству интересов США, возглавляемая А. Лоури. При этом госсекретарь Роджерс и его починенные находились в неведении относительно настоящей политики в отношении курдов, поскольку дипломатическому корпусу не доверяли ни Никсон, ни Киссинджер [41]. Изменения произошли и в дипломатической миссии в Иране: Ричард Хэлмс, бывший директор ЦРУ, был назначен в марте 1973 г. послом в Иран, оказавшись идеальным кандидатом на эту роль: он знал о тайной операции по поддержке курдов, был в дружеских отношениях с шахом Пехлеви и Киссинджером [42].

В июле 1973 г. Барзани посетил Тегеран, где получил аудиенцию у шаха и надеялся на встречу с Хэлмсом. Однако, чтобы не вызвать ложных домыслов, американский посол от встречи отказался, перепоручив её своим помощникам [43]. Сам Хэлмс на встрече с Киссинджером 23 июля 1973 г. скептически отозвался о способности курдов противостоять иракским силам, снабженным советским оружием, поэтому он считал нецелесообразным поставлять курдам наступательное вооружение (танки, артиллерию). Киссинджер согласился с этим доводом и предложил вкладывать денег столько, сколько потребуется для того, чтобы «держать курдов на удалении от Иракского правительства» [44]. Он весьма красноречиво выразил позицию Белого дома: «Я хочу, чтобы у членов Политбюро в Москве было такое расположение духа, при котором они не захотят втягиваться в ближневосточные авантюры <...>, чтобы Ирак казался им бездонной ямой» [45]. Киссинджер соглашался с Хэлмсом в оценке возможностей курдов и утверждал, что президент не станет поощрять ни Барзани, ни шаха на эскалацию конфликта.

До октября 1973 г. американцы предпочитали роль стороннего наблюдателя за ситуацией в Ираке, однако с началом нового арабо-израильского конфликта им пришлось активнее включиться в проблему. Израиль пытался поднять иракских курдов на войну с Багдадом и просил американцев способствовать в этом вопросе. Посольство США в Тегеране через ЦРУ рекомендовало лидерам ДПК организовать серию локальных нападений на иракские посты, чтобы сковать их силы и удержать от вмешательства. Барзани, не желая, с одной стороны, оказаться предателем в глазах исламского мира, а с другой, понимая, что не имеет достаточных ресурсов для ведения войны, не спешил следовать американским рекомендациям. Киссинджер отмечает, что в США понимали, что курдам не удастся оказать серьезного сопротивления иракской армии на этом этапе, поэтому не слишком давили на Барзани, в то же время стараясь показать Тель-Авиву, что они предпринимают попытки возбудить курдов против Багдада [46]. Эта политика, как покажут последующие события, в краткосрочной перспективе позволила Ираку перебросить части на защиту Дамаска, что сыграло свою роль в Октябрьской войне [47], а в долгосрочной дало возможность Ираку развернуть достаточные силы, чтобы разбить курдские вооруженные формирования в Южном Курдистане.

Одновременно с этим, как отмечается в работах ряда историков, даже непрямая поддержка американцев способствовала тому, что курдские лидеры считали себя способными противостоять любому наступлению Ирака. Однако курды были излишне самоуверенны и не вполне адекватно оценивали союзнический потенциал США и состояние собственной боеготовности [48].

11 марта 1974 г. Багдад дал Барзани 15 дней на принятие нового закона об автономии, который был «далёк от того, что баасистский режим обещал в 1970 г.» [49]. Историки отмечают, что из-за своей целеустремленности иракские курды пошли на отказ от предоставленной Багдадом «усеченной» автономии и начали новый виток военного противостояния с правительством [50]. По этому поводу Киссинджер впоследствии писал: «...прежде всего, нам следовало бы лучше понять, что курды могут оказаться изменчивыми партнерами, которых трудно вписать в какую-либо общую стратегию <...>, их главной целью было обрести независимость или, по крайней мере, полную автономию, и они всегда будут сопротивляться попыткам изменения своих приоритетов <...>, а качества, которые вдохновляют их на смелость, одновременно делают их негибкими» [51]. С самого начала США выступили с осуждением агрессии Ирака в отношении курдов, однако каких-либо активных действий ни на международном уровне, ни в ООН, ни в рамках двусторонних американо-иракских отношений Вашингтон не предпринимал. По заверениям иранского шаха, возобновление военных действий между иракскими силами и курдскими повстанцами было единственным способом предотвратить новый виток арабо-израильского конфликта [52]. Ситуационный анализ, проведенный ЦРУ, подтверждал, что сдерживание иракских сил курдами способствует снижению вероятности возобновления арабо-израильской войны [53].

В ходе летней наступательной кампании (в мае–августе 1974 г.) иракским вооруженным силам удалось сломить курдскую оборону и загнать повстанцев в горные районы Северного Ирака, прижав их к границе с Ираном. Барзани пытался организовать встречу с американцами в Тегеране, однако Хэлмс вел переговоры о поддержке курдов только через посредников или через шаха Пехлеви [54]. Посольство в Тегеране передавало курдские запросы об увеличении помощи в Вашингтон, однако уже в конце июля Скоукрофт сообщил Хэлмсу, что возможности для поддержки курдов достигают тех пределов, при которых эту помощь можно сохранить в тайне от Конгресса и международного сообщества. Скоукрофт пообещал обсудить ситуацию с госсекретарем и министром финансов, а также привлечь СМИ к курдской проблеме [55].

Начиная с мая 1974 г. иракские военные обнаружили у курдов оружие, произведенное, по мнению иракских специалистов, в Америке. Американский дипломатический представитель в Багдаде Лоури, проинструктированный Киссинджером и Хэлмсом, сообщал представителям Иракского правительства, что США не имеют никакого отношения к найденному оружию [56]. Как пишет Гиббсон, Лоури действовал от чистого сердца и полагал, что американские власти не имеют отношения к вооружению курдов [57].

В августе 1974 г. в США произошли крупные политические изменения: Никсон ушёл в отставку, а его место занял вице-президент Дж. Форд. На первом заседании Совета национальной безопасности 26 августа 1974 г. Киссинджер и Скоукрофт ознакомили нового президента с курдской проблемой [58]. К ноябрю 1974 г. стала вырисовываться возможность военного поражения курдов. Чтобы не дать силам Барзани пасть, шах был вынужден послать в Иракский Курдистан собственных военных, переодетых в курдов. Это создавало предпосылки к перерастанию конфликта из внутренне-иракского в международный – ирано-иракский, что было для Вашингтона крайне нежелательным. В ЦРУ тщательно следили за вовлеченностью иранских сил в конфликт и старались во взаимодействии с иранской службой безопасности САВАК дезавуировать вовлеченность в иракские дела [59]. Тем не менее в декабре 1974 г. иракцы начали предъявлять претензии по поводу участия иранских вооружённых сил в военной операции Багдада против курдов и грозили начать военные действия против Ирана, о чем шах тут же сообщил президенту США и госсекретарю [60]. Это заставило Форда в конце 1974 г. дать поручению Киссинджеру, провести переговоры о поддержке курдских сил Израилем, чтобы предотвратить крах курдского сопротивления и, в случае начала ирано-иракского конфликта, помочь сдержать арабские силы [61].

В январе 1975 г. американские спецслужбы представили доклад, в котором говорилось о том, что в Багдаде нарастает усталость от ведения войны, представитель гражданского крыла партии Баас Саддам Хуссейн готов пойти на уступки иранцам, чтобы как можно скорее завершить внутренний конфликт. В докладе также указывалось, что между Хуссейном и президентом аль-Бакром нарастают трения по поводу взаимоотношений с Советским Союзом. Хуссейн, как сообщалось в докладе, был готов отойти от тесных связей с СССР ради достижения компромисса с Тегераном, а через него – и с западными странами. Аналитики ЦРУ полагали, что шах может и готов пойти на сговор с Багдадом ввиду военных поражений курдов [62]. Этот вопрос был включён в повестку дня американского внешнеполитического ведомства, и 12 февраля 1975 г. на встрече в Цюрихе Киссинджер обсудил вопрос с шахом Пехлеви [63]. Тот настаивал на том, что продолжит поддерживать курдское движение.

Однако уже 19 февраля 1975 г. Пехлеви сообщил Киссинджеру, что собирается встретиться с иракским представителем Саддамом Хуссейном для переговоров о возможности закрепления существующей демаркации границы между Ираном и Ираком (предмет многолетних споров между двумя странами) в обмен на отказ от поддержки Ираном иракских курдов [64]. Для Вашингтона это не стало откровением. Возможность перерастания внутренней борьбы с курдами в ирано-иракскую войну, а также заверения арабских лидеров (президента Египта А. Садата, иорданского короля Хуссейна и лидера Алжира Х. Бумедьена), что Саддам Хуссейн готов порвать с советским влиянием, как только завершится война на Севере Ирака и будут заключены договоры с Ираном, сподвигли Форда на согласие с решением шаха [65].

6 марта 1975 г. в Алжире шах Пехлеви и Саддам Хуссейн подписали соглашение о демаркации границ. Вернувшись из Алжира, 12 марта шах пригласил к себе Барзани и сообщил, что прекращает всякую помощь курдам. В тот же день Барзани написал письмо президенту США Форду и госсекретарю Киссинджеру: «Новая ситуация, сложившаяся для нашего народа и наших воинов, – ситуация безнадежности. Наш народ находится перед лицом великого предательства. Я буду краток и хочу попросить вас выполнить обещания, данные нашему народу. Для сохранения наших жизней <...> мы нуждаемся в вашем благородном решении» [66]. 17 марта Киссинджер ответил Барзани письмом: «Мы понимаем, что тяжелые решения, с которыми пришлось столкнуться курдскому народу, вызывают у него глубокую скорбь. Мы хотим выразить глубокое уважение и восхищение курдским народом, который выдержал множество несправедливостей и предательств. Наши молитвы с вами» [67]. США выделили 1 млн долл. на обеспечение нужд курдских беженцев, которым пришлось покинуть родину и остаться в Иране [68].

Американские спецслужбы продолжали следить за ситуацией в Иракском Курдистане до 1976 г. [69] Заключительным штрихом стал доклад, подготовленный аналитиками ЦРУ «Ирак под управлением “Баас”, 1968–1976 гг.», где рассматривалась и курдская проблема [70].

Неудача США в Иракском Курдистане, бегство тысяч курдов в Иран и Турцию, пребывание Барзани в США вызвали всплеск общественной критики. В сентябре 1976 г. глава комитета по надзору за деятельностью спецслужб США О. Пайк выступил в Конгрессе с докладом о нелегальной активности ЦРУ в период ирако-курдского конфликта, представив в негативном ключе усилия президентской администрации [71]. Несмотря на то что доклад не был официально опубликован, его черновой вариант заполучили СМИ. Это нанесло удар по престижу как Киссинджера, так и президента Форда.

Курдская проблема для США при президентах Никсоне и Форде была значимой с точки зрения геополитики и поддержки регионального баланса. Американская администрация наблюдала и поддерживала курдское движение, однако не собиралась выступать против суверенитета Ирака, сблизившегося с Советским Союзом, и втягиваться в очередной военно-политический конфликт.

Рассматриваемый этап американо-курских отношений характеризовался сложной международной обстановкой. В этот период политика США на Ближнем Востоке формировалась с ориентацией на позиции Ирана, Саудовской Аравии и Израиля. Курды нужны были американцам как средство давления на Ирак. Вместе с тем Вашингтон декларировал намерение добиваться разрядки международной напряженности, в первую очередь в отношениях с СССР. Данное обстоятельство учитывалось при выстраивании ближневосточной политики, поскольку Ирак, после второго баасистского переворота ориентировавшийся на Советский Союз, вел борьбу с курдами, поддерживаемыми проамериканским Ираном. Подобная линия конфронтации устраивала американских политиков до тех пор, пока не возникал очередной открытый конфликт между Ираком и Ираном, который в свою очередь мог привести к началу нового витка напряженности в советско-американских отношениях. И в это же самое время Соединённые Штаты завершали войну во Вьетнаме, которая сильно повлияла на американское общественное мнение, и начало новой военной операции не было бы поддержано ни обществом, ни Конгрессом. В совокупности факторов становится очевидно, что при всём желании администрация Форда не могла оказать поддержку курдам, которая требовалась в момент ирако-курдского конфликта 1974–1975 гг. Курды оказались жертвами обстоятельств, когда и Иран не хотел начинать открытую конфронтацию с соседом и, более того, имел возможность избежать её с политической выгодой. После разгрома движения Барзани в 1975 г. курды на долгое время ушли из активной повестки американской политики, вплоть до начала ирано-иракского конфликта 1980–1988 гг.

Примечания и список литературы

1. См.: Арабский мир в конце XX века / под ред. Б. Г. Сейраняна, А. О. Филоника. М., 1996; Арабский мир и сопредельные страны: история и современность. Томск, 2008; Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В. Т. Юнгблюд. Киров, 2014; Воробьева Т. А., Юнгблюд В. Т. Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. // Вопросы истории 2016. № 10. С. 105–125; Мгои Ш. Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М. : Наука, 1991; Чернова А. Ф. Курдская проблема в ирано-иракских отношениях второй половины XX века // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 1. С 99–101.
2. Voller Y. The Kurdish liberation movement in Iraq: from insurgency to statehood. N. Y. : Routledge / Taylor & Francis Group, 2014.
3. См.: Kurdish question in U.S. foreign policy: a documentary sourcebook / [compiled by] Lokman I. Meho. Westport, Conn. : Praeger, 2004.
4. См.: Alvandi R. Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War. Oxford : Oxford University Press. 2014; Gibson B. Sold out? US foreign policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2015.
5. В данном случае американское восприятие советской внешней политики брало начало ещё от представлений Дж. Ф. Кеннана. См.: Юнгблюд В. Т. Джордж Ф. Кеннан об устойчивых факторах советской внешней политики (1931–1941 гг.) // Россия и Америка в XXI веке. 2007. № 1. С. 10; Central Intelligence Bulletin, June 27, 1963 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a007100120001-9>
6. Foreign Relations of the United States, 1964–1968. Vol. XXII. P. 242. (Далее – FRUS); Gibson B. Op. cit. P. 40.
7. Юнгблюд В. Т. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. М., 2012 // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 226–229; Alvandi R. Op. cit. P. 138–139; Gibson B. Op. cit. P. 112.
8. FRUS, 1969–1976. Vol. XXIII. P. 16.
9. Воробьева Т. А. Вьетнамский фактор в советско-американо-китайских отношениях и разрядка международной напряжённости (1964–1973) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 11. С. 6. Доктрина получила название по месту произнесения речи Никсона – острову Гуам.
10. Речь Никсона была посвящена войне во Вьетнаме и её «вьетнамизации» – т. е. регионализации. Эта точка зрения повлияла на принятие и других внешнеполитических решений, в том числе на Ближнем Востоке. См.: Nixon R. Address to the Nation on the War in Vietnam. 1969. November 3 // Richard Nixon Presidential Library and Museum. URL: https://www.nixonlibrary.gov/forkids/speechesforkids/silentmajority/silentmajority_transcript.pdf; в то же время, как отмечает Т. А. Воробьева, новая американская доктрина не означала отказ США от лидерства в мире. См.: Воробьева Т. А. Вьетнамский фактор в советско-американо-китайских отношениях и разрядка международной напряжённости (1964–1973) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 11. С. 6.
11. Gibson B. Op. cit. P. 19; Alvandi R. Op. cit. P. 161; Meho L., Nehme M. Op. cit. P. 21; FRUS, 1969–1976. Vol. XXIV. P. 259. 1 декабря 1971 г. – Великобритания предоставляет независимость Объединенным Арабским Эмиратам и уходит из зоны Персидского залива. Ведущая роль переходит к США, с опорой на Иран и Саудовскую Аравию.
12. Чернова А. Ф. Курдская проблема в ирано-иракских отношениях второй половины XX века // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 1. С. 99.
13. FRUS, 1969–1976. Vol. XXVII. P. 103.
14. Чернова А. Ф. Указ соч. С. 100.
15. FRUS, 1969–1976. Vol. XXVII. P. 104.
16. Central Intelligence Bulletin, March 31, 1970 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a015900040001-1>; FRUS, 1969–1976. Vol. XII. P. 414.
17. FRUS, 1969–1976, Vol. XXIII. P. 346.
18. Ibid. P. 348.
19. Khosravi J., Kalhori J., Hamemmorad L. The Presence of Israel in Iraqi Kurdistan and its Security Challenges for Iran's National Security // Journal of Politics and Law; Vol. 9. № 7; 2016. P. 171. URL: <http://dx.doi.org/10.5539/jpl.v9n7p169>
20. Ibid. P. 172.
21. Gibson B. Op. cit. P. 126.
22. FRUS, 1969–1976, Vol. E–4. Doc. 274. Telegram 4546 From the Embassy in Moscow to the Department of State, August 13, 1970, 1530Z // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve04/d274>
23. Ibid. Doc. 275. Central Intelligence Agency Information Cable, Washington, August 24, 1970 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve04/d275>
24. Gibson B. Op. cit. P. 128–129.
25. Cottam R. American policy and the Iranian crisis // Iranian Studies. 1980. Vol. 13. Issue 1–4. P. 290.
26. Gibson B. Op. cit. P. 130.
27. Voller Y. Op. cit. P. 55.
28. Kissinger H. Years of Renewal. N. Y. : Simon & Schuster, 1999. P. 581.

29. FRUS, 1969–1976, Vol. E–4. Doc. 201. Memorandum of Conversation, Tehran, May 31, 1972. P. 1. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve04/d201>
30. Interview with Harold H. Saunders. November 24, 1993 // The Foreign Affairs Oral History Collection of the Association for Diplomatic Studies and Training. URL: <http://hdl.loc.gov/loc.mss/mfdip.2004sau01>
31. *Alvandi R.* Op. cit. P. 173.
32. U.S. Military sales to Iran: a staff report. URL: https://archive.org/stream/usmilit00unit/usmilit00unit_djvu.txt
33. *Guittard A.* Iran and the Nixon doctrine. American Arms and the Rise and Fall of the Shah // Elements. Vol. 12. № 2. 2016. P. 62. URL: <https://doi.org/10.6017/eurj.v6i1.9025>
34. *Kissinger H.* Years of Renewal. P. 583.
35. *Meho L., Nehme M.* Op. cit. P. 21.
36. Intention of Kurdish leader Al-Barzani to approach the United States Government for assistance March 9, 1972 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0005715730>;
37. *Meho L., Nehme M.* Op. cit. P. 22.
38. *Kissinger H.* Years of Renewal. P. 584.
39. FRUS, 1969–1976. Vol. E–4. Doc. 321. Memorandum From the President's Deputy Assistant for National Security Affairs (Haig) to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger), Washington, July 28, 1972 // URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve04/d321>
40. FRUS, 1969–1976. Vol. E–4. Doc. 201. Memorandum of Conversation, Tehran, May 31, 1972. P. 3. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve04/d201>
41. *Gibson B.* Op. cit. P. 144.
42. *Ibid.* P. 143.
43. FRUS 1969–1976. Vol. XXVII. P. 80.
44. *Ibid.* P. 80–81.
45. *Ibid.* P. 81.
46. *Kissinger H.* Years of Renewal. P. 586.
47. Четвёртая арабо-израильская война (6–24 октября 1973 г.). О роли Ирака в войне см.: *Terrill A.* Iraq's role in the 1973 Arab-Israeli War // Small Wars & Insurgencies. 2000. Vol. 11. Issue 3. P. 1–20.
48. *Gibson B.* Op. cit. P. 148; *Meho L., Nehme M.* Op. cit. 21; *Voller Y.* Op. cit. P. 56.
49. Iraq-Kurds – FBIS report of military moves, March 28, 1974 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp78s01932a000100030061-8>
50. *Gibson B.* Op. cit. P. 167.
51. *Kissinger H.* Years of Renewal. P. 584.
52. Cable to White House from Tehran, April 17, 1974 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/loc-hak-173-6-23-8>
53. Central Intelligence Bulletin, May 9, 1974 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a026400120001-5>
54. Cable to the White House from Tehran, July 8, 1974 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/loc-hak-173-7-5-7>
55. Cable to ambassador Helms from Brent Scowcroft, July, 1974 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/loc-hak-173-7-8-4>
56. FRUS, 1969–1976. Vol. XXVII. P. 236.
57. *Gibson B.* Op. cit. P. 160.
58. Memorandum of conversation, August 26, 1974 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/loc-hak-173-7-11-0>
59. Watch report, November 7, 1974 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp93t01468r000100060006-7>
60. Backup, December 17, 1974 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp93t01468r000100050019-4>
61. FRUS 1969–1976. Vol. XXVII. P. 274.
62. Iraq: New Directions? January 21, 1975 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp85t00353r000100130006-6>
63. FRUS, 1969–1976. Vol. XXVII. P. 310.
64. *Ibid.* P. 311.
65. *Gibson B.* Op. cit. P. 181; *Meho L., Nehme M.* Op. cit. 22–23.
66. *McDowall D.* Op. cit. P. 336.
67. FRUS 1969–1976. Vol. XXVII. P. 410.
68. *Gibson B.* Op. cit. P. 205.
69. The Implications of the Iran-Iraq agreements, May 1, 1975 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79r01142a000500050002-7>
70. Iraq under Baath rule, 1968–1976, November 1, 1976 // CIA FOIA. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00889a000900040001-6>
71. U.S. House. Hearings Before the Committee on Standards of Official Conduct. Investigation of Publication of Select Committee on Intelligence Report. 94th Congress, 2nd session. July 19, 20, 21, 22, 26, 27, 28 and 29, September 8, 14, 15, 1976. URL: <https://archive.org/details/PikeCommitteeReport>

Notes and References

1. See: *Arabskij mir v konce XX veka* - The Arab world in the late XX century / ed. by B. G. Seyranyan, A. O. Filonik. M. 1996; *Arabskij mir i sopredel'nye strany: istoriya i sovremennost'* - The Arab world and neighboring countries: history and modernity. Tomsk. 2008; *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SSHA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939-1947 gg.* - Opposing courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Middle East in 1939-1947 / resp. ed. V. T. Jungblut. Kirov. 2014; *Vorob'yova T. A., YUngblyud V. T. Afganistan v politike SSSR i SSHA v 1979 g.* [Afghanistan policy of the USSR and the USA in 1979] // *Voprosy istorii* - Questions of history. 2016, No. 10, pp. 105-125; *Mgoi SH. H. Kurdskiy nacional'nyj vopros v Irake v novejshee vremya* [The Kurdish national issue in Iraq in recent times]. M. Nauka. 1991; *CHernova A. F. Kurdskaia problema v irano-irakskikh otnosheniyah vtoroj poloviny XX veka* [Kurdish problem in Iran-Iraq relations in the second half of the twentieth century] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* - Society. Environment. Development (Terra Humana). 2011, No. 1, pp. 99-101.
2. *Voller Y.* The Kurdish liberation movement in Iraq: from insurgency to statehood. N. Y. : Routledge / Taylor & Francis Group, 2014.
3. See: Kurdish question in U.S. foreign policy: a documentary sourcebook / [compiled by] Lokman I. Meho. Westport, Conn. Praeger. 2004.
4. See: *Alvandi R.* Nixon, Kissinger, and the Shah: The United States and Iran in the Cold War. Oxford : Oxford University Press. 2014; *Gibson B.* Sold out? US foreign policy, Iraq, the Kurds, and the Cold War. N. Y. Palgrave Macmillan. 2015.
5. In this case, the American perception of Soviet foreign policy was rooted more from the views of John F. Kennan. See: *Dzhordzh F. Kennan ob ustojchivyyh faktorah sovetskoj vneshnej politiki (1931-1941 gg.)* [George F. Kennan about the sustainable factors of Soviet foreign policy (1931-1941)] // *Rossiia i Amerika v XXI veke* - Russia and America in the XXI century. 2007, No. 1, p. 10; Central Intelligence Bulletin, June 27, 1963 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a007100120001-9>
6. Foreign Relations of the United States, 1964-1968. Vol. XXII. P. 242. (Далее – FRUS); *Gibson B.* Op. cit. P. 40.
7. *YUngblyud V. T.* *Mnogostoronnyaya diplomatiya v bipolyarnoj sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij.* [Multilateral diplomacy in a bipolar system of international relations]. M. 2012 // *Novaya i novejschaya istoriya* - New and newest history. 2014, No. 3, pp. 226-229 ; *R. Alvandi Op. cit. P. 138-139; Gibson B. Op. cit. P. 112.*
8. FRUS, 1969-1976. Vol. XXIII. P. 16.
9. *Vorob'yova T. A.* *V'etnamskiy faktor v sovetsko-amerikano-kitajskikh otnosheniyah i razryadka mezhdunarodnoj napryazhyonnosti (1964-1973)* [Vietnamese factor in the Soviet-US-China relations and détente (1964-1973)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* - Herald of Vyatka State University. 2016, No. 11, p. 6. The doctrine was named after the place of the speech Nixon – the island of Guam.
10. Nixon's speech was devoted to the war in Vietnam and its "vietnamization" – i.e., regionalization. This view influenced the adoption of other foreign policy decisions, including in the Middle East. See: Nixon R. Address to the Nation on the War in Vietnam. 1969. November 3 // Richard Nixon Presidential Library and Museum. Available at: https://www.nixonlibrary.gov/forkids/speechesforkids/silentmajority/silentmajority_transcript.pdf; at the same time, as noted by T. A. Vorobyov, the new us doctrine did not mean the failure of U.S. leadership in the world. See: *Vorob'yova T. A.* *V'etnamskiy faktor v sovetsko-amerikano-kitajskikh otnosheniyah i razryadka mezhdunarodnoj napryazhyonnosti (1964-1973)* [Vietnamese factor in the Soviet-US-China relations and détente (1964-1973)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* - Herald of Vyatka State University. 2016, No. 11, p. 6.
11. *Gibson B.* Op. cit. P. 19; *Alvandi R.* Op. cit. P. 161; *Meho L., Nehme M.* Op. cit. P. 21; FRUS, 1969-1976. Vol. XXIV. P. 259. 1 Dec 1971 – Britain grants independence to the United Arab Emirates, and out of the Persian Gulf. The leading role goes to the USA, relying on Iran and Saudi Arabia.
12. *CHernova A. F.* *Kurdskaia problema v irano-irakskikh otnosheniyah vtoroj poloviny XX veka* [The Kurdish problem in Iran-Iraq relations in the second half of the twentieth century] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* - Society. Environment. Development (Terra Humana). 2011, No. 1, p. 99.
13. FRUS, 1969-1976. Vol. XXVII. P. 103.
14. *CHernova A. F.* Op. cit. P. 100.
15. FRUS, 1969-1976. Vol. XXVII. P. 104.
16. Central Intelligence Bulletin, March 31, 1970 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a015900040001-1>; FRUS, 1969-1976. Vol. XII. P. 414.
17. FRUS, 1969-1976, Vol. XXIII. P. 346.
18. Ibid. P. 348.
19. *Khosravi J., Kalthori J., HamehMorad L.* The Presence of Israel in Iraqi Kurdistan and its Security Challenges for Iran's National Security // *Journal of Politics and Law*; Vol. 9. № 7; 2016. P. 171. Available at: <http://dx.doi.org/10.5539/jpl.v9n7p169>
20. Ibid. P. 172.
21. *Gibson B.* Op. cit. P. 126.
22. FRUS, 1969-1976, Vol. E-4. Doc. 274. Telegram 4546 From the Embassy in Moscow to the Department of State, August 13, 1970, 1530Z // Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve04/d274>
23. Ibid. Doc. 275. Central Intelligence Agency Information Cable, Washington, August 24, 1970 // Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve04/d275>

24. Gibson B. Op. cit. Pp. 128–129.
25. Cottam R. American policy and the Iranian crisis // Iranian Studies. 1980. Vol. 13. Issue 1–4. P. 290.
26. Gibson B. Op. cit. P. 130.
27. Voller Y. Op. cit. P. 55.
28. Kissinger H. Years of Renewal. N. Y. : Simon & Schuster, 1999. P. 581.
29. FRUS, 1969–1976, Vol. E-4. Doc. 201. Memorandum of Conversation, Tehran, May 31, 1972. P. 1. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve04/d201>
30. Interview with Harold H. Saunders. November 24, 1993 // The Foreign Affairs Oral History Collection of the Association for Diplomatic Studies and Training. Available at: <http://hdl.loc.gov/loc.mss/mfdip.2004sau01>
31. Alvandi R. Op. cit. P. 173.
32. U.S. Military sales to Iran: a staff report. Available at: https://archive.org/stream/usmilist00unit/usmilist00unit_djvu.txt
33. Guittard A. Iran and the Nixon doctrine. American Arms and the Rise and Fall of the Shah // Elements. Vol. 12. № 2. 2016. P. 62. Available at: <https://doi.org/10.6017/eurj.v6i1.9025>
34. Kissinger H. Years of Renewal. P. 583.
35. Meho L., Nehme M. Op. cit. P. 21.
36. Intention of Kurdish leader Al-Barzani to approach the United States Government for assistance March 9, 1972 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0005715730>;
37. Meho L., Nehme M. Op. cit. P. 22.
38. Kissinger H. Years of Renewal. P. 584.
39. FRUS, 1969–1976. Vol. E-4. Doc. 321. Memorandum From the President's Deputy Assistant for National Security Affairs (Haig) to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger), Washington, July 28, 1972 // Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve04/d321>
40. FRUS, 1969–1976. Vol. E-4. Doc. 201. Memorandum of Conversation, Tehran, May 31, 1972. P. 3. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve04/d201>
41. Gibson B. Op. cit. P. 144.
42. Ibid. P. 143.
43. FRUS 1969–1976. Vol. XXVII. P. 80.
44. Ibid. Pp. 80–81.
45. Ibid. P. 81.
46. Kissinger H. Years of Renewal. P. 586.
47. The fourth Arab-Israeli war (6-24 October 1973). On the role of Iraq in the war see: Terrill A. Iraq's role in the 1973 Arab-Israeli War // Small Wars & Insurgencies. 2000. Vol. 11. Issue 3. Pp. 1–20.
48. Gibson B. Op. cit. P. 148; Meho L., Nehme M. Op. cit. 21; Voller Y. Op. cit. P. 56.
49. Iraq-Kurds – FBIS report of military moves, March 28, 1974 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp78s01932a000100030061-8>
50. Gibson B. Op. cit. P. 167.
51. Kissinger H. Years of Renewal. P. 584.
52. Cable to White House from Tehran, April 17, 1974 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/loc-hak-173-6-23-8>
53. Central Intelligence Bulletin, May 9, 1974 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00975a026400120001-5>
54. Cable to the White House from Tehran, July 8, 1974 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/loc-hak-173-7-5-7>
55. Cable to ambassador Helms from Brent Scowcroft, July, 1974 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/loc-hak-173-7-8-4>
56. FRUS, 1969–1976. Vol. XXVII. P. 236.
57. Gibson B. Op. cit. P. 160.
58. Memorandum of conversation, August 26, 1974 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/loc-hak-173-7-11-0>
59. Watch report, November 7, 1974 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp93t01468r000100060006-7>
60. Backup, December 17, 1974 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp93t01468r000100050019-4>
61. FRUS 1969–1976. Vol. XXVII. P. 274.
62. Iraq: New Directions? January 21, 1975 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp85t00353r000100130006-6>
63. FRUS, 1969–1976. Vol. XXVII. P. 310.
64. Ibid. P. 311.
65. Gibson B. Op. cit. P. 181; Meho L., Nehme M. Op. cit. 22–23.
66. McDowall D. Op. cit. P. 336.
67. FRUS 1969–1976. Vol. XXVII. P. 410.
68. Gibson B. Op. cit. P. 205.

69. The Implications of the Iran-Iraq agreements, May 1, 1975 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79r01142a000500050002-7>

70. Iraq under Baath rule, 1968-1976, November 1, 1976 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79t00889a000900040001-6>

71. U.S. House. Hearings Before the Committee on Standards of Official Conduct. Investigation of Publication of Select Committee on Intelligence Report. 94th Congress, 2nd session. July 19, 20, 21, 22, 26, 27, 28 and 29, September 8, 14, 15, 1976. Available at: <https://archive.org/details/PikeCommitteeReport>

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК: 81-139

Интерференционные особенности в иноязычной речи немцев-билингвов на уровне просодии и интонации (экспериментально-фонетическое исследование)*

Байкова О. В.,

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и перевода,
Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: olga-baykova@yandex.ru

Аннотация: В статье ставится задача на основе результатов экспериментально-фонетического исследования познакомить читателей с интерференционными особенностями в звучащей неродной русской речи немцев-билингвов на уровне просодии и интонации. Представленная в статье проблема является актуальной в ситуации неполноты источниковой базы лингвистических исследований. Необходимо отметить, что при определённых социальных условиях, когда осуществляется интенсивный контакт с иноязычной средой, билингвы, несомненно, овладевают языком окружения, однако при этом более интенсивно проявляется фонетическая интерференция, приводящая к иноязычному акценту в речи, который замечен не только на сегментном, но и на супraseгментном уровне. Фонетическая интерференция на уровне слова и предложения приобретает «национальный» характер, отражающий специфику родной немецкой речи билингвов, что выражается в просодико-интонационных отклонениях.

Ключевые слова: немцы-билингвы, просодико-интонационные отклонения, фонетическая группа незавершенности, фонетическая группа завершенности.

Interference features in foreign language speech of bilingual Germans on the level of prosody and intonation (experimental-phonetic research)

Baykova O. V.,

doctor of philological sciences, professor, head of Department of linguistics and translation, Vyatka State University.
36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: olga-baykova@yandex.ru

Abstract: The aim of the article is to show the results of experimental-phonetic research demonstrating the peculiarities of interference in Russian speech of bilingual Germans, as for its prosody and intonation. The issue is very topical in conditions of incomplete sources of linguistic research. It is important to note that in definite social conditions of constant contacts with a foreign language environment bilinguals do speak the language of the environment, but at the same time there takes place a strong phonetic interference that causes a foreign accent, which is notable not only on the segmental level, but also on the supra-segmental one. Phonetic interference on the level of a word and sentence is getting a "national" character, it reflects specific features of native speech of German bilinguals, which is shown in prosodic-intonational deviations.

Keywords: bilingual Germans, prosodic-intonational deviations, phonetic group of incompleteness, phonetic group of completeness.

Проблема межъязыковой интерференции является одним из самых сложных вопросов [1], имеющих отношение к языковому взаимодействию, поэтому особенно важно исследовать ее механизм на конкретном примере, а именно, на примере языка российских немцев Кировской области, развивающегося в условиях иноязычного и идиолектного окружения [2]. В результате взаимодействия русского и немецкого языков в речи немцев-билингвов все чаще наблюдается

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Совета министров Республики Крым в рамках научного проекта № 17-412-92001 «Эволюция этнокультурных маркеров малых народов Крыма».

© Байкова О. В., 2017

вторжение норм одной языковой системы в рамки другой, в результате чего происходит так называемое выравнивание взаимодействующих языков [3].

В данной работе рассматривается межъязыковая интерференция в русской речи российских немцев Кировской области, которая проявляется на всех уровнях неродного русского языка под влиянием родного немецкого языка, и особенно заметна на уровне просодии и интонации.

Для проведения собственно экспериментально-фонетического исследования, которое имело своей целью классифицировать и описать просодико-интонационные отклонения, возникающие в русской спонтанной речи немцев-билингвов под влиянием родного немецкого языка, нами был выбран один информант-диктор, как наиболее яркий носитель островного немецкого диалекта, который прожил на территории Кировской области более 70 лет и в настоящий момент говорит на русском языке с акцентом. Следует отметить, что спонтанная речь выбранного информанта-диктора в объеме пяти часов записи на магнитофонную пленку была просегментирована при помощи компьютерной программы PRAAT анализа звучащей речи, а затем автором данной работы отдельные сегменты были проанализированы на наличие просодико-интонационных отклонений.

В своем научном труде «Theoretische Phonetik der deutschen Sprache» О. Г. Козьмин, Т. С. Богомазова и Л. И. Хицко отмечают, что межъязыковая интерференция может возникать не только на звуковом, сегментном, но также и на супraseгментном уровнях: в этом случае просодико-интонационные отклонения возникают в фонетических группах (речевых актах) на уровне ритма, ударения и методики [4]. Следует отметить, что наиболее заметные различия в интонациях литературного русского и литературного немецкого языков определяются в начале и в конце речевых актов, состоящих из одной акцентной группы. При этом рассматриваются только фонологически важные изменения движения высоты основного тона.

Если речевой акт (фонетическая группа незавершенности) протекает в начальной позиции, то немецкое и русское интонационные оформления будут иметь следующие особенности:

1. В немецком языке первая половина предударного слога характеризуется изначальным подъемом тона, который на второй половине предударного слога постепенно опускается. В первой четверти ударного слога тон резко поднимается и затем начинает постепенно опускаться или остается в положении равновесия. Такое движение тона характерно и для последующих постударных слогов. Весь диапазон голоса охватывает 4–5 полутонов.

2. Что касается движения тона в русском языке, то оно характеризуется постепенным подъемом тона, который начинается с предударного слога и включает в себя ударный слог. Постепенный спуск тона начинается уже на второй половине ударного слога. Весь диапазон голоса охватывает 6–7 полутонов.

В законченных речевых актах (фонетическая группа завершенности) мы можем наблюдать следующие различия в интонационном оформлении немецкого и русского литературных языков.

1. На ударном слоге немецкого речевого акта, который произносится с максимальной высотой тона, происходит интенсивный спад тона, который на последующих постударных слогах достигает самого низкого уровня.

2. В русской фонетической группе завершенности падение тона начинается уже на предударном слоге, которое продолжается на первой половине ударного слога. Вторая половина ударного слога произносится в состоянии незаконченности или же с небольшим повышением тона. Каденция (тон постударных слогов), если таковая имеется, имеет склонность к повышению [5].

Опираясь на вышеизложенный материал, рассмотрим просодико-интонационные отклонения, характерные для русской речи рассматриваемого информанта-диктора в двух фонетических группах: незавершенности и завершенности.

В качестве анализируемого материала нами были отобраны и проанализированы 40 отсегментированных речевых фрагментов русской речи рассматриваемого информанта-диктора, включающие фонетическую группу незавершенности (20 речевых фрагментов) и фонетическую группу завершенности (20 речевых фрагментов). В данной работе представлен анализ шести фрагментов как наиболее ярких примеров фонетических групп незавершенности и завершенности.

Анализ проводится в двух направлениях: 1) интонационное оформление фонетической группы (синтагмы) незавершенности, 2) интонационное оформление фонетической группы (синтагмы) завершенности.

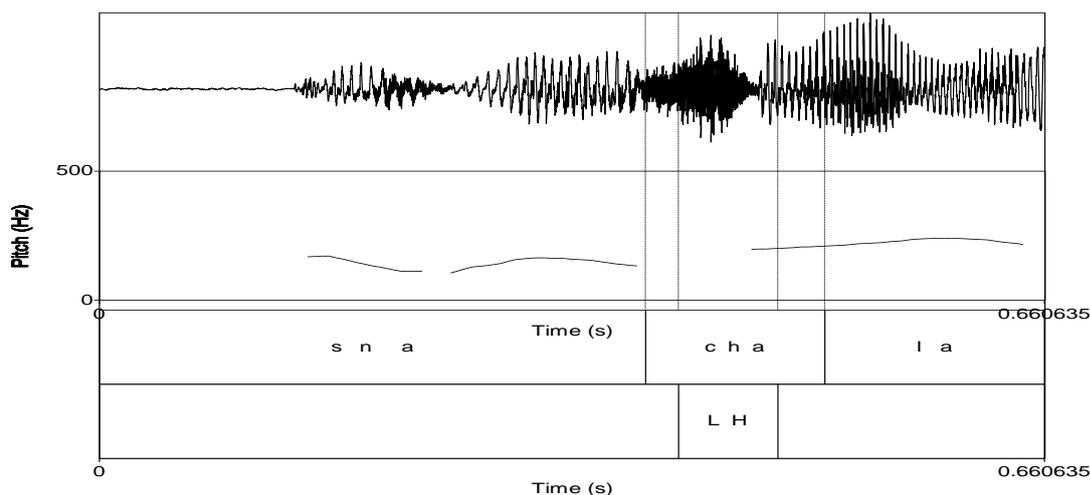

Рис. 1. «Сначала...»

На рис. 1 представлена фонетическая группа незавершенности «Сначала...». Первая половина предударного слога «сна» характеризуется изначальным подъемом тона, который достигает интонационного пика на ударном слоге «ча». Затем на последнем неударном слоге «ла» рассматриваемой синтагмы тон остается в состоянии равновесия, что характеризует незавершенность синтагмы. Наблюдается интонационное оформление незавершенности, характерное для немецкого языка.

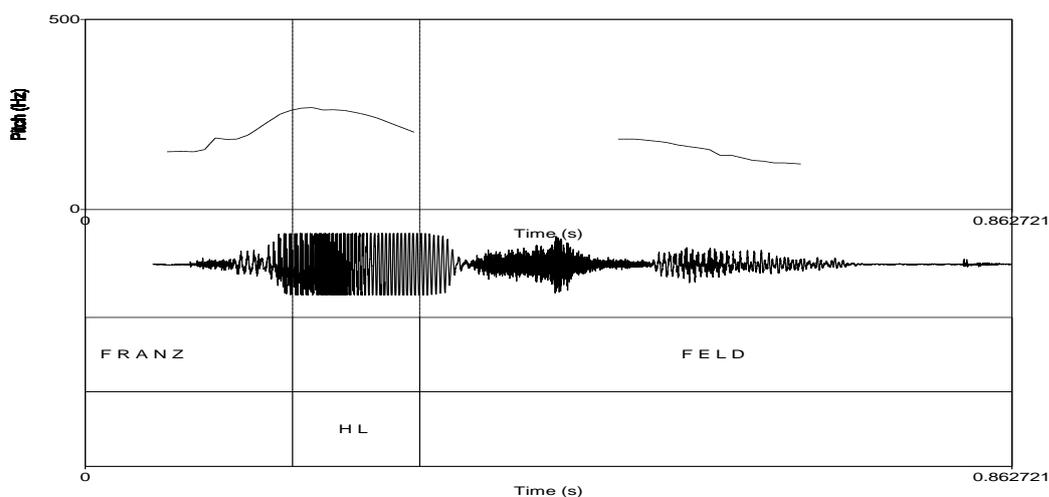

Рис. 2. «Францфельд»

На рис. 2 представлен речевой фрагмент завершенности «Францфельд». На интонационном рисунке частоты основного тона мы можем заметить, что в первой четверти предударный слог «франц» информант-диктор начинает с повышенного тона, который постепенно понижается на постударном слоге «фельд». Предударный слог в немецком языке характеризуется постепенным спуском высоты звука.

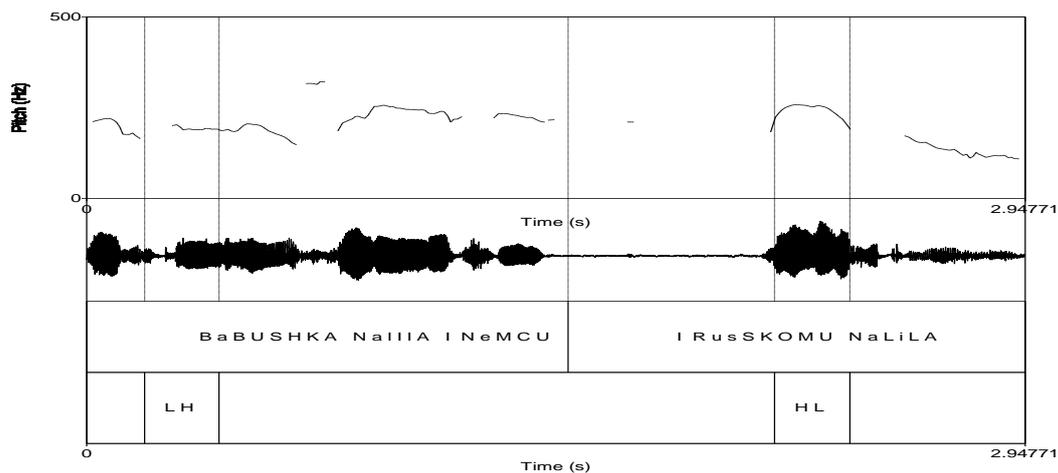

Рис. 3. «Бабушка налила и немцу и русскому налила»

На рис. 3 представлены фонетическая группа незавершенности «Бабушка налила и немцу...» и фонетическая группа завершенности «...и русскому налила». В первой синтагме информант-диктор произносит более напряженно ударные слоги «ушка», «ила», «цу», что характеризуется самым высоким пиком интонационного оформления. Однако следует заметить, что первая половина ударного слога характеризуется понижением тона, а вторая половина – повышением. На последующем постударном слоге наблюдается постепенное понижение тона, а на последнем неударном слоге рассматриваемой синтагмы тон слегка повышается, что характеризует незавершенность синтагмы. Представленное интонационное оформление характеризует интонацию незавершенности немецкого языка.

Во второй синтагме информант-диктор произносит более напряженно ударный слог «ому». На этом ударном слоге наблюдается интенсивный интонационный спад, который достигает своего самого низкого пика на слоге «ила». Таким образом, самый низкий тон падает не на ударный слог, а на постударный, что также характеризует интонационное оформление завершенности немецкого языка.

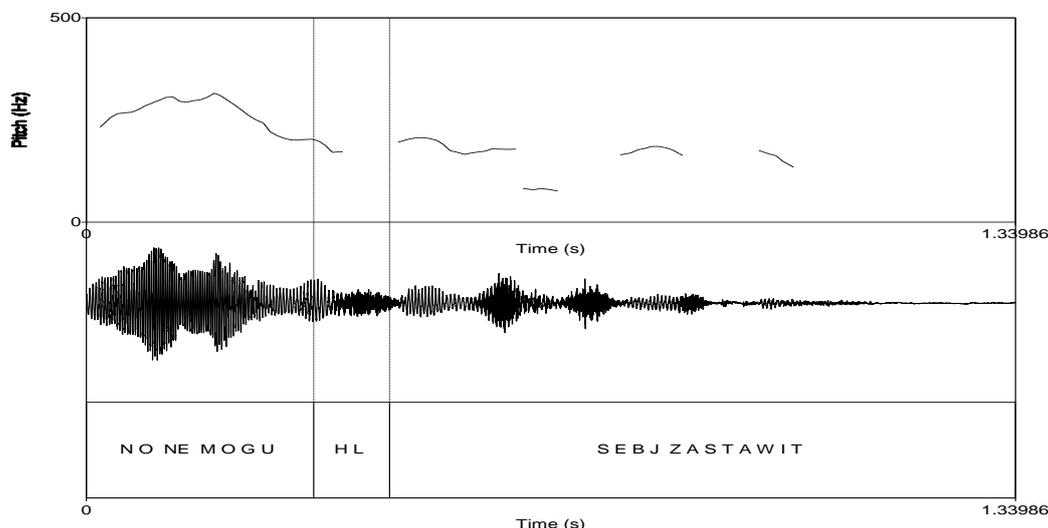

Рис. 4. «Но не могу себя заставить»

На рис. 4 рассмотрим также две фонетические группы: фонетическую группу «Но не могу...», которая характеризуется состоянием незавершенности, начинается с повышенного тона, и ударный слог «гу» достигает интонационного пика. Во второй группе начинается постепенный спад, который достигает состояния завершенности фонетической группы. Самый низкий тон падает на постударный слог «вить». Данное интонационное оформление также характерно для немецкого, а не для русского языка.

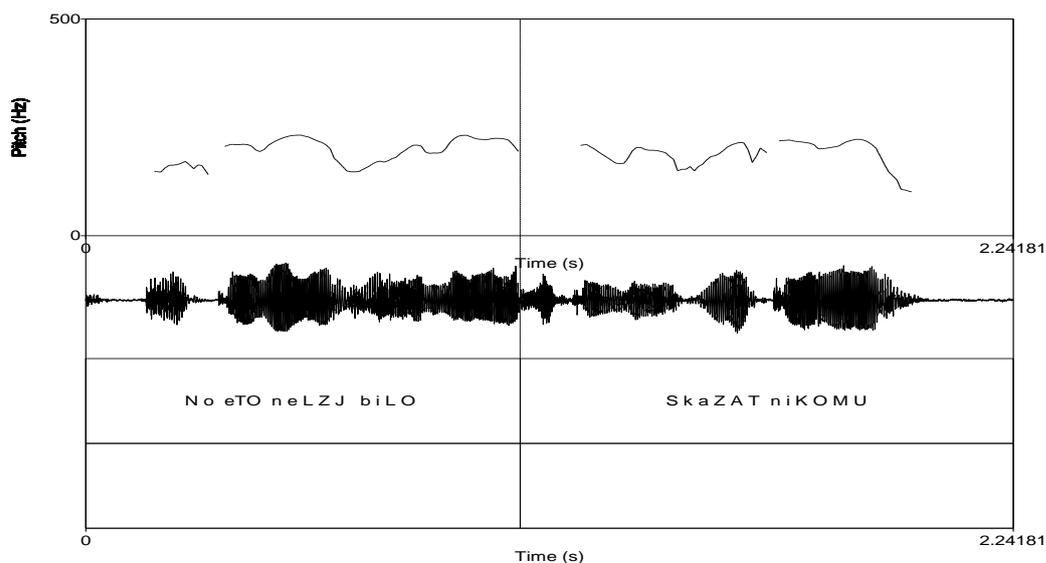

Рис. 5. «Но это нельзя было сказать никому»

На рис. 5 также представлены две фонетические группы: фонетическая группа «Но это нельзя было...», которая характеризуется состоянием незавершенности и начинается с повышенного тона, а ударный слог «бы» достигает интонационного пика; вторая фонетическая группа «...сказать никому» характеризуется постепенным понижением, который достигает состояния завершенности фонетической группы. Информант-диктор произносит более напряженно ударные слоги «э», «зя», «бы», «зат», «му». Можно отметить более длительное произношение открытого слога в конце слова: «то» (более 10 секунд) и выделение безударных слогов дополнительным ударением «но», «нел», «то», «ска», «ни», «ко». Что касается акцентной подсистемы, то в данном предложении отклонения в ритмической структуре слова вызваны различием в характере ударения и просодических законов в русском и немецком литературном языках. На данном рисунке наблюдается интонационное оформление незавершенности и завершенности, характерное для немецкого языка.

Таким образом, опираясь на вышеизложенный материал, следует отметить, что русской речи рассматриваемого информанта-диктора свойственна межъязыковая интерференция со стороны родного немецкого языка на уровне просодии и интонации, иными словами, просодико-интонационные отклонения. Просодическая интерференция выражается в совокупности с мелодией, ударением, ритмом, темпом. Среди вышеназванных компонентов выделяется, прежде всего, мелодия, на уровне которой интерференция возникает при реализации ее окончания (в наших случаях – фонетическая группа завершенности), а также при реализации мелодии в предупредительных слогах (в наших случаях – фонетическая группа незавершенности). Нами определяется национальная специфика речевой интонации, что выражается в особенностях локализации мелодической вершины в синтагме высказывания; конкретных величинах диапазона частоты основного тона высказываний, нарушении общего интонационного рисунка высказывания. Интонационная интерференция в рассматриваемых фонетических группах выражается в меньшем диапазоне мелодичности голоса, в относительно неизменяющейся высоте тона предупредительных и постударных слогов, в скорости изменения высоты основного тона, которая протекает достаточно быстро.

Проанализировав полученные экспериментальные данные, мы с уверенностью можем утверждать, что причиной данных отклонений является расхождение интонационных конструкций фонетических групп завершенности и незавершенности в немецком и русском языках.

Примечания и список литературы

1. См.: Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / [пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко]; вступ. ст. В. Н. Ярцевой. Благовещенск: Благовещен. гуманитар. колледж, 2000. 260 с.; Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике: языковые контакты. Вып. 6. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80; 344–382; Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. / отв. ред. З. И. Плавский. М., 1972. С. 26–42.

2. Подробнее см.: Байкова О. В. Функционирование немецких диалектов в условиях межъ- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киров : Изд-во ВятГУ, 2012. 40 с.
3. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. С. 55.
4. Kosmin O. G., Bogomasowa T. S., Hizko L. I. Theoretische Phonetik der deutschen Gegenwartssprache. M. : Высш. шк., 1990. С. 209.
5. Там же. С. 210.

Notes and References

1. See: Weinreich W. *Yazykovye kontakty: sostoyaniye i problemy issledovaniya* [Language contact: the state and problems of research] / [transl. from Eng. and comments by Yu. A. Zhluktenko] ; introd. article V. N. Yartseva. Blagoveshchensk. Blagovesh. Humanit. College. 2000. 260 p.; Haugen EH. *Process zaimstvovaniya* [Process of borrowing] // *Novoe v lingvistike: yazykovye kontakty* – New in linguistics: language contacts. Issue 6. M. Progress. 1972. Pp. 61-80; 344-382; Desheriev YU. D., Protchenko I. F. *Osnovnye aspekty issledovaniya dvuyazychiya i mnogoyazychiya* [Key aspects of the study of bilingualism and multilingualism] // *Problemy dvuyazychiya i mnogoyazychiya : sb. nauch. tr.* – Problems of bilingualism and multilingualism: coll. of scient. works / ed. by Z. I. Plavskin. M. 1972. Pp. 26-42.
2. See more: Bajkova O. V. *Funkcionirovanie nemeckih dialektov v usloviyah mezh" - i vnutriyazykovogo vzaimodejstviya v ramkah yazykovogo ostrova (teoreticheskie problemy i polevye issledovaniya v Kirovskoj oblasti)* M. avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Functioning of the German dialects in terms of inter – and intra-language interaction within the language island (theoretical issues and field research in Kirov region): abstr. dis. ... Dr philol. sciences]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2012. 40 p.
3. SHCHerba L. V. *Izbrannyye raboty po yazykoznaniiyu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. Vol. 1. L. Publishing house LSU. 1958. P. 55.
4. Kosmin O. G., Bogomasowa T. S., Hizko L. I. *Theoretische Phonetik der deutschen Gegenwartssprache*. M. Vyssh. Shk. 1990. P. 209.
5. Ibid. P. 210.

В. фон Гумбольдт о метафоре и метонимии

Кондакова И. А.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36. E-mail: usr11522@vyatsu.ru

Аннотация: Несмотря на тот факт, что наследие немецкого философа и языковеда В. Фон Гумбольдта не включает работ, посвященных непосредственно метафоре или метонимии, следует отметить, что его исследования затрагивают тему вторичной номинации в языке. Более того, идеи В. фон Гумбольдта согласуются с положениями когнитивной лингвистики. Так, он рассматривает метафору как способ мышления, универсальное явление, которое находит отражение во всех языках мира на всех этапах их развития, что находит подтверждение не только на уровне лексики, но и на уровне грамматической системы; метафора мыслится как способ представления абстрактных сущностей через конкретные, как представление посредством двух понятий третьего понятия, что обуславливает познавательную функцию метафоры. Способность облегчать понимание он приписывал и переносу по смежности, хотя термин «метонимия» им не употребляется. Он отмечал этноспецифичный характер метафоры, обусловленный целым рядом причин, лежащих преимущественно за рамками лингвистики. Важнейшим моментом концепции В. фон Гумбольдта является признание того факта, что любое явление в языке следует рассматривать не изолированно, а в речи (например, в литературном контексте), что может рассматриваться как предтеча когнитивно-дискурсивного подхода.

Ключевые слова: В. фон Гумбольдт, метафора, метафоричность, метонимия, когнитивная лингвистика.

W. von Humboldt on Metaphor and Metonymy

Kondakova I. A.,

candidate of philological sciences, associate professor of the Department of linguistics and translation, Vyatka State University. 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov. E-mail: usr11522@vyatsu.ru

Abstract: In the scientific inheritance of the German philosopher and linguist V. von Humboldt there are no works devoted particularly to metaphor, at the same time he cannot avoid this topic in other linguistic contexts. More than that, Humboldt's ideas do agree with the basic ideas of cognitive linguistics. He treated metaphor as a way of thinking, as a universal phenomenon characteristic of any human language at any stage of its development, as a phenomenon that exists not just on the level of the lexical system, but also of Grammar. Metaphor represents the abstract through the concrete, the third phenomenon is shown through two other ones, thus metaphor performs a teaching, explanatory, heuristic function. The function in question is also ascribed to the transfer by contiguity (though Humboldt does not mention the term "metonymy"). Humboldt also dwells on ethnospecific character of metaphor based mostly on extralinguistic factors, such as climate, nature, history, etc. The most important idea of V. von Humboldt concerns the fact that any linguistic phenomenon should be researched not separately but in its connection with all other phenomena in speech, i. e. in discourse, which agrees with the main principle of the cognitive-discursive approach.

Keywords: W. von Humboldt, metaphor, metaphoricity, metonymy, cognitive linguistics.

Основатель общего языкознания и философии языка, немецкий философ и языковед Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) в основу своей концепции изучения языка положил антропологический подход к языку. Он назвал язык «обязательной предпосылкой мышления», посредником между природой и человеком, Гумбольдт был первым в языковедом, заявившим о связи языка и мышления, отмечая, что язык является не зеркалом действительности, а отражением представлений человека о ней: язык отражает то, как человек «представляет не предметы, но всегда понятия о них, самостоятельно образуемые умом при рождении слова» [1]. В. фон Гумбольдт указывал, что язык связан с человеком, этносом, природой, мышлением, действительностью и духом, а также их более сложными комбинациями [2]. Идеи Гумбольдта повлияли на дальнейшее развитие науки о языке.

Сфера лингвистических исследований Гумбольдта была необычайно широка как в отношении рассматриваемых языковых явлений, так и в отношении языкового материала, на базе которого строились рассуждения. Сложно найти аспект, который не был бы затронут в работах ученого. В данной статье предпринимается попытка показать его взгляд на проблему метафоры: хотя

В. фон Гумбольдт не посвящал явлению метафоры отдельных исследований, по сути, в своих работах он высказывает идеи и положения, которые через полтора века нашли свое развитие в рамках когнитивного подхода и оказались положенными в основу теории концептуальной метафоры (ТКМ).

Во-первых, важно отметить, что В. фон Гумбольдт понимает метафору как способ мышления об абстрактном в терминах конкретного: названия абстрактных сущностей происходят от названий конкретных объектов, а средствами представления абстракций в языке служат либо олицетворения, либо пространственные отношения: понятия и отношения «при переходе в язык, часто, хотя и не всегда, облекаются в какие-нибудь образы, и здесь-то особенно выказывает свою глубину гений языка – в умении совокуплять между собою те простейшие понятия, которые господствуют в самом основании языка. Лицо, и с ним местоимение, и пространственные отношения играют здесь главную роль, и часто можно бывает показать на деле, как понятие лица связывается с пространственными отношениями и как этой совокупностью образуется еще простейшее представление» [3]. Таким образом, В. фон Гумбольдт обозначил главное направление метафорического переноса: от конкретного – к абстрактному, выраженное в ТКМ термином 'embodiment' – 'воплощенность'.

Также В. фон Гумбольдт отмечал, что способы представления абстрактного с помощью конкретных образов имеют национальную специфику. Так, образы, характерные для неевропейских народов, могут быть неправильно поняты или попросту не восприняты европейцами: «большое количество понятий, особенно нематериального характера... может выражаться посредством необычных, а потому и не замечаемых нами метафор или описательно» [4]. Подобное несоответствие усугубляется несовершенством словарей, которые характеризуются неполнотой и случайностью отбора материала.

В целом, В. фон Гумбольдт представлял метафоричность слов, обозначающих абстрактные понятия как универсальное явление, распространяющееся на неевропейские языки тоже, но при этом он указывал на этноспецифичность (которая определяется многими факторами: культура, географические и климатические условия, флора, фауна и др.) конкретных проявлений метафоричности, называя метафоры неевропейских языков «необычными» (для европейца): «фантазия и чувство вносят в язык свои индивидуально-различные представления соответственно индивидуальному характеру народа, и в этом случае, как во всем индивидуальном, разнообразии форм, в каких представляется индивидуальное содержание, может простирается до бесконечности» [5]. Духовное своеобразие народа оказывает влияние как на способ обозначения понятий «с точки зрения родства этих последних, выражаемого одинаковостью звучания», так и на употребляемые при этом метафоры (видимо, мысль о своеобразии метафор казалась ему настолько сама собой разумеющейся, что об этом, как он сам заметил, даже «вряд ли стоит упоминать» [6]).

Следует добавить, что В. фон Гумбольдт, имплицитно идею о метафоричности как о свойстве, особенно характерном для начального этапа развития языка (что созвучно идеям Э. Б. де Кондильяка), отмечал, что язык сохраняет способность к метафорической изобразительности и на позднем этапе своего развития. То есть он понимал метафору как универсальное понятие не только в пространстве (свойство всех языков мира), но и во времени (на протяжении всех этапов развития языка).

В. фон Гумбольдт указывал на вездесущность метафоры, на связь метафоры и грамматики, метафоры и разговорной речи. Как отмечалось выше, он считал, что метафоры свойственны всем языкам, включая «языки нецивилизованных и малоразвившихся народов», и что в метафоризации состоит одно из проявлений особой интеллектуальной самобытности, «которую на этой докультурной ступени, казалось, нельзя было и ожидать. Языки американских аборигенов богаты примерами такого рода – смелыми метафорами, верными, но неожиданными сближениями понятий, случаи, когда неодушевленные предметы благодаря глубокомысленному пониманию их сущности, переработанного воображением, переводятся в разряд одушевленных, и т. д.». При этом он указывал, что метафора поддерживается не только в словаре, но и на грамматическом уровне. По сути, он заметил тот факт, что грамматические классы отражают категоризацию действительности тем или иным народом: «Грамматика этих языков различает не род, а неодушевленность, и одушевленность предметов, понимая ее в самом широком смысле, и из применения этой грамматической категории можно уяснить себе взгляды народов на такие предметы. Например, они помещают небесные тела в один грамматический класс с людьми и животными, явно видя в небесных светилах самодвижущиеся существа, наделенные личностным началом и, возможно, управляющие со своей высоты человеческими судьбами» [7]. Грамматические несовершенства приводят к тому, что разговорная речь, природа которой «потворствует подобным нечеткостям»,

допускается, чтобы одна форма заменяла другую, или же обозначалась метафорой «там, где ей не дается прямое и лаконичное выражение» [8]. Таким образом, В. фон Гумбольдт, во-первых, принимает метафору как факт разговорной речи, во-вторых, расширяет «сферу влияния» метафоры, говоря об «охвате» метафорой, наряду с семантическим уровнем, уровня грамматической формы.

В. фон Гумбольдт признавал познавательную функцию метафоры, полагая, что метафора не чужда научному тексту: он сам в ходе научных рассуждений прибегает к метафоре. Примером могут служить его концептуализации понятия «язык»: ЯЗЫК – ЭТО ОРГАНИЗМ (в том числе ЯЗЫК – ЭТО РАСТЕНИЕ), ЯЗЫК – ЭТО ПРОСТРАНСТВО, ЯЗЫК – ЭТО ФИЗИОНОМИЯ, ЯЗЫК – ЭТО РУДНИК и др. [9]

Рассуждая о структуре метафоры, В. фон Гумбольдт отмечал динамический характер, своего рода жизненный цикл метафоры: изначально в метафоре «из двух различных понятий... образуется третье, как, например, когда солнце называется “глазом дня”, молоко – “водой груди” и т. д., но с течением времени на всех уровнях языка (фонетическом, графическом, лексическом, грамматическом) разделяемооформленность, дискретность понятий утрачивается, они “сливаются”, и метафора перестает восприниматься как таковая, она теряется, “улетучивается» [10]. Представляется, что здесь В. фон Гумбольдт ближе к теории концептуальной интеграции Ж. Фоконые и М. Тернера, нежели собственно к ТКМ Дж. Лакоффа и М. Джосона, ибо недискретность понятий, по сути, подразумевает «бленд». Более того, говоря о постепенной утрате метафоричности, В. фон Гумбольдт обозначил такое свойство метафоры, как динамичность [11].

В своих рассуждениях В. фон Гумбольдт коснулся также и переноса по смежности (метонимии), хотя термин «метонимия» у него не отмечен: «иногда к конкретному понятию добавляется соответствующее ему родовое»; также иногда «может быть употреблено обозначение некоторой вещи, связанной с данным объектом хоть сколько-нибудь общим сходством, как, например, когда понятие протяженности и длины оказывается связанным со словами нож, меч, пика, хлеб, веревка и т. п., в связи с чем самые разнородные объекты, если они имеют хоть какое-нибудь общее свойство, попадают в один и тот же класс... чаще в них сказывается деятельность живой силы воображения». Так, в бирманском языке «рука является родовым понятием для всех видов инструментов – от ружья до зубила» [12]. В. фон Гумбольдт указывал, что такой способ изображения объектов способствует большей наглядности, поэтому он облегчает понимание – то есть метонимия, так же как и метафора, рассматривается как свойство мысли.

В целом, В. фон Гумбольдт имплицировал идею, что метафора лежит в основе всех базовых понятий, но мы этого не ощущаем, так как эта метафора постепенно «стерлась». «От нас вообще далеки исходные значения слов. Все то, что во всех языках обозначает воздух, огонь, воду, человека и т. д., для нас, за редкими исключениями, является просто условным звучанием. То, что лежало в его основе, древняя оценка народами предметов в соответствии с их свойствами, определившими выбор словесного знака, остается нам чуждым. Но как раз этот факт мог привести к необходимости уточнения посредством родового понятия. Если, предположим, китайское *ji* 'солнце' и 'день' первоначально обозначало нечто согревающее, освещающее, то было необходимо добавить к нему *tse?*, то есть слово, обозначающее материальный шарообразный объект, чтобы сделать ясным, что имеется в виду не рассеянное в воздухе тепло или свет, а согревающее и освещающее небесное тело... используя другую метафору, можно было посредством добавления слова *tse?* назвать день сыном тепла и света» – «подобные выражения были созданы сознательно, чтобы избежать недоразумений, проистекающих из употребления одного и того же слова для обозначения нескольких понятий или в качестве чтения нескольких письменных знаков» [13]. Таким образом, с учетом древней природы метафоры и ее свойства «стираться», метафору (и, вероятно, также метонимию) не всегда можно идентифицировать: то, что кажется нам буквальным, нередко имеет в своей основе перенос значения.

Говоря о слове, В. фон Гумбольдт указывал, что слову предшествует «потребность в понятии и обусловленное этим стремление к его усвоению», слово призвано выразить понятие как можно более ясно. При этом он высказал фундаментальную идею о том, что невозможно определить круг понятий данного народа в определенный период его истории исходя только из его словаря. Чтобы судить о духовном складе народа, нужен контекст связной речи (то есть дискурс), которая может быть представлена «в более или менее обширной литературе»: «...как правило, слово получает свой полный смысл только внутри сочетания, в котором оно выступает. Поэтому языковедческое исследование вышеописанного рода требует критически строгого анализа имеющих в языке письменных памятников... Мы вместе с тем узнаём, что принадлежит эпохе, что – местности, что – индивиду, и как общий для всех язык охватывает собою эти различия» [14]. Таким образом, концепция В. фон Гумбольдта о слове как репрезентанте понятия (индивидуально-

го или коллективного), несмотря на ряд различий в трактовке и терминологии, согласуется с принципами когнитивно-дискурсивного подхода. Разница состоит в том, что в когнитивной лингвистике вместо термина «понятие» применяется термин «концепт», а вместо термина «речь» – термин «дискурс». Важно отметить, что термины «концепт» и «понятие» «характеризуют разные аспекты человеческого сознания и мышления», концепт принято трактовать «расширительно», более масштабно, чем понятие, как мыслительную единицу, которая вмещает в себя «разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» [15]. Концепт находит свои выражения в дискурсе. Понятие «дискурс» соотносится (но не совпадает) с понятием «речь». В целом, существенным сходством трактовки отношения слова и понятия у В. фон Гумбольдта и концепта и его вербального воплощения в когнитивной лингвистике является идея о том, что как понятие, так и концепт невозможно принимать изолированно, отдельно от действительности, то есть вне связной речи, вне дискурса.

Таким образом, несмотря на то, что В. Фон Гумбольдт рассматривал метафору лишь в контексте других тем и явлений, применяя современную ему терминологию, он, по сути, изложил ряд положений теории метафоры, в том числе ТКМ, и когнитивной лингвистики в целом. Что касается метафоры, он отметил, что: 1) метафора есть способ мышления об абстрактном в терминах конкретного: через телесность и пространственные отношения; 2) метафора универсальна: присуща всем языкам на всех стадиях развития (включая докультурную); 3) метафорические обозначения этноспецифичны; 4) метафора проявляет себя как на уровне лексики, так и на уровне грамматики (грамматические категории метафоричны); 5) метафора вездесуща, она применяется в литературе, в разговорной речи, в науке (в своих работах он сам прибегает к метафоре); 6) в своем развитии метафора проходит ряд стадий и постепенно «сходит на нет» от частого употребления. Также важны идеи В. фон Гумбольдта о связи языка и мышления, о слове как «носителе» понятия и о том, что понятие (в том числе понятие, выраженное метафорой) нельзя принимать изолированно, отдельно от действительности, понятия не могут в полной мере проявиться в каком-либо одном аспекте языка (например, словарном), они находят реализацию в контексте связной речи – и эту идею можно считать предтечей когнитивно-дискурсивного подхода.

Примечания и список литературы

1. Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода: Введение во всеобщее языкознание / пер. с нем. ; предисл. В. фон Гумбольдта. Изд. 2-е. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 92.
2. Постовалова В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции Вильгельма фон Гумбольдта / отв. ред. В. В. Леонтьев. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2014. С. 41.
3. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. С. 92–93.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830–1835) // Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. С. 57.
5. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. 2013. С. 89.
6. Там же.
7. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. 1984. С. 168.
8. Там же. С. 102.
9. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. 2013. С. 11, 13, 20, 43, 59 и др.
10. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. 1984. С. 278.
11. Мезенин С. М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира) : учеб. пособие. М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1984.
12. Гумбольдт В. фон. Указ. соч. 1984.
13. Там же. С. 295.
14. Там же. С. 168–169.
15. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : колл. моногр. / гл. ред. Е. С. Кубрякова ; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 13, 14.

Notes and References

1. Humboldt, W. Von. *O razlichii organizmov chelovecheskogo yazyka i o vliyanii ehtogo razlichiya na umstvennoe razvitie chelovecheskogo roda: Vvedenie vo vseobshchee yazykoznanie* [On the difference of the organisms of human language and on the impact of this difference on the mental development of the human species: Introduction into general linguistics] / transl. From Germ.; foreword by W. von Humboldt. Ed. 2nd. M. Book house "Librokom". 2013. P. 92.

2. Postovalova V. I. *Yazyk kak deyatel'nost'. Opyt interpretacii koncepcii Vil'gel'ma fon Gumbol'dta* [Language as activity. The experience of interpreting the conception of Wilhelm von Humboldt] / resp. ed. V. V. Leontiev. Ed. 2nd, corr. and add. M. LENAND. 2014. P. 41.
3. *Humboldt, W. von.* Op. cit. Pp. 92-93.
4. *Humboldt, W. von. O razlichii stroeniya chelovecheskih yazykov i ego vliyaniya na duhovnoe razvitie chelovechestva (1830-1835)*[On the difference of the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind (1830-1835)] // *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* – Selected works on linguistics. M. Progress. 1984. P. 57.
5. *Humboldt, W. von.* Op. cit. 2013. S. 89.
6. Ibid.
7. *Humboldt, W. von.* Op. cit. 1984. P.168.
8. Ibid. S. 102.
9. *Humboldt, W. von.* Op. cit. 2013. Pp. 11, 13, 20, 43, 59, etc.
10. *Humboldt, W. von.* Op. cit. 1984. P. 278.
11. *Mezenin S. M. Obraznye sredstva yazyka (na materiale proizvedenij SHekspira): ucheb. posobie* [Figurative means of language (on the material of Shakespeare's works): tutorial]. M. MSPI n.a. V. I. Lenin. 1984.
12. *Humboldt, W. von.* Op. cit. 1984.
13. Ibid. P. 295.
14. Ibid. Pp. 168-169.
15. *Kubryakova E. S. V poiskah sushchnosti yazyka: vmesto vvedeniya* [In search of the essence of language: introduction] // *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Konceptualizaciya mira v yazyke : koll. monogr.* – Cognitive studies of language. Vol. IV. Conceptualization of the world in the language: coll. monogr. / ed. by E. S. Kubryakova; resp. ed. N. N. Boldyrev. M. Institute of linguistics RAS; Tambov. Publ. of TSU n.a. G. R. Derzhavin. 2009. Pp. 13, 14.

УДК: 801.31

Подходы к исследованию картины мира

Обухова О. Н.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. 610007, г. Киров, ул. Ленина, 198. E-mail: Obuchova.75@mail.ru

Оношко В. Н.,

кандидат филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. 610007, г. Киров, ул. Ленина, 198.

Березина Ю. В.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Вятский государственный университет. 610007, г. Киров, ул. Ленина, 198. E-mail: berezinalu@mail.ru

Аннотация: В настоящей работе рассматриваются основные теоретические и методологические вопросы отечественной и зарубежной лингвистики, посвященные изучению концептуальных систем и когнитивных аспектов языка. Статья посвящена анализу трактовки термина «картина мира», в ней представлен обзор основных точек зрения на феномен «картина мира», рассматриваются современные методы и подходы к исследованию картины мира как базового междисциплинарного понятия когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, литературоведения, философии. Авторы статьи определяют основные методологические направления в изучении феномена «картина мира». Теоретико-методологической базой исследования послужили теоретические положения, изложенные в трудах отечественных и зарубежных ученых. В основном исследователи сходятся в том, что картина мира формируется на основе духовного опыта людей и представляет собой результат обобщения и категоризации представлений о мире в процессе их когнитивной деятельности.

Ключевые слова: картина мира, когнитивная лингвистика, термин, метод исследования.

Approaches to Studying the Worldview

Obukhova O. N.,

candidate of philological sciences, associate professor of the Department of linguistics and translation, Vyatka State University. 198 Lenin str., 610007, Kirov. E-mail: Obuchova.75@mail.ru

Onoshko V. N.,

candidate of philological sciences, professor of the Department of linguistics and translation, Vyatka State University. 198 Lenin str., 610007, Kirov.

Berezina V. Yu.,

candidate of philological sciences, associate professor of the Department of linguistics and translation, Vyatka State University. 198 Lenin str., 610007, Kirov. E-mail: berezinalu@mail.ru

Abstract: The present paper considers the basic theoretical and methodological issues of national and foreign linguistics studying conceptual systems and cognitive aspects of the language. The article a) analyses the interpretations of the term 'worldview'; b) reviews the term 'worldview' from different viewpoints, and c) considers contemporary methods and approaches to studying the worldview as a fundamental interdisciplinary concept in cognitive linguistics, psycholinguistics, literature studies and philosophy. The authors of the paper define the main methodological ways of the studying the phenomenon 'worldview'. The theoretical ideas set out in the papers of national and foreign scientists are the theoretical and methodological procedures of the present research. The researchers basically agree that the worldview is shaped on the basis of people's spiritual experiences and is the result of the generalisation and categorisation of some images about the world within their cognitive activity.

Keywords: worldview, cognitive linguistics, term, research method.

В лингвистических исследованиях, посвященных изучению концептуальных систем и когнитивных аспектов языка, в частности, таких как состав и концептуализация знаний, способов организации и репрезентации знаний, формирующих картину мира языкового коллектива, особый интерес у ученых вызывают механизмы моделирования картины мира (КМ).

Одним из первых термин КМ ввел в науку в начале XX в. немецкий физик Г. Герц, в трудах которого КМ получает естественнонаучное толкование [1]. В *философии* термин КМ связывают с именем известного австрийского философа Л. Витгенштейна, который, рассматривая картину или, выражаясь его словами, «модель действительности», определяет данный феномен как «це-

локупность истинных мыслей» [2]. Немецкий философ М. Хайдеггер ставит вопрос несколько иначе: «Что такое картина мира? По-видимому, изображение мира» [3]. В то же время КМ, по-разному выражению ученого, представляет «сам мир, его, сущее в целом», «конструкт опредмечивающего представления» [4]. В современной философии и философии науки КМ представляет собой «целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер» [5], «сумму наглядного знания о мире» [6], картину исследуемой реальности, особый тип теоретического знания, некоторую теоретическую модель исследуемой реальности [7].

Термин КМ также получает *психологическую* интерпретацию: «представления человека о мире», «один из уровней модели мира, или образа мира, <...> содержащий модально-специфические представления» [8]. Анализируя специфику функционирования форм сознания человека, И. Ю. Морковина и Ю. А. Сорокин определяют КМ как «результат сложного взаимодействия языкового / речевого сознания с окружающей действительностью» [9].

В *литературоведении* термин КМ применяется в исследованиях идейно-тематической, сюжетно-композиционной организации художественных текстов, точнее говоря, «внутреннего мира художественного произведения» [10]. Ученый отмечает, что «из символов и понятий писатель строит картину, в которой только во вторичном плане могут быть заметны черты правдоподобного изображения действительности» [11]. Нельзя не отметить близкое современному толкованию КМ определение М. М. Бахтина: «Мир художественного видения есть мир организованный, упорядоченный и завершённый» [12].

В терминологических словарях по *культуре и культурологии* даны следующие определения КМ: «система интуитивных представлений о реальности» [13], «общекультурные, т. е. свойственные всем культурам представления о мире» [14].

Не ставя своей задачей дать точную трактовку понятия, Г. Д. Гачев раскрывает сущность предмета исследования – КМ как особой системы координат и шкалы ценностей, которая «складывается у каждого народа» и которой «человек пользуется в своем поведении и мыслях» [15]. Весьма сходными с концепцией Г. Д. Гачева представляются нам наблюдения М. М. Маковского, ср.: «КМ есть субъектный образ-гештальт объективного мира; КМ является неким идеальным образованием, которое может определяться в знаковых формах различного вида, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них» [16].

С точки зрения Т. П. Григорьевой, КМ – это «представления о мире и его законах, которые за века становятся органичны сознанию» [17]. КМ предстает в ее работе как «формообразующее начало человеческой деятельности, в значительной степени определяя характер мышления и то, что этим мышлением производится, тип духовного производства» [18].

Не менее интересны и *лингвистические концепции* содержания анализируемого явления. Они, как правило, разнонаправленны, иногда противоречивы, но все же следует отметить некоторые точки соприкосновения во взглядах представителей современных направлений в лингвистике. Остановимся подробнее на двух направлениях – лингвокогнитивном и этнолингвистическом. Предпосылки, обуславливающие статус терминологического значения КМ в когнитивной лингвистике, мы находим у Н. Ф. Алефиренко, который трактует КМ как результат отражения физической картины мира в коллективном сознании того или иного сообщества [19].

Г. В. Колшанский подмечает одно исключительно важное качество КМ, указывая на то, что «картина мира есть прежде всего познавательный, когнитивный феномен» [20]. По определению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, КМ представляет «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [21]. В. А. Маслова определяет КМ как «целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром» [22].

В этом же ряду лингвокогнитивных определений КМ можно выделить следующее: «...в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или КМ, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью» [23]. Е. В. Урысон на основе анализа системы русского языка выявляет универсальную особенность КМ, которая заключается в соотношении в структуре КМ двух миров – материального (видимого) и идеального (невидимого). Важным в этом отношении является тезис Г. В. Колшанского о существовании «вторичного идеального мира в языковой плоти», «идеальной картины мира как продукта человеческого сознания» [24]. В соответствии с этим положением автор трактует КМ «не как совокупность отдельных явлений, а как идеальное представление всей взаимосвязанности объективных предметов и процессов», как «совокупность знаний о мире» [25].

Итак, в широком смысле КМ представляет собой сформированный в сознании образ целостного мира, в котором опосредованно через знаковые семиотические системы (в частности, язык) отражаются представления о действительности, а также способы восприятия мира.

В целях создания единого, системного видения предмета исследования обратимся к достаточно широкому спектру подходов и методов исследования КМ в современной лингвистике и в смежных с ней дисциплинах. Остановимся на *трех основных направлениях* исследований.

Первый подход разработан в рамках когнитивной лингвистики зарубежными и отечественными учеными Н. Ф. Алефиренко, А. П. Бабушкиным, В. З. Демьянковым, Е. С. Кубряковой, Т. А. ван Дейком, Г. В. Колшанским, Дж. Лакоффом, З. Д. Поповой, И. А. Стерниным, Н. Д. Шмелевым и др. Сущность когнитивного подхода заключается в понимании и изучении языка «как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями» [26]. В целом эти исследования объединяет стремление ответить на вопросы: каковы «модели деятельности сознания» [27], «механизмы познавательных процессов, связанных с формированием системы знаний (картины мира)» [28].

Для того чтобы составить адекватные представления о феномене КМ, необходимо рассмотреть, как интерпретируется в рамках когнитивной лингвистики проблема взаимоотношения языка как знакового средства отражения действительности, с одной стороны, сознания как системы знаний, функционирующей в процессе освоения действительного мира, и КМ как результата отражения действительности в сознании – с другой.

Предпосылкой исследований феномена КМ как результата взаимодействия языка с когнитивными системами является постулат выдающегося немецкого мыслителя В. фон Гумбольдта: «Я намереваюсь исследовать функционирование языка в его широчайшем объеме – не просто в его отношении к речи и к ее непосредственному продукту, набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [29]. Такая постановка задачи позволяет по-новому подойти к вопросу о роли языка «в акте превращения мира в мысль» [30], с помощью которого, по словам Л. Вейсгербера, осуществляется «мыслительное преобразование мира» [31]. Основой этого направления исследований являются концепции Л. Вейсгербера и Й. Трира о наличии в языке структурно расчлененных понятийных сфер, которые получают новое осмысление и развитие в работах отечественных и зарубежных ученых. Так, Й. Трир пишет: «Каждый язык представляет систему отбора, стоящую над объективной реальностью и противопоставляемую ей. Фактически язык создает самостоятельный и законченный образ действительности. Каждый язык членит реальность по-своему и таким образом устанавливает элементы реальности, которые свойственны только данному языку. <...> Они представляют собой лингвистико-концепциальную реализацию картины действительности на основе неоднородной, но определенным образом членящейся модели <...>» [32].

З. Х. Бижева отмечает фактор влияния языка на формирование представлений о мире. По ее мнению, «ментальные репрезентации, связанные не с самим миром как таковым, а с его моделями, предопределены в какой-то степени и лингвистическими представлениями этого мира (т. е. языковой репрезентацией)» [33]. Рассуждая о языковых и когнитивных механизмах, Н. Ф. Алефиренко пишет: «Структурированные в нашем сознании образы не только отражают мир, в котором мы живем, но и порождают различные модели мира» [34]. При этом ученый несколько иначе ставит вопрос о роли языка в когниции, подчеркивая, что «язык – главное средство формирования и выражения мысли» [35].

Вслед за Э. Сепиром и Б. Л. Уорфом сторонники гипотезы лингвистического релятивизма признают довлеющее воздействие языка как инструмента познания на образ мыслей и восприятие мира его носителями [36]. Приведем в качестве иллюстрации образное высказывание Б. Л. Уорфа: «Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [37]. Иного мнения придерживается В. В. Маслова, которая, критикуя теорию Э. Сепира и Б. Л. Уорфа, подчеркивает, что КМ – это «вторичное существование мира, закрепленное и реализованное в особой материальной форме, языке» [38]. В этом свете исследователь объясняет существование языкового (вербального) и неязыкового путей познания. Это положение теснейшим образом связано с проблемой взаимодействия важнейших величин триединства «язык – мышление – действительность».

Одним из важных положений в когнитивной лингвистике является идея конструирования получаемых человеком в процессе его когнитивной деятельности знаний «в соответствии с познавательными стереотипами и нормами» [39]. Не случайно А. П. Бабушкин пишет, что «действительность отражается в человеческом сознании, формируя образ мира, его картину» [40].

Как отмечает Т. А. ван Дейк, «обозначаемый мир не является когнитивно релевантным: то, что мы видим и представляем, – опять-таки некая конструкция, модель ситуации» [41]. Согласно его теории когнитивных моделей, конструирование в сознании образов реального мира обуслов-

лено принципом схематизации эмпирического опыта жизнедеятельности человека и существующими в его сознании прототипическими схемами представления и организации знаний (так называемыми моделями ситуации) [42]. Сходные мысли высказывает М. В. Пименова, которая определяет когнитивную модель как «некоторый стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт, знания о мире» [43]. Важную роль при этом исследователь отводит языковым схемам, представляющими собой формы и способы языковой репрезентации знаний о фрагментах мира.

Н. Ф. Алефиренко предлагает новый подход в рамках когнитивных исследований, разработав шестиуровневую модель КМ. Первый уровень – физическая КМ, представляющая отражение действительности в результате логического и чувственного познания действительности. Второй уровень – типовая ситуация (этномикромир). Третий уровень – КМ, представленный логической и языковой КМ. Четвертый уровень – дискурс, сложное когнитивно-коммуникативное явление, в состав которого входит не только текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, события, мнения, ценностные приоритеты). Следующие уровни – культурема и концепт. И высший уровень включает в себя языковое сознание и языковую КМ [44].

В рамках лингвокогнитивного направления можно выделить еще одну проблемную область исследований, которая непосредственно затрагивает вопрос осмысления, оценки содержательности КМ. Л. Б. Никитина при описании КМ как целостного феномена признает необходимость учитывать ряд следующих признаков: «...субъект, творящий картину мира; объект (мир или его фрагмент), образ которого воссоздается с помощью творческой активности субъекта; форма представления объекта (мира или его фрагмента)» [45]. Предлагаемый путь исследования обладает, однако, существенным недостатком: описание КМ представлено непосредственно в статическом, точнее говоря, «застывшем» виде, в этом случае вряд ли представляется возможным реконструировать происходящие в ней изменения или ее развитие, если только речь не идет об отражении результатов изменения или развития КМ. И если принять во внимание, что «когнитивная лингвистика нацелена на моделирование КМ, на моделирование языкового сознания» [46], то модальной установкой в исследованиях КМ является обращение к языку (как к динамическому явлению), так как «именно он формирует понятия и организует восприятие в связную картину мира» [47].

С. М. Толстая предлагает два подхода к изучению КМ – семантический (семасиологический) и ономасиологический. Ономасиологический подход позволяет реконструировать «образ мира, в слове явленный», семантический подход позволяет вскрыть тонкие механизмы сознания и восприятия мира на основе выявления и анализа компонентов лексического значения [48]. В частности, метод реконструкции обозначенных в языке семантических структур был применен Т. В. Топоровой с целью анализа языкового воплощения древнегерманской модели мира, ее восстановления на основе языковых данных. В ее работе были использованы разные стратегии описания моделей мира, включая «анализ семантических мотивировок ключевых понятий», исследование контекста (непосредственного окружения слова), этимологический анализ и метод семантической реконструкции [49].

Важным в плане исследования КМ является метод реконструкции, разработанный Н. И. Толстым, сущность которого, по словам ученого, сводится к «восстановлению, или, лучше сказать, – выведению некоторого инварианта из множества» [50]. Подобным образом автор реконструирует этимологическое значение слов, которые в материальной и духовной культуре архаических обществ являются ценностными категориями.

Сторонниками лингвокультурологического подхода являются В. И. Карасик и его школа, В. А. Маслова и др. Цель исследований в рамках данного подхода заключается в выявлении национально-культурной значимой информации, проявляющейся в знаках культуры и языках разных народов и воплощенной в КМ. Можно выделить следующие аспекты культурологического и лингвокультурологического исследования КМ: анализ знаков культуры и языка в диахронии и синхронии, способы отображения семиотических знаков культуры и языка, реконструкция и способы вербализации культурных концептов, интерпретация категорий культуры и способы их воплощения в КМ – языковых и неязыковых семиотических моделирующих системах.

В рамках лингвокультурологического подхода к изучению КМ можно выделить аксиологическое направление, которое направлено на описание КМ путем реконструкции комплексной системы ценностных координат, выявление ценностных ориентаций и установок по данным языка, определение их значимости для человека и общества в целом. Как правило, единицами исследования аксиологической КМ выступают ценности и нормы, которыми человек и общество руководствуются в жизнедеятельности [51].

Психолингвистический подход позволяет выявлять природу и сущность КМ через исследование соотношения языка и сознания, феноменов мышления и восприятия человеком внутреннего и внешнего мира. Исходя из особенностей языкового и неязыкового сознания, структуры сознания и других психических феноменов, в современной науке разрабатываются возможные схемы освоения мира, модели формирования знаний человека о мире [52].

А. А. Леонтьев предлагает новое направление в исследовании языка и сознания – этнопсихолингвистическое. «Пора понять, что в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено» [53].

Как видим, современные лингвистические направления ориентированы на исследования языкового сознания как явления психической феноменологии. В этом плане с целью повышения валидности (достоверности) результатов исследования, обеспечения репрезентативности и верификации данных применяются психологические методы, в первую очередь приемы экспериментального исследования: свободный и направленный ассоциативный эксперимент, классификационный эксперимент, сопоставительный, рецептивный эксперимент, метод субъектного шкалирования и др.

Обобщая вышесказанное, приходим к выводу о том, что выражение КМ получает распространение в самых различных областях гуманитарных и естественных наук. Учитывая точки зрения авторитетных ученых, представителей разных научных направлений, существующие в современной науке, КМ можно классифицировать по следующим основаниям:

– по уровню объективности отражения и средствам моделирования действительности: концептуальная КМ, языковая КМ, художественная КМ, когнитивная КМ;

– «по форме представления объекта, определяемой сферой деятельности субъекта познания» [54]: физическая КМ, философская КМ, биологическая КМ, культурная КМ, религиозная КМ и т. д.;

– по форме существования: общечеловеческая КМ, социоэтническая КМ, индивидуальная КМ, универсальная КМ, индивидуально-авторская КМ (КМ писателя, поэта и т. п.) и т. д.;

– в зависимости от способа и метода познания: рациональная и чувственная; диалектическая и метафизическая; материалистическая и идеалистическая; теоретическая и эмпирическая, научная и «наивная», естественнонаучная и религиозная; физическая, химическая и т. д.

Примечания и список литературы

1. *Серебрянников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. С. 12–13.
2. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М.: Издательство «Гнозис», 1994. Ч. 1. С. 8–10.
3. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 49.
4. Там же. С. 49–52.
5. *Философский словарь.* М.: Республика, 2001. С. 234.
6. *Философский словарь.* М.: Республика, 2003. С. 200.
7. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки.* М.: «Канон»: РООИ «Реабилитация», 2009. С. 581.
8. *Психологический словарь.* М.: ОЛМА Медиа Групп: ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. С. 294–295.
9. *Морковина И. Ю., Сорокин Ю. А.* Социоментальные картины мира: опыт моделирования коллизий сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 118.
10. *Лихачев Д. С.* Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74.
11. *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 45.
12. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 172.
13. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. С. 127.
14. *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 108.
15. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Космо-психо-логос. М.: Изд. сервис, 2002. С. 16.
16. *Маковский М. М.* Язык – Миф – Культура. М.: Изд-во «Русские словари», 1996. С. 15–16.
17. *Григорьева Т. П.* Образы мира в культуре: встреча Запада с Востоком // Культура, человек и картин мира. М.: Наука, 1987. С. 271.
18. Там же. С. 271.
19. *Алефиренко Н. Ф.* Лингво-когнитивное моделирование картины мира // Картина мира: язык, литература, культура: сб. науч. ст. Вып. 2. Бийск: РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. С. 102.
20. *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. С. 62.
21. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Язык и национальное сознание. Воронеж: «Истоки», 2007. С. 4.
22. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. С. 64.
23. *Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогии в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 9.

24. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М. : Наука, 1990. С. 18.
25. Там же. С. 18–21.
26. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 19.
27. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 11.
28. Болдырев Н. Н. Указ. соч. С. 24.
29. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М. : ОАО ИГ «Прогресс», 2000. С. 75.
30. Там же. С. 67.
31. Цит. по: Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962. С. 304.
32. Там же. С. 305.
33. Бижева З. Х. Культура и языковая картина мира : учеб. пособие. Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2003. С. 15.
34. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие. М. : Флинта, 2005. С. 182.
35. Там же. С. 182.
36. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Изд. группа «Прогресс» : «Универс» 1993. С. 260.
37. Уорф Б. Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. I. С. 174.
38. Маслова В. А. Указ. соч. С. 70.
39. Петров В. В., Герасимов В. И. На пути к когнитивной модели языка (вступительная статья) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М. : Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 8.
40. Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 4.
41. Дейк Т. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 178.
42. Dijk Teun A. van Context and cognition: knowledge frames and speech act comprehension // Journal of Pragmatics 1, 1997. P. 213–217; Dijk Teun A. van Semantic Macro-Structures and Knowledge Frames in Discourse Comprehension // Cognitive Processes in Comprehension. Marcel Adam Just and Patricia A. Carpenter (Eds.). Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1977. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Semantic%20MacroStructures%20and%20Knowledge%20Frames%20in%20Discourse.pdf> (дата обращения: 16.03.2012).
43. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов. Т. 1. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 16.
44. Алефиренко Н. Ф. Лингво-когнитивное моделирование картины мира ... С. 102–107.
45. Никитина Л. Б. Языковая картина мира и основные черты языковой концептуализации действительности // Картина мира: язык, литература, культура. Бийск : РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. Вып. 2. С. 42.
46. Маслова В. А. Указ. соч. С. 13.
47. Вендина Т. И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. 2002а. № 4. С. 45.
48. Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. № 1 (3). С. 118.
49. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира : монография. М. : Радикс, 1994. С. 7, 12–14.
50. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд-е 2-е, испр. М. : Изд-во «Индрик», 1995. С. 60.
51. Баева Л. В. Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология истории : монография. Астрахань, 2004; Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славян. культуры, 2001; Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М. : Алгоритм : Эксмо, 2008; Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М. : Раритет, 1997; Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М. : Ин-т ДИДИК, 1999; Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-психо-логос...; Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Общие вопросы русский, болгарский, киргизский, грузинский, армянский. М. : Сов. писатель, 1988; Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного. М. : Индрик, 2004; Сухина И. Г. Ценности и культурная картина мира: к вопросу об аксиологии культуры // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2012. Т. 24 (65). № 1–2. С. 232–243; и др.
52. Зимняя И. А. Способы формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная реальность. М., 1993. С. 51–58; Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М. : Педагогика, 1983. Т. II. 320 с.; Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная реальность. М., 1993– С. 16–21; Морковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Социоментальные картины мира: опыт моделирования коллизий сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 118–134; Уфимцева Н. В. Человек и его сознание: проблема формирования // Язык и сознание: парадоксальная реальность. М., 1993. С. 59–75; Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство (аспекты

психолингвистического анализа). М. : Наука, 1984; Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная реальность. М., 1993. С. 20.

53. Никитина Л. Б. Языковая картина мира и основные черты языковой концептуализации действительности // Картина мира: язык, литература, культура. Бийск : РИО БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006б. Вып. 2. С. 43.

54. Там же.

Notes and References

1. Serebrennikov B. A. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: YAzyk i myshlenie* [Role of human factor in language: Language and thinking]. M. Nauka. 1988. Pp. 12-13.

2. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. M. Publishing House "Gnosis". 1994. Part 1. Pp. 8-10.

3. Heidegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. M. Respublika. 1993. P. 49.

4. Ibid. Pp. 49-52.

5. *Filosofskij slovar'* – Philosophical dictionary. M. Respublika. 2001. P. 234.

6. *Filosofskij slovar'* – Philosophical dictionary. M. Respublika. 2003. P. 200.

7. *EHnciklopediya ehpistemologii i filosofii nauki* – Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. M. Kanon: ROOI "Rehabilitation". 2009. P. 581.

8. *Psihologicheskij slovar'* – Psychological dictionary. M. OLMA Media Grupp: OLMA PRESS Obrazovanie. 2007. Pp. 294-295.

9. Morkovina I. YU., Sorokin YU. A. *Sociomental'nye kartiny mira: opyt modelirovaniya kollizij soznaniya* [Social-mental picture of the world: the experience of modeling collisions of consciousness] // *YAzyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'* – Language and consciousness: paradoxical rationality. M. 1993. P. 118.

10. Lihachev D. S. *Izbrannye trudy po russkoj i mirovoj kul'ture* [Inner world of an artistic work] // *Voprosy literatury* – Questions of literature. 1968, No. 8, p. 74.

11. Lihachev D. S. *Izbrannye trudy po russkoj i mirovoj kul'ture* [Selected papers on Russian and world culture]. SPb. SpbSUP. 2006. P. 45.

12. Bahtin M. M. *EHstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. Iskusstvo. 1986. P. 172.

13. Rudnev V. P. *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of culture of XX century]. M. Agraf. 1999. P. 127.

14. Stepanov YU. S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Study experience]. M. School "Languages of Russian culture ". 1997. P. 108.

15. Gachev G. D. *Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-psiho-logos* [National images of the world. Cosmo-psycho-logos]. M. Publ. service. 2002. P. 16.

16. Makovsky M. M. [Language – Myth – Culture]. M. Publishing house "Russian dictionaries". 1996. Pp. 15-16.

17. Grigor'eva T. P. *Obrazy mira v kul'ture: vstrecha Zapada s Vostokom* [Images of the world in culture: the meeting of East and West] // *Kul'tura, chelovek i kartin mira* – Culture, people, and pictures of the world. M. Nauka. 1987. P. 271.

18. Ibid. P. 271.

19. Alefirenko N. F. *Lingvo-kognitivnoe modelirovanie kartiny mira* [Linguo-cognitive modeling of the world picture] // *Kartina mira: yazyk, literatura, kul'tura : sb. nauch. st.* – Picture of the world: language, literature, culture: collection of scientific works. Vol. 2. Biysk. RIO BPSU n.a. V. M. Shukshin. 2006. P. 102.

20. Kolshanskij G. V. *Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [Objective picture of the world in knowledge and language]. M. Nauka. 1990. P. 62.

21. Popova Z. D., Sternin I. A. *YAzyk i nacional'noe soznanie* [Language and national consciousness]. Voronezh. Istoki. 2007. P. 4.

22. Maslova V. A. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku : ucheb. posobie* [Introduction to cognitive linguistics: tutorial]. M. Flinta: Nauka. 2007. P. 64.

23. Uryson E. V. *Problemy issledovaniya yazykovej kartiny mira: Analogii v semantike* [Problems of the study of linguistic picture of the world: Analogy in semantics]. M. Languages of Slavonic culture. 2003. P.9.

24. Kolshanskij G. V. *Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [Objective picture of the world in knowledge and language]. M. Nauka. 1990. C. 18.

25. Ibid. Pp. 18-21.

26. Boldyrev N. N. *Konceptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki* [The conceptual space of cognitive linguistics] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* – Issues of cognitive linguistics. 2004, No. 1, p. 19.

27. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z. *K probleme mental'nyh reprezentacij* [To the problem of mental representations] // *oprosy kognitivnoj lingvistiki* – Issues of cognitive linguistics. M. Institute of linguistics; Tambov. Tambov State Univ. n.a. G. R. Derzhavin. 2007, No. 4, p. 11.

28. Boldyrev N. N. *Konceptual'noe prostranstvo kognitivnoj lingvistiki* [The conceptual space of cognitive linguistics] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* – Issues of cognitive linguistics. 2004, No. 1, p. 24.

29. Humboldt W. *Von Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected papers on linguistics]. M. JSC Publ. Group "Progress". 2000. P. 75.

30. Ibid. P. 67.

31. Cit. by: Zvegincev V. A. *Ocherki po obshchemu yazykoznaniyu* [Essays on general linguistics] M. Publ. of Mosc. University. 1962. P. 304.
32. Ibid. P. 305.
33. Bizheva Z. H. *Kul'tura i yazykovaya kartina mira: ucheb. posobie* [Culture and language picture of the world: tutorial]. Nalchik Kab.-Balk. Univ. 2003. P. 15.
34. Alefirenko N. F. *Sovremennye problemy nauki o yazyke: ucheb. posobie* [Modern problems of the science of language: tutorial]. M. Flinta. 2005. P. 182.
35. Ibid. P. 182.
36. Sepir E.H. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. M. Publ. group "Progress": "Univers". 1993. P. 260.
37. Wharf B. L. *Nauka i yazykoznanie (O dvuh oshibochnyh vozzreniyah na rech' i myshlenie, harakterizuyushchih sistemu estestvennoj logiki, i o tom, kak slova i obychai vliyayut na myshlenie)* [Science and linguistics (two erroneous views on it and thinking that characterizes the system of natural logic, and how the words and customs influence the thinking)] // *Novoe v lingvistike – New in linguistics*. M. 1960. Issue I. P. 174.
38. Maslova V. A. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku : ucheb. posobie* [Introduction to cognitive linguistics: tutorial]. M. Flinta: Nauka. 2007. P. 70.
39. Petrov V. V., Gerasimov V. I. *Na puti k kognitivnoj modeli yazyka (vstupitel'naya stat'ya)* [On the way to cognitive models of language (introductory article)] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike – New in foreign linguistics*. Issue XXIII. M. Progress. 1988. Issue XXIII. P. 8.
40. Babushkin A. P. «Vozmozhnye miry» v semanticheskom prostranstve yazyka ["Possible worlds" in the semantic space of the language]. Voronezh. Voronezh State Un-ty. 2001. P. 4.
41. Dejk T. van, Kinch V. *Strategii ponimaniya svyaznogo teksta* [Strategies of comprehension of coherent texts] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike – New in foreign linguistics*. M. Progress. 1988. Issue XXIII. P. 178.
42. Dijk Teun A. van Context and cognition: knowledge frames and speech act comprehension // *Journal of Pragmatics* 1, 1997. P. 213–217; Dijk Teun A. van Semantic Macro-Structures and Knowledge Frames in Discourse Comprehension // *Cognitive Processes in Comprehension*. Marcel Adam Just and Patricia A. Carpenter (Eds.). Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1977. Available at: <http://www.discourses.org/OldArticles/Semantic%20MacroStructures%20and%20Knowledge%20Frames%20in%20Discourse.pdf> (accessed 16.03.2012).
43. Pimenova M. V. *Metodologiya konceptual'nyh issledovanij* [Methodology of conceptual studies] // *Antologiya konceptov – The anthology of concepts*. Vol. 1. Volgograd. Paradigm. 2005. P. 16.
44. Alefirenko N. F. *Lingvo-kognitivnoe modelirovanie kartiny mira* [Linguo-cognitive modeling of the world picture] // *Kartina mira: yazyk, literatura, kul'tura : sb. nauch. st.- Picture of the world: language, literature, culture: collection of scientific works*. Vol. 2. Biysk. RIO BPSU n.a. V. M. Shukshin. 2006. Pp. 102-107.
45. Nikitina L. B. *Yazykovaya kartina mira i osnovnye cherty yazykovoj konceptualizacii dejstvitel'nosti* [Linguistic image of the world and the main features of conceptualizing reality] // *Kartina mira: yazyk, literatura, kul'tura – Picture of the world: language, literature, culture: collection of scientific works*. Vol. 2. Biysk. RIO BPSU n.a. V. M. Shukshin. P. 42.
46. Maslova V. A. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku: ucheb. posobie* [Introduction to cognitive linguistics: tutorial]. M. Flinta: Nauka. 2007. P. 13.
47. Vendina T. I. *Slovoobrazovanie kak istochnik rekonstrukcii yazykovogo soznaniya* [Word formation as a source of reconstruction of the language consciousness] // *Voprosy yazykoznaniya – Problems of linguistics*. 2002, No. 4, p. 45.
48. Tolstaya S. M. *Motivacionnye semanticheskie modeli i kartina mira* [Motivational semantic model and picture of the world] // *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian language in a scientific light*. M. Languages of Slavonic culture. 2002, No. 1 (3), p. 118.
49. Toporova T. V. *Semanticheskaya struktura drevnegermanskoj modeli mira : monografiya* [Semantic structure of the old Germanic model of the world: monograph]. M. Radiks. 1994. Pp. 7, 12-14.
50. Tolstoj N. I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Publ. 2nd, corr. M. Publ. "Indrik". 1995. P. 60.
51. Baeva L. V. *Cennosti izmenyayushchegosya mira: EHkzistencial'naya aksiologiya istorii : monografiya* [Value of a changing world: an Existential axiology history: monograph]. Astrakhan. 2004; Vezhbickaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through key words]. M. Languages of Slavic culture. 2001; Gachev G. D. *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the peoples of the world.] M. Algorithm: Eksmo. 2008; Gachev G. D. *Nacional'nye obrazy mira. Amerika v sravnenii s Rossiej i Slavyanstvom* [National images of the world. America in comparison with Russia and the Slavs]. M. Raritet. 1997; Gachev G. D. *Nacional'nye obrazy mira. Evraziya – kosmos kochevnika, zemledel'ca i gorca* [National images of the world. Eurasia – space of the nomad, the farmer and the mountaineer]. M. Institute DIDIK. 1999; Gachev G. D. *Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-psiho-logos...* [National images of the world. Cosmo-psycho-logos...]; Gachev G. D. *Nacional'nye obrazy mira. Obshchie voprosy russkij, bolgarskij, kirgizskij, gruzinskij, armyanskij* [National images of the world. General questions Russian, Bulgarian, Kyrgyz, Georgian, Armenian]. M. Sov. Writer. 1988; *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki ehstetiki: konceptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* – Logical analysis of language. The languages of aesthetics: the conceptual field of beauty and ugliness. M. Indrik. 2004; Suhina I. G. *Cennosti i kul'turnaya kartina mira: k voprosu ob aksiologii kul'tury* [Values and cultural picture of the world: the issue of axiology of culture] // *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacion-*

al'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser. «Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sociologiya» – Scientific notes of Taurida National University n.a. V. I. Vernadskiy. Ser. "Philosophy. Cultural studies. Political science. Sociology". 2012, Vol. 24 (65), No. 1-2, pp. 232-243; etc.

52. *Zimnyaya I. A. Sposoby formirovaniya i formulirovaniya mysli kak real'nost' yazykovogo soznaniya* [Ways of formation and formulation of thought as the reality of language consciousness] // *YAzyk i soznanie: paradoksal'naya real'nost'* – Language and consciousness: paradoxical reality. M. 1993. Pp. 51-58; *Leont'ev A. N. Izbrannye psichologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works]. M. Pedagogika. 1983. Vol. II. 320 p.; *Leont'ev A. A. YAzykovoe soznanie i obraz mira* [Language consciousness and image of the world] // *YAzyk i soznanie: paradoksal'naya real'nost'* – Language and consciousness: paradoxical reality. M. 1993. Pp. 16-21; *Morkovina I. YU., Sorokin YU. A. Sociomental'nye kartiny mira: opyt modelirovaniya kollizij soznaniya* [Social-mental picture of the world: the experience of modeling collisions of consciousness] // *YAzyk i soznanie: paradoksal'naya racional'nost'* – Language and consciousness: paradoxical rationality. M. 1993. Pp. 118-134; *Ufimceva N. V. CHelovek i ego soznanie: problema formirovaniya* [The man and his mind: the problem of the formation] // *YAzyk i soznanie: paradoksal'naya real'nost'* – Language and consciousness: paradoxical reality. M. 1993. Pp. 59-75; *Frumkina R. M. Cvet, smysl, skhodstvo (aspekty psicholingvisticheskogo analiza)* [Color, sense, similarity (aspects of psycholinguistic analysis)]. M. Nauka. 1984; *Leont'ev A. A. YAzykovoe soznanie i obraz mira* [Language consciousness and image of the world] // *YAzyk i soznanie: paradoksal'naya real'nost'* – Language and consciousness: paradoxical reality. M. 1993. P. 20.

53. *Nikitina L. B. YAzykovaya kartina mira i osnovnye cherty yazykovoj konceptualizacii dejstvitel'nosti* [Linguistic image of the world and the main features of conceptualizing reality] // *Kartina mira: yazyk, literatura, kul'tura* – Picture of the world: language, literature, culture. Biysk. RIO BPSU n.a V. M. Shukshin. 2006. Vol. 2. P. 43.

54. Ibid.

УДК: 81'42

Структура и содержание художественного концепта *game* в романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»

Сатина Д. Д.,

аспирант кафедры романо-германской филологии, Курганский государственный университет.
640020, г. Курган, ул. Советская, 63, стр. 4. E-mail: dsatina@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности репрезентации художественного концепта *game* на материале романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Выбор темы обусловлен неослабевающим интересом исследователей к феномену игры, который способен оказывать влияние на многие сферы общественной жизни. Таким образом, описание игровой деятельности в художественном произведении помогает раскрыть позицию автора относительно поднятых в произведении проблем. Выбор концептуального анализа как основного метода исследования определяется возрастающим влиянием когнитивной парадигмы на развитие современной гуманитарной науки, фокусирующейся на идее антропоцентризма. Автор указывает, что идея анализа концепта *game* не является новой, и приводит краткий обзор посвященных данной проблеме исследований, большинство из которых, тем не менее, выполнены на материале русского языка. Что касается алгоритма концептуального анализа, автор отдает предпочтение варианту, предложенному И. В. Тарасовой и подразумевающему выделение в структуре концепта понятийного, предметно-чувственного, ценностно-оценочного, образного, символического и ассоциативного смысловых компонентов.

Ключевые слова: художественный концепт, концептуальный анализ, структура концепта, репрезентация, гештальт, ассоциаты, игра.

The structure and contents of the artistic concept *game* in the novel by J. D. Salinger «The Catcher in the Rye»

Satina D. D.,

Postgraduate student of the Department of Romano-Germanic Philology, Kurgan State University.
63 Sovlet str., 640020, Kurgan. E-mail: dsatina@mail.ru

Abstract: This article is an attempt to analyze the means of representation of the artistic concept *game* in the novel by J. D. Salinger «The catcher in the rye». The interest of the readers and researches to the mentioned literary work is one of the factors that determined the choice of the topic of our investigation. – неточный перевод. Besides, the phenomenon of game is able to influence many aspects of social and cultural life, and therefore episodes describing different varieties of games can be helpful in revealing the idea or ideas of a literary work. Nowadays the cognitive paradigm prevails in linguistics and other liberal arts, and this fact determines the choice of the conceptual analysis as the basic method of the investigation. We should also admit that we are not the first to pay attention to the above mentioned subject, and there exist several research papers dedicated to the concept *game* in fiction, but most of these works are based on Russian language and literature. In the article presented we use the algorithm of the conceptual analysis, suggested by I. V. Tarasova. According to this algorithm the structure of the artistic concept includes the notional, demonstrative, axiological, image-bearing, symbolical and associative components.

Keywords: Artistic concept, conceptual analysis, structure of the concept, representation, gestalt, associates, game.

Дж. Д. Сэлинджер по праву считается одним из самых популярных американских писателей, и известностью он во многом обязан своему роману «Над пропастью во ржи». Впервые роман был опубликован в 1951 г. и сразу же стал культовым произведением, интерес к которому как читателей, так и исследователей сохраняется до сих пор.

Следует отметить, что в период, когда создавался роман, американское общество пребывало в состоянии кризиса. Вторая мировая война не могла не оставить след в душах людей, особенно тех, кто принимал в этой войне непосредственное участие. К их числу принадлежал и Дж. Д. Сэлинджер, поэтому неудивительно, что чувство отчаяния и безысходности отразилось в его творчестве. Также важно отметить, что трагические события первой половины XX в. во многом способствовали формированию нового философского течения – экзистенциализма. Данное направление делает акцент на идеях одиночества человека в мире, разобщенности между людьми.

ми, бессмысленности и абсурдности жизни. Кроме того, популярность экзистенциализма в значительной мере обусловлена разрушением традиционной картины мира под влиянием открытий третьей научной революции. Как следствие, в философии, науке и искусстве Европы и США первой половины XX в. утвердились идеи невозможности познания окружающей действительности по универсальной схеме; одиночества человека в непонятном и враждебном ему мире [1]. И, хотя роман «Над пропастью во ржи» на первый взгляд может показаться книгой о проблемах взросления (такая интерпретация возможна, но не является исчерпывающей), в нем проявляются многие из вышеперечисленных идей. «Герой Дж. Д. Сэлинджера напоминает “постороннего человека”, о котором говорили экзистенциалисты: он испытывает непреодолимое желание одновременно и отдалиться, уйти от людей, и найти понимание среди окружающих» [2].

Среди тем и мотивов произведения немаловажное место занимает тема игры. Д. И. Петренко считает игру структурообразующим и концептуальным принципом повествования в анализируемом романе [3], и неслучайно: кажущиеся незначительными эпизоды с упоминанием игровой деятельности, тем не менее, помогают раскрыть проблематику произведения. Кроме того, игра, благодаря огромной роли в культурной и общественной жизни, является объектом интереса множества наук: «феномен “игры” является объектом всех наук, входящих в поле антропологии. Для культуролога – это происхождение игры и ее место в разных видах культуры. Для психолога – это воздействие на человека игровых событий (риска, азарта, везения и невезения, проигрыша и выигрыша), а для социальной психологии – это виды межличностного общения во всех его формах, для философа – это роль игровой модели в формировании разных типов мышления, поведения и деятельности человека, для педагога – это роль игры в воспитании и обучении детей, которая существенно увеличилась в связи с развитием компьютерных игровых программ» [4].

По мнению нидерландского философа Й. Хейзинги, игра лежит в основе всех важнейших культурных явлений, таких как религия, искусство и даже война [5].

С одной стороны, исследование лингвистической репрезентации феномена игры – отнюдь не новая идея. На эту тему написано достаточно диссертационных работ, однако большинство из них посвящено выявлению игровых моментов в самой структуре произведений и творческом стиле, характерном для того или иного автора или литературного направления (как, например, диссертация В. В. Малащенко на тему «Феномен игры в прозе Германа Гессе», Н. А. Борисовой «Феномен игры в творчестве Максимилиана Волошина», Е. Ю. Иньшаковой «Феномен игры в культуре русского авангарда» и другие). В некоторых диссертациях анализируется репрезентация игровой деятельности в языке, но в качестве материала используются фразеологические единицы, словарные дефиниции лексем, обозначающих относящиеся к игровой деятельности понятия и отрывки из текстов средств массовой информации. А. В. Циммерлинг, автор статьи «Жизнь как игра с противоположными интересами», вошедшей в сборник «Логический анализ языка. Концептуальные поля игры» под ред. Н. Д. Арутюновой, анализирует распространенные метафоры, уподобляющие реальные жизненные ситуации игре [6]. Н. Г. Брагина в статье «Метафоры игры в описаниях мира человека» рассматривает метафоры игры, описывающие межличностные отношения, на материале русской литературы [7]. Множество статей данного сборника посвящено исследованию темы игры в отдельных художественных произведениях. Так или иначе, материалом для упомянутых работ служат преимущественно русскоязычные тексты.

В монографии Д. И. Петренко «Роман Дж. Д. Сэлинджера “Над пропастью во ржи” и его переводы на русский язык» анализируется роль игровой деятельности в социальной жизни и личностном развитии человека, и образ игры, складывающийся в итоге, весьма неоднозначен. С одной стороны, игра связывается с системой общественных правил и установок, ограничивающих свободу личности, однако игра может восприниматься как сфера искренних чувств и творческой активности [8].

В данной статье мы предприняли попытку рассмотреть тему игры в романе «Над пропастью во ржи» с позиции когнитивного подхода. Это представляется целесообразным, если учесть все возрастающее влияние когнитивной парадигмы на развитие современной науки в целом и филологии в частности. Вопросами взаимодействия языка и сознания занимается когнитивная лингвистика, являющаяся междисциплинарной областью; следовательно, многие понятия и категории, составляющие терминологический аппарат данной области, используются другими научными дисциплинами. Это справедливо, в том числе, для термина *концепт*, считающегося одним из основных понятий когнитивной лингвистики. В литературоведческих исследованиях используется, как правило, термин *художественный концепт*, и мы в рамках нашего исследования также придерживаемся данного термина, так как работа выполнена на материале художественного текста. В настоящее время не существует общепринятого определения художественного

концепта, и одной из причин сложности его формулирования может служить именно междисциплинарный характер этого понятия.

Тем не менее большинство исследователей признает, что художественный концепт является сложным образованием с определенной структурой. Так, например, И. А. Тарасова предлагает выделять в содержании художественного концепта предметный, понятийный, ассоциативный, образный, символический и ценностно-оценочный компоненты [9]. Хотя данный автор исследует художественные концепты на материале русской литературы, нам представляется правомерным использовать описанный подход по отношению к анализируемому тексту.

Кроме того, И. А. Тарасова отмечает, что существует множество разновидностей художественных концептов, и каждая из них имеет свои особенности репрезентации в тексте. Предложенная данным автором типология включает концепты с чувственно воспринимаемым ядром (предметные концепты); образно-схематические концепты; эмоциональные концепты; гештальты, совмещающие чувственные и рациональные признаки; образно-схематические и эмоциональные концепты [10].

Примерами игровой деятельности могут служить не только спортивные и азартные игры, но и актерская игра, игра на музыкальных инструментах и другие разновидности творчества, однако объектом нашего исследования являются преимущественно эпизоды, иллюстрирующие спортивные (парные и командные) и настольные игры, в том числе азартные.

В английском языке игра по правилам обозначается лексемой *game*, тогда как для обозначения спонтанной игровой деятельности используются лексемы *play*, *playing*. Поэтому, на наш взгляд, правильнее обозначить объект нашего исследования как концепт *game*.

Концепт *game*, по нашему мнению, можно отнести к гештальтам. Концепты данного типа, как указывает И. А. Тарасова, номинируются лексическими единицами с абстрактными значениями и включают в себя как чувственные, так и рациональные элементы, при этом те или другие могут преобладать [11]. В нашем случае мы, вероятнее всего, имеем дело с гештальтом с чувственной доминантой. Во всяком случае, таковым он предстает в рамках анализируемого текста, так как значительную роль в кодировании концепта играют средства перцептивной репрезентации, образующие предметно-чувственный слой концепта. Нами выделены примеры зрительной, звуковой и тактильной репрезентации, которые, кроме того, могут сочетаться друг с другом.

1. Зрительная репрезентация. Рассказывая о своей школе, Холден акцентирует внимание на ее представлении в рекламе: как правило, это изображение игрока в поло, хотя на самом деле в Пэнси не играют в поло, так как во всей школе нет ни одной лошади: «The advertise in about a thousand magazines, always showing some hot-shot guy on a horse jumping over a fence. Like as if all you ever did at Pencey was play polo all the time. I never even once saw a horse anywhere near the place» [12].

2. Зрительная и тактильная репрезентация. Перед тем как покинуть школу, Холден наблюдает футбольный матч между командами Пэнси и Саксон Хилл. Однако это зрелище не приносит герою удовольствия, он замечает не столько ход игры, сколько агрессию ее участников по отношению друг к другу: «You could see the whole field from there, and you could see the two teams bashing each other all over the place» [13].

3. Звуковая репрезентация. Вышеописанную картину дополняют крики болельщиков: «You couldn't see the grandstand too hot, but you could hear them all yelling, deep and terrific on the Pencey side, because practically the whole school except me was there, and scrawny and faggy on the Saxon Hall side, because the visiting team hardly ever brought many people with them» [14].

4. Зрительная и звуковая репрезентация проиллюстрирована эпизодом в кафе, где молодой человек рассказывает своей девушке о футболе, хотя данная тема ее совершенно не интересует: «He was telling her about some pro football game he'd seen that afternoon. He gave her any single goddam play in the whole game – I'm not kidding. He was the most boring guy I ever listened to» [15].

Первая из приведенных цитат может служить иллюстрацией весьма распространенной (в том числе в обществе описываемого периода) тенденции выдавать желаемое за действительное [16]. Цитаты под номерами 2 и 3 показывают бессмысленность и абсурдность ситуации: спортивные игры призваны спланировать людей, но в данном случае эффект обратный. Холден совершенно не ощущает солидарности со своими товарищами, напротив, наблюдение за игрой лишь усиливает чувство одиночества и отчужденности. Наконец, четвертый пример иллюстрирует одиночество и отсутствие взаимопонимания между людьми в личном общении.

Образный слой концепта в данном произведении выражен слабо. Можно лишь отметить, что игра входит в образную парадигму *жизнь – игра* в качестве правого члена: когда Холден приходит навестить своего учителя истории, последний в ходе разговора сравнивает жизнь с игрой,

протекающей по определенным правилам: «Life is a game, boy. Life is a game that one plays according to the rules» [17]. Холден готов согласиться, однако отмечает, что эти правила несправедливы, так как устанавливаются сильнейшими и защищают их интересы, заведомо причисляя каждого либо к победителям, либо к проигравшим. Следовательно, исход игры предопределен: «If you get on the side where all the hot-shots are, then it's a game, all right – I'll admit that. But if you get on the other side, where there aren't any hot-shots, then what's a game about it? Nothing. No game» [18]. Тем не менее метафора «жизнь – игра» с большей вероятностью иллюстрирует концепт *жизнь*.

Спортивные игры вообще занимают важное место в жизни английского и американского общества, поэтому вполне закономерно, что законы, действующие в игре, актуальны и в жизни. В связи с этим стоит упомянуть явление, именуемое *civic religion* 'гражданская религия'. Гражданскую религию можно определить как мировосприятие и совокупность убеждений, поддерживаемых государством, претендующих на безусловное принятие и часто принимающих форму действующей религии: «A civic religion is a state-sponsored mentality and set of beliefs that are meant to be taken unquestioningly and often take the form of a religion in practice» [19].

Как правило, данное явление возникает при тоталитарном режиме и имеет целью всесторонний контроль над жизнью общества.

Гражданские религии имеют следующие отличительные признаки;

1. Атеизм: необходим для того, чтобы преданность граждан распространялась исключительно на государство.
2. Лояльность: как и обычные религии, гражданские религии требуют полного принятия своих идей.
3. Идеология: предполагается наличие строгих правил, отклонение от которых недопустимо.
4. Культ личности: идеализация личности политического лидера вплоть до наделения его божественными качествами.

5. Пропаганда: запугивание, угрозы, карательные меры по отношению к «неугодным» [20].

Конечно, в нашем случае проявляются не все перечисленные признаки, но мы видим, что игра действительно способна превращаться в идеологию, подчиняющую личность интересам коллектива и одновременно препятствующую истинному сближению людей.

Что же касается ценностно-оценочного слоя, он прослеживается весьма отчетливо. В целом анализируемый текст изобилует оценочной лексикой. Объясняется это тем, что повествование в романе ведется от лица главного героя, отличающегося повышенной эмоциональностью, и читатель видит описанные в романе события и явления именно через призму его восприятия. В частности, об увиденном футбольном матче Холден отзывается весьма иронично: «The game with Saxon Hall was supposed to be a very big deal around Pencey. It was the last day of the year, and you were supposed to commit a suicide or something if old Pencey didn't win» [21]. Иронический эффект в данном случае достигается за счет словосочетаний *a very big deal* 'очень важное событие' и *to commit a suicide* 'совершить самоубийство', соотносящихся с лексемой *supposed*, семантика которой подразумевает нереальность ситуации. Таким образом, то, что считается важным в обществе, не является таковым для героя романа. В то же время указанные словосочетания могут служить примером гиперболы, использующейся для повышения экспрессивности высказывания.

В 4-м примере, иллюстрирующем чувственную репрезентацию концепта, мы встречаем лексическую единицу с резко негативной коннотацией *goddam* 'чертов', употребленную по отношению к футбольному матчу. Данная лексическая единица употребляется также в рассказе Холдена о несостоявшемся по его вине (правда, своей вины он не признает) соревновании по фехтованию. В данном случае лексема *goddam* относится не к игре как таковой, но выражает негативное отношение героя к возникшей ситуации и нежелание брать на себя ответственность, стремление обвинить в произошедшем внешние обстоятельства. Мы не беремся утверждать, что герой романа Дж. Д. Сэлинджера действительно является абсолютно безответственной личностью, вероятнее, он в очередной раз стремится отгородиться от ненавистного ему мира.

Также Холден ставит спортивные игры в один ряд с другими проявлениями ограниченности большинства окружающих его людей: «You figured most of them would probably marry dopey guys. Guys that always talk about how many miles they get to a gallon in their goddam cars. Guys that get sore and childish as hell if you beat them at golf, or even just some stupid game like pingpong. Guys that are very mean. Guys that never read books. Guys that are very boring...» [22] Здесь мы встречаем оценочный эпитет *stupid* 'глупый', относящийся к игре, наряду с лексемами *dopey* 'тупой', *goddam* 'чертов', *mean* 'жадный', *boring* 'скучный', и словосочетанием *childish as hell* 'до ужаса несерьезный', характеризующими явления и человеческие качества, раздражающие главного героя.

Связанная с игровой деятельностью идея ограниченности и конформизма прослеживается и в следующем эпизоде, где несколько раз повторяется устойчивое выражение *stick together* 'объединяться, собираться вместе', которое в данном случае приобретает негативную и даже уничижительную оценочную окраску (что подчеркивается лексическими единицами *goddam* 'чертов, проклятый', *little* 'мелкий, ничтожный', *dirty* 'дрянной, грязный'), хотя вне контекста данное выражение стилистически нейтрально: «...And you have to keep making believe you give a damn if the football team loses, and all you do is talk about girls and liquor and sex all day, and everybody stick together in these little dirty goddam cliques. The guys that are on the basketball team stick together, the Catholics stick together, the goddam intellectuals stick together, the guys that play bridge stick together» [23]

Далее следует описать символический слой концепта. Так, сцену футбольного матча, с которой начинается повествование Холдена, можно считать символом одиночества героя, его изолированности от общества и одновременно подавления обществом личности, не желающей признавать навязанные правила. Игра в данном случае сама является одним из таких навязанных правил, так как люди играют в футбол не ради удовольствия, а следуя традиции. Это подтверждается вышеприведенной цитатой: «The game with Saxon Hall was supposed to be a very big deal around Pencey» [24]. Матч считался важным событием, но являлся таковым лишь в силу традиции. Описание визуальной рекламы школы Пэнси также возможно трактовать как символическое воплощение лжи и лицемерия: «Так, уже в начале рассказа задается конфликт героя как с формальным представлением школы, так и в более широком плане – с миром. Играть в поло – значит быть включенным в аристократическую жизнь, быть в команде и уметь преодолевать препятствия» [25]. Тем не менее, с точки зрения персонажа Дж. Д. Сэлинджера это совершенно не соответствует действительности, о чем свидетельствует употребление устойчивого выражения *strictly for the birds* 'курам на смех'. Упоминание игры по правилам как универсального закона жизни может символизировать несправедливость социального устройства. С другой стороны, игра детей на ржаном поле, представляющая Холдену в мечтах, является олицетворением искренности и чистоты, которые герой стремится уберечь от лицемерия взрослой жизни: «Anyway, I keep picturing all these little kids playing some game in this big field of rye and all. Thousands of little kids, and nobody's around, nobody big, I mean – except me. And I'm standing on the edge of some crazy cliff. What I have to do, I have to catch everybody if they start to go over the cliff – I mean if they're running and they don't look where they are going I have to come out from somewhere and catch them» [26].

Ассоциативный слой концепта, по мнению И. А. Тарасовой, репрезентируется словами-ассоциатами экстралингвистического характера, которые «отражают закрепленную в языковом сознании поэта принадлежность к одной референтной области, определенной ситуации или области знаний в пределах одного культурного кода» [27].

С нашей точки зрения, ассоциативный слой концепта является своеобразным синтезом предметно-чувственного, образного, оценочного и символического слоев и применительно к анализируемому тексту частично репрезентируется уже приведенными примерами, поэтому мы добавим только еще не упомянутые ассоциативные представления.

Игровая деятельность в анализируемом тексте предстает преимущественно в негативном ключе, но в ряде эпизодов заметна важная роль игры в развитии дружеских отношений, что дает нам право выделить ассоциацию *игра – дружба*. Данная ассоциация реализуется, прежде всего, в эпизодах с участием подруги Холдена – Джейн. Холден играет с ней в шашки и гольф, и детальность, с которой описывается манера игры Джейн, свидетельствует о чутком отношении Холдена к подруге, уважении к ее личности: «She wouldn't move any of her kings. What she'd do, when she'd get a king, she wouldn't move it. She'd just leave it in the back row. She'd get them all lined up in the back row. Then she would never use them. She just liked the way they looked when they were all in the back row» [28]. Кроме того, Холден во всех подробностях помнит, как обучал Джейн игре в гольф, и ее успехи дают Холдену чувство морального удовлетворения и собственной значимости, что становится особенно важным, если учесть, насколько редко данный персонаж испытывает подобные чувства: «I played golf with her that same afternoon. She lost eight balls, I remember. Eight. I had a terrible time getting her to at least open her eyes when she took a swing at the ball. I improved her game immensely, though. I am a very good golfer» [29]. Также о том, что игра способна помочь в установлении межличностного контакта (даже если это только разговор об игре), свидетельствует эпизод, в котором Холден знакомится с молодым человеком, увлеченным теннисом: «He was quite interested in tennis, and so was I. He told me he went to the Nationals at Forest Hills every summer, and I told him I did too, and then we talked about certain hot-shot tennis players for quite a while» [30].

Обобщая вышесказанное, мы можем выделить основные представления-ассоциаты игры:

Игра – одиночество (сцена футбольного матча перед отъездом Холдена из Пэнси).

Игра – лицемерие (описание визуальной рекламы Пэнси).

Игра – несправедливость (упоминание игры как универсального закона социального взаимодействия).

Игра – дружба (эпизоды с участием Джейн).

Игра – скука (описание разговора о футболе в кафе).

Игра – глупость, конформизм.

Игра – детство, невинность (описание мечты Холдена стать ловцом во ржи).

Игра – безответственность, фатализм (упоминание несостоявшегося турнира по фехтованию).

Кроме того, заметна интересная закономерность: «...командные игры, особенно футбол, вызывают у Холдена неприязнь, возможно, из-за связанной с ними необходимости подчинения личности коллективу, когда человека начинают ценить не как индивидуальность, а как часть команды. Парные игры, напротив, увлекают Холдена, так как помогают лучше понять партнера, прочувствовать его внутренний мир» [31].

Следует отметить, что далеко не всегда возможно выделить конкретные лексические единицы и стилистические приемы, используемые для репрезентации концепта, и описанные ассоциативные и символические значения могут реализовываться также на уровне предложения и сверхфразового единства, а также за счет сюжетного построения и идейного содержания анализируемого текста. Кроме того, выделенные нами смысловые компоненты концепта существуют, разумеется, не изолированно друг от друга, например предметно-чувственный компонент оказывается важен не сам по себе, а как основа для формирования ценностно-оценочного, ассоциативного и символического смысловых слоев, которые, в свою очередь, также тесно взаимосвязаны: как уже отмечалось, ассоциативные представления концепта возникают на основании его предметно-чувственных, ценностно-оценочных, образных и символических представлений.

Примечания и список литературы

1. Петренко Д. И. Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его переводы на русский язык / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь, 2009. С. 17–19.
2. Там же С. 23.
3. Там же С. 89.
4. Арутюнова Н. Д. Виды игровых действий // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2006. С. 5.
5. Хейзинга Й. *Homo Ludens*. Статьи по истории культуры. М., 1988. 704 с.
6. Циммерлинг А. В. Жизнь как игра с противоположными интересами // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2006. С. 111–119.
7. Брагина Н. Г. Метафоры игры в описаниях мира человека // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2006. С. 120–143.
8. Петренко Д. И. Указ. соч. С. 89–108.
9. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте : монография. М., 2012. С. 45–51.
10. Там же. С. 51–104.
11. Там же. С. 66.
12. Salinger J. D. *The catcher in the rye*. Над пропастью во ржи. М., 1968. P. 28.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid P. 100.
16. Сатина Д. Д. Социально-психологический аспект темы игры в романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах : сб. материалов 3-й междунар. науч. конф. 23 марта 2016 г. Курган, 2016. С. 237.
17. Salinger J. D. Op. cit. P. 33.
18. Ibid P. 33–34.
19. Civic religion. URL: http://www.bioreference.net/encyclopedia/wikipedia/c/ci/civic_religion.html (дата обращения: 6. 05. 2017 г).
20. Ibid.
21. Salinger J. D. Op. cit. P. 28.
22. Ibid. P. 133.
23. Ibid. P. 140–141.
24. Ibid. P. 28.
25. Петренко Д. И. Указ. соч. С. 95.
26. Salinger J. D. Op. cit. P. 177.
27. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте : монография. М., 2012. С. 59.
28. Salinger J. D. Op. cit. P. 54.
29. Ibid P. 93.
30. Ibid P. 124.
31. Сатина Д. Д. Указ. соч. С. 238.

Notes and References

1. Petrenko D. I. Roman Dzh. D. Sehlindzhera «Nad propast'yu vo rzhi» i ego perevody na russkij yazyk [The Novel by John D. Salinger "The catcher in the rye" and its translations into the Russian language] / ed. by K. E. Stein. Stavropol. 2009. Pp. 17-19.
2. Ibid. P. 23.
3. Ibid. P. 89.
4. Arutyunova N. D. Vidy igrovyh dejstvij [Types of gaming action] // *Logicheskij analiz yazyka. Konceptual'nye polya igry* – Logical analysis of language. The conceptual fields of the game / editor N. D. Arutyunova. M. 2006. P. 5.
5. Hejzinga J. *Homo Ludens. Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens. Article on the history of culture]. M. 1988. 704 p.
6. Cimmerling A. V. ZHizn' kak igra s neprotivopolozhnyimi interesami [Life is like a game with non-opposite interests] // *Logicheskij analiz yazyka. Konceptual'nye polya igry* – Logical analysis of language. The conceptual field of the game / editor N. D. Arutyunova. M. 2006. Pp. 111 – 119.
7. Bragina N. G. *Metafora igry v opisaniyah mira cheloveka* [Metaphor of the game in the descriptions of the world of man] // *Logicheskij analiz yazyka. Konceptual'nye polya igry* – Logical analysis of language. The conceptual field of the game / editor N. D. Arutyunova. M. 2006. Pp. 120-143.
8. Petrenko D. I. Op. cit. Pp. 89-108.
9. Tarasova I. A. *Poeticheskij idiosstil' v kognitivnom aspekte : monografiya* [Poetic idiostyle in cognitive aspect: monograph]. M. 2012. Pp. 45-51.
10. Ibid. Pp. 51-104.
11. Ibid. P. 66.
12. Salinger J. D. The catcher in the rye. M. 1968. P. 28.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid. P. 100.
16. Satina D. D. *Social'no-psihologicheskij aspekt temy igry v romane Dzh. D. Sehlindzhera «Nad propast'yu vo rzhi»* [Socio-psychological aspect of the theme of the game in the novel by John D. Salinger "The catcher in the rye"] // *Universal'noe i kul'turno-specifichnoe v yazykah i literaturah : sb. materialov 3-j mezhdunar. nauch. konf. 23 marta 2016 g.* – Universal and cultural-specific in languages and literatures: proceedings of the 3rd Intern. scientific conf. March 23, 2016. Kurgan. 2016. P. 237.
17. J. D. Salinger Op. cit. P. 33.
18. Ibid Pp. 33-34.
19. Civic religion. Available at: http://www.bioreference.net/encyclopedia/wikipedia/c/ci/civic_religion.html (date accessed: 6. 05. 2017).
20. Ibid.
21. J. D. Salinger Op. cit. P. 28.
22. Ibid. P. 133.
23. Ibid. Pp. 140-141.
24. Ibid. P. 28.
25. Petrenko D. I. Op. cit. P. 95.
26. J. D. Salinger Op. cit. P. 177.
27. Tarasova I. A. *Poeticheskij idiosstil' v kognitivnom aspekte: monografiya* [Poetic idiostyle in cognitive aspect: monograph]. M. 2012. P. 59.
28. J. D. Salinger Op. cit. P. 54.
29. Ibid P. 93.
30. Ibid P. 124.
31. Satina D. D. Op. cit. P. 238.

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК: 140.8

«ДРУГОЙ» ЧЕРНЫШЕВСКИЙ: ВЕРСИЯ В. К. КАНТОРА

Емельянов Б. В.,

доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19. E-mail: bve35@yandex.ru

Ионайтис О. Б.,

доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19. E-mail: ionaitis@yandex.ru

Аннотация: Рецензия посвящена недавно вышедшей книге В. К. Кантора «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского» (М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 528 с.). В. К. Кантор – один из самых интересных историков русской мысли последних лет – предложил свою оценку, резко отличающуюся от других вариантов понимания жизни, судьбы, трудов Н. Г. Чернышевского. Новая книга Кантора ответила на вопрос предварительной заявки: о Н. Г. Чернышевском сегодня не только можно, но и нужно размышлять, говорить, исследовать его жизнь и творчество, но с иных, чем прежде, позиций. Предлагая свое видение судьбы и идей Чернышевского, Кантор прежде всего разрушает фантом Чернышевского-революционера, якобы к топору против царя зовущего передовые силы России. Достоинство второй половины рецензируемой книги в том, что в ней раскрыта христианская по духу и практическому воплощению позиция невинно арестованного и 22 месяца без суда и следствия содержавшегося в Петропавловской крепости Чернышевского и бессильная злоба властей, пытавшихся сломить его волю. Мы считаем лучшими страницами книги те, в которых рассказано о христианском подвиге Чернышевского-арестанта, не только сохранившего свое человеческое достоинство, но и продолжавшего утверждать его своей ежедневной работой.

Ключевые слова: Н. Г. Чернышевский, отечественная история, православие, революция, отечественная философия, этика.

«OTHER» CHERNYSHEVSKY: VERSION BY V. K. KANTOR

Emelyanov B. V.,

doctor of philosophical sciences, professor of the history of philosophy, philosophical anthropology, aesthetics and theory of culture, Ural Federal University. 19 Mira str., 620002, Russia, Ekaterinburg. E-mail: bve35@yandex.ru

Ionaitis O. B.,

doctor of philosophical sciences, professor of the history of philosophy, philosophical anthropology, aesthetics and theory of culture, Ural Federal University. 19 Mira str., 620002, Russia, Ekaterinburg. E-mail: ionaitis@yandex.ru

Abstract: This review discusses a recent book by V. K. Kantor «"Cut down the tree of life." The Fate Of Nikolai Chernyshevsky» (M.; SPb.: Center for humanitarian initiatives, 2015. 528 S.). V. K. Kantor – one of the most interesting historians of Russian thought in recent years has offered their assessment, dramatically different from the other options understanding of life, of fate, of the writings of N. G. Chernyshevsky. A new book by Kantor answered the question of the provisional application: N. G. Chernyshevsky today is not only possible but also need to reflect, to talk, to explore his life and work, but other than the above, positions. Offering his vision of destiny and the ideas of Chernyshevsky, Kantor primarily destroys the phantom Chernyshevsky's revolutionary, supposedly the hatchet against the king calling upon the progressive forces of Russia. The advantage of the second half of the reviewed book in that it revealed Christian in spirit and a practical embodiment the position of the innocent detainee, and 22 months without trial contained in the fortress, Chernyshevsky and impotent rage of the authorities who tried to break his will. We believe the best pages of the book are those in which it is told about the Christian heroism of Chernyshevsky-prisoner is not only preserved their dignity, but continued to say his daily work.

Keywords: N. G. Chernyshevsky, Russian history, Orthodoxy, and revolution, domestic philosophy, ethics.

У многих русских философов, общественных деятелей жизнь продолжается и после смерти, их труды актуализируются, вокруг них возникают дискуссии, они становятся знаменем в идеологической борьбе. Еще при жизни в 60–70-е гг. XIX в. для прогрессивной русской мысли таким знаменем был Н. Г. Чернышевский, а после его смерти, особенно в послеоктябрьский период, несколько высказываний о нем В. И. Ленина превратили творчество Чернышевского в пример самых передовых идей в философии, социальных науках, эстетике. Когда в постперестроечные годы марксистская идеология перестала определять оценки философских трудов русских мыслителей, многие, не имеющие доказательств, характеристики творчества Чернышевского были сняты, о чем говорят публикации о нем последних лет (М. А. Маслина в энциклопедии «Русская философия», 2-е изд. (М., 2014), И. К. Пантина в учебнике «История русской философии», 3-е изд. (М., 2016), Б. В. Емельянова в его учебнике «Русская философия XIX века». Ч. 1. 2-е изд. (М., 2017) и других), и одновременно появилась возможность иных, отличных от прежних, оценок его творчества. Владимир Карлович Кантор, один из самых интересных историков русской мысли последних лет, как раз и предложил свой, резко отличающийся от других, вариант понимания жизни, судьбы, трудов Н. Г. Чернышевского.

Книги В. К. Кантора всегда ожидаются. И понятно почему. В них всегда ставятся злободневные вопросы не только истории, но и современности. В этот раз ожидания читателей, интересующихся историей русской мысли, были подогреты своеобразной заявкой – главой «Срубленное древо жизни (Можно ли сегодня размышлять о Чернышевском)» в его книге «Русская классика, или Бытие России» (М., 2005), выпущенной в серии «Русские пропилеи». Ожидания, несомненно, оправдались. Новая книга Кантора с тем же названием ответила на вопрос предварительной заявки: о Н. Г. Чернышевском сегодня не только можно, но и нужно размышлять, говорить, исследовать его жизнь и творчество, но с иных, чем прежде, позиций.

Эта новая позиция во взглядах на Чернышевского-мыслителя, названная нами «версия Кантора», в принципе, не оригинальная и так или иначе уже высказывалась, но на сегодняшний день так доказательно представлена впервые. Автор считает Чернышевского христианским подвижником, подготовленным к служению церкви и православию отцом-священником и семинарским образованием. Жизненный путь Чернышевского изменил свое направление, но христианские ценности, усвоенные им в юности, Евангелие, которое он знал наизусть, остались с ним, руководили его поступками всю жизнь. Еще 18-летним юношей он написал А. Н. Пыпину: «Соответствовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества – что может быть выше и вожделеннее этого? Попросим у Бога, чтобы он судил нам этот жребий» [1]. И этот жребий, с одной стороны, борца за человеческое счастье, а с другой – христианского подвижника и страдальца, был ему дан.

О том, что жизненный путь Чернышевского непростой, что это путь мученический («на кресте»), а поступки его и смирение, и пример христианского миропонимания, В. К. Кантор заявил еще в 2005 г., а в новой своей книге постарался доказать. Выполнение этой задачи было непростым, напоминающим кропотливый труд реставратора картин, снимающего все наслоения прежних стереотипов, «фантомов» – бездоказательных оценок мыслей и поступков Н. Г. Чернышевского. Кантор прежде всего разрушает фантом Чернышевского-революционера, якобы к топору против царя зовущего передовые силы России. Он показывает и доказывает, что «К топору!» – призыв не Чернышевского, а Герцена, Огарева и «Колокола» с их провокационным «Письмом из провинции». На многих страницах своей книги он демонстрирует, сколь велико расхождение «мечтателя» Герцена и вдумчивого ученого-аналитика Чернышевского в трактовке общественной жизни России и путей ее развития, в понимании роли России и Запада в историческом процессе и объяснении значения в нем русской общины. В противовес Герцену трезвый реалист Чернышевский не отделял общину от достижений европейской культуры, считая, что она «поможет русскому народу совершить прорыв из структуры первобытной на высшую ступень цивилизации» [2]. По-разному Герцен и Чернышевский оценили отмену крепостного права, так и не давшую крестьянам подлинной свободы.

Достоинство второй половины рецензируемой книги в том, что в ней раскрыта христианская по духу и практическому воплощению позиция невинно арестованного и 22 месяца без суда и следствия содержавшегося в Петропавловской крепости Чернышевского и бессильная злоба жандармов, пытавшихся сломить его волю. Мы считаем лучшими страницами книги те, в которых рассказано о христианском подвиге Чернышевского-арестанта, не только сохранившего свое человеческое достоинство, но и продолжавшего утверждать его своей ежедневной работой (в

крепости он написал 205 печатных листов текста), идеями романа «Что делать?». По сути это была борьба с государственной машиной во главе с ненавидящим его императором. Автор рецензируемой книги тщательно подбирает факты и знакомит читателя с этапами этой борьбы: отказом от предлагавшихся Чернышевскому способов эмиграции, знаменитым письмом царю с требованием справедливости («повелением об освобождении меня от ареста») и доказывающим, что обвинений против него нет, и подписанным «Ваш подданный» вместо положенного «верноподданный». Вывод В. К. Кантора справедлив: «В одиночке можно было читать, писать, но можно было и бороться, отстаивая свое человеческое достоинство и право на права, можно было противопоставлять свою волю произволу начальства. И победить. Не революционером, я бы назвал его первым правозащитником, когда о таком понятии и не думал никто. Необходима не революция, а прогресс, говорил Чернышевский, понимающий прогресс как стремление к воздвижению человека в человеческий сан» [3]. А романом «Что делать?», по его мнению, Чернышевский актуализировал Новый Завет, ибо его «новые люди» должны были возвещать совершенную жизнь [4].

Удивительной была жизнь Чернышевского в сибирском заточении, особенно в страшном Вилюйске. Собственно, это была не жизнь, а житие человека продолжающего утверждать свое достоинство: он отказался встречаться с высоким церковным начальством, с губернатором; отказался подписывать прошение о помиловании; просил молодежь не делать попыток его вызволения из вилюйского заточения. Само же это заточение закончилось еще одним ударом по нему царя, переселившего заключенного из страшного Вилюйска в знойную Астрахань. И только последние несколько месяцев Чернышевскому удалось пожить в родном Саратове. Там он и скончался с Библией в руках. Более сорока венков со всей России было положено к его надгробию. «Умер русский святой, а, судя по венкам, хоронили революционера», – заключает автор и приводит удивительные факты самих похорон, взятые из письма М. Н. Пыпина [5].

В. К. Кантор – несомненно, ученый-историк, не один год собирающий по крупицам факты, устные и письменные свидетельства о жизни и трудах Н. Г. Чернышевского, доказывающие правоту авторского их видения. Многие из этих свидетельств для выявления их истинности сравниваются с другими, критикуются, а если они так или иначе не вписываются в общий контекст повествования, исследуются и объясняются. В этом отношении показательным является эпилог книги «Что же случилось после смерти?», в котором не только подводится итог авторской оценки Чернышевского как христианского подвижника, подкрепленной высказываниями В. С. Соловьева и В. В. Розанова, но и показано, как с подачи Ленина Чернышевский «носитель христианской истины... становится в глазах толпы врагом добра, революционером» [6].

Доказательная база новой книги В. К. Кантора о Чернышевском, авторские оценки и выводы, которые мы принимаем и высоко оцениваем, подводят нас к выводу о необходимости их более широкого обсуждения на конференциях в Санкт-Петербурге или Саратове – городах, связанных с жизнью и творчеством Н. Г. Чернышевского.

Примечания и список литературы

1. Кантор В. К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М. ; СПб., 2016. С. 50.
2. Там же. С. 236.
3. Там же. С. 318.
4. Там же. С. 377.
5. Там же. С. 484.
6. Там же. С. 488.

Notes and References

1. Kantor V. K. «Srublennoe drevo zhizni». Sud'ba Nikolaya Chernyshevskog["Felled tree of life." The Fate Of Nikolai Chernyshevsky]. M.; Spb. 2016. P. 50.
2. Ibid. P. 236.
3. Ibid. P. 318.
4. Ibid. P. 377.
5. Ibid. P. 484.
6. Ibid. P. 488.

**Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 10 (2017)**

16+

Подписано в печать 31.10.2017 г.
Дата выхода в свет 20.11.2017 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 200. Заказ № 4846.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36